

БЛАГОВЕСТНИК,
или
ТОЛКОВАНИЕ
БЛАЖЕННОГО ФЕОФИЛАКТА,
АРХИЕПИСКОПА БОЛГАРСКОГО
НА
СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Св. Евангелие от Марка написано было в Риме спустя десять лет по вознесении Христовом. Сей Марк был ученик и последователь Петров, которого Петр называет даже сыном своим, разумеется, духовным. Назывался он также и Иоанном: был племянник Варнавы: сопутствовал апостолу Павлу. Но большею частию находился при Петре, с которым был и в Риме. Посему верные в Риме просили его не только проповедовать им без писания, но и изложить для них дела и жизнь Христа в писании: он едва согласился на это, однако написал. Между тем, Петру открыто было Богом, что Марк написал Евангелие. Рассмотрев сие Евангелие, Петр засвидетельствовал, что оно истинно. Потом послал Марка епископом в Египет, где он своею проповедию основал в Александрии церковь и просветил всех живущих к полуденной стране.

Отличительные черты этого евангелия суть ясность и отсутствие всего неудобовразумительного. Притом, настоящий евангелист почти сходен с Матфеем, хроме того, что короче, а Матфей пространнее, и что у Матфея в начале упоминается о рождестве Господа по плоти, а Марк начал с пророка Иоанна. Отсюда некоторые не без основания видят следующее знаменование в евангелистах. Бог, сидящий на

херувимах, которых писание изображает четвероличными (Иезек, I, II), преподал нам четверообразное евангелие, оживляемое одним духом. Итак у каждого из херувимов одно лицо называется подобным льву, другое — подобным человеку, третье — орлу, а четвертое — тельцу: так и в деле евангельской проповеди. Евангелие от Иоанна имеет лицо льва: ибо лев есть образ царской власти: так и Иоанн начал с царственного и владычественного достоинства, с Божества Слова, сказав: *в начале бе Слово, и Бог бе Слово*. Евангелие от Матфея имеет лице человека: потому что оно начинается с плотского рождения и вочеловечения Слова. Евангелие от Марка сравнивается с орлом: потому что оно начинается с пророчества об Иоанне: а дар пророческой благодати, как дар острого видения и прозрения в отдаленную будущность, можно уподобить орлу, о котором говорят, что он одарен самым острым зрением, так что он один из всех животных, не смежая очей, взирает на солнце. Евангелие от Луки подобно тельцу: потому что начинается с священнического служения Захарии, возносившего фимиам за грехи народа: тогда приносили в жертву и тельца.

Итак Марк начинает евангелие пророчеством и житием пророческим.

Слушай же, что говорит!

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зачало евангелия Иисуса Христа, Сына Божия: якоже есть писано во пророцех: се аз посылаю ангела Моего пред лицем Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его. Иоанна, последнего из пророков, евангелист представляет началом евангелия Сына Божия: потому что конец ветхого есть начало нового завета. Что касается свидетельства о Предтече, то оно взято из двух пророков, — из Малахии (3, 1): *се аз посылаю ангела Моего и призрит на путь пред лицем Моим*, — и из Исаии (40, 3): *глас вопиющего в пустыни* и прочее. Это — слова Бога Отца к Сыну. Он именует Предтечу ангелом за его ангельскую и почти бесплотную жизнь, и за возвешение и указание грядущего Христа. Иоанн уготовлял путь Господень, приготавливая, посредством крещения, души иудеев к принятию Христа. *Пред лицем Твоим* — значит: близок к Тебе ангел Твой. Этим означает родственная близость Предтечи ко Христу, так как и пред царями шествуют преимущественно родственные особы. *Глас вопиющего в пустыни*, то есть, в пустыне Иорданской, а еще более в синагоге иудейской, которая была пуста в отношении к добру. Путь означает новый завет, а *стези* — ветхий, как неоднократно нарушаемый иудеями. К пути, то есть, к новому

завету они должны были приготовиться, а стези ветхого исправить: ибо хотя древле они и приняли их, но впоследствии совратились со стезей своих и заблудились.

Бысть Иоанн крестяй в пустыни, и проповедаая крещение покаяния во отпущение грехов. И исхождаше к нему вся иудейская страна, и иерусалимляне: и крещахуся вси во Иордане реце от него, исповедающе грехи своя. Иоанново крещение не имело отпущения грехов, а вводило для людей одно покаяние. Но как же Марк говорит здесь: *во отпущение грехов?* На это отвечаем, что Иоанн проповедовал крещение покаяния. А эта проповедь к чему вела? к отпущению грехов, то есть, ко крещению Христову, которое заключало уже в себе и отпущение грехов. Когда мы говорим, например, что такой-то пришел пред царем, повелевая приготовить пищу для царя: то разумеем, что исполняющие это повеление бывают благодетельствованы царем. Так и здесь. Предтеча проповедовал крещение покаяния для того, чтобы люди, покаившись и принявши Христа, получили оставление грехов.

Бе же Иоанн оболчен власы вельблужди, и пояс усмен о чреслах его, и ядый акриды и мед дивий. Мы уже говорили об этом в евангелии от Матфея: теперь же скажем только о том, что там опущено, именно, что Иоаннова одежда была знамение сетования, и пророк показывал таким образом, что кающемся должно плакать, так как вретисце обыкновенно служит знаком плача: кожаный же пояс означал омертвелость иудейского народа. А что сия одежда означала плач, об этом говорит сам Господь: *плакахом вам и не рыдасте*, называя здесь плачем жизнь Предтечи: потому что далее говорит *прииде Иоанн ни ядый, ни пия, и глаголет: беса имать* (Матф. 11, 18). Равно пища Иоаннова, указывая здесь, конечно, на воздержание, была вместе и образом духовной пищи тогдашних иудеев, которые не ели чистых птиц небесных, то есть не помышляли ни о чем высоком, а питались только словом возвышенным и направленным горе, но опять упاداющим долу. Ибо саранча (*акриды*) есть такое насекомое, которое прыгает вверх, а потом опять падает на землю. Равным образом народ ел и мед производимый пчелами, то есть пророками: но он оставался у него без ухода и не был умножаем углублением и правильным разумением, хотя евреи и думали, что они разумеют и постигают писание. Они имели писания, как бы некоторый мед: но не трудились над ними и не исследовали их.

И проповедаше, глаголя: грядет креплий мене, во след мене, емуже несъм достоин преклонся разрешити ремень сапог Его. Аз убо крестих вы водою; той же крестит вы Духом Святым. Я, говорит, недостойн быть даже самым последним рабом его, который бы разрешил ремень, то есть, узел на ремне сапогов его. Понимают впрочем и так: все приходившие и крестившиеся от Иоанна разрешались посредством покаяния от уз грехов своих, когда веровали во Христа. Таким образом Иоанн у всех разрешал ремни и узы греховные: а у Иисуса на мог разрешить такого ремня, потому что у него и не нашел сего ремня, то есть, греха.

И бысть во оных днех, прииде Иисус от Назарета галилейскаго, и крестися от Иоанна во Иордане. И абие восходя от воды, виде разводящася небеса, и Духа, яко голубя, сходяща нань. И глас бысть с небесе: Ты еси Сын Мой возлюбленный, о немже благоволих. Не за отпущением грехов Иисус приходит ко крещению, ибо греха он не сотворил, равно и не для получения Духа Святого, ибо как могло Иоанново крещение даровать Духа, когда оно не очищало грехов, как я сказал? но и не для покаяния идет он креститься, поелику он был болий самого Крестителя

(Матф. 11, 11). Итак для чего же приходит? Без сомнения, для того, чтоб Иоанн объявил о нем народу. Поелику многие стеклись туда: то благоволил придти; чтоб засвидетельствовану быть пред многими, кто он: а вместе и для того, чтобы исполнить *всяку правду*, то есть, все заповеди закона. Поелику послушание крестящему пророку, как посланному от Бога, было также заповедию, то Христос исполняет и сию заповедь. Дух сходит не потому, чтобы Христос имел нужду в этом (ибо по существу он в нем пребывает), — но чтобы ты знал, что и на тебя при крещении сходит Дух Святой. При сошествии Святого Духа тотчас изречено и свидетельство. Поелику Отец говорил свыше: *сей есть Сын Мой*: то, чтобы слышавшие не подумали, что он говорит об Иоанне, сходит на Иисуса Дух, показывая, что это сказано о нем. Небеса же отверзаются и нам, когда мы крещаемся.

И абие Дух изведе Его в пустыню. И бе ту в пустыни дней сорок, искушаемь сатаною, и бе со зверьми: и Ангели служаху Ему. Научая нас не унывать, когда после крещения впадаем в искушения. Господь уходит в гору на искушение: или лучше, не уходит, а отводится Духом Святым, показывая чрез то, что и мы не должны сами ввергаться в искушения, но принимать их, когда они постигают нас. А в гору уходит для того, чтобы по причине пустынности места диавол возымел дерзость и мог приступить к Нему: ибо он обыкновенно нападает тогда, когда видит, что мы одни. Место искушения было до того дико, что там во множестве водились звери. Ангелы стали служить Ему уже после того, как Он победил искусителя. Все это в Евангелии от Матфея изложено пространнее.

По предании же Иоаннове, прииде Иисус в Галилею, проповедая Евангелие царствия Божия, и глаголя, яко исполнися время, и приближися царствие Божие: покайтесь, и веруйте во Евангелие. Услышав, что Иоанн предан в темницу, Иисус удаляется в Галилею, дабы и нам показать, что не должно самим вдаваться в искушения, а избегать их, когда же впадем, терпеть. Христос проповедует, по-видимому, одно и то же с Иоанном, как-то: *покайтесь, и: приближися царствие Божие*. Но на самом деле не одно и то же: Иоанн говорит — *покайтесь*, с тем, чтоб отклонить от грехов, а Христос говорит — *покайтесь* — с тем, чтоб отстали от буквы закона: почему и присовокупил: *веруйте во Евангелие*: ибо тот, кто хочет веровать по Евангелию, уже упразднил закон. Господь сказывает, что *исполнилось и время* закона. Доселе, говорит, закон был в действии: а отныне настает царствие Божие, жизнь по Евангелию. Эта жизнь справедливо представляется *царством* небесным: ибо когда видишь, что живущий по Евангелию ведет себя почти как бесплотный, как не скажешь, что он имеет уже царство небесное (где нет ни пищи, ни пития), хотя оно, кажется, еще и далеко.

Ходя же при мори Галилейстем, виде Симона и Андреа брата того Симона, вмещающа мрежи в море: (беста бо рыбака). И рече има Иисус: приидита во след Мене, и сотворю вас быти ловцы человеком. И абие оставльшие мрежи своя, по Нем идоста. И прешед мало оттуду, узре Иакова Зеведеова и Иоанна брата его, и та в корабли строяща мрежи. И абие воззва я: и оставльшие отца своего Зеведея в корабли с наемники, по Нем идоста. Петр и Андрей сначала были учениками Предтечи: а когда увидели засвидетельствованного Иоанном Иисуса, то присоединились к Нему. Потом, когда Иоанн был предан, они со скорбью перешли опять к своему прежнему занятию. Итак Христос призывает их теперь во второй раз, ибо настоящее призвание есть уже второе. Заметь, что они питались от своих

праведных трудов, а не от неправедных занятий. Такие люди стоили того, чтобы быть первыми учениками Христа. Тотчас бросив бывшее у них в руках, они пошли в след за Ним: ибо не должно медлить, а должно тотчас же последовать. После сих уловляет Иакова и Иоанна. И эти, хотя сами были бедны, однако пропитывали престарелого отца своего. Но они оставили отца не потому, что оставлять родителей доброе дело, но потому, что он хотел воспрепятствовать им последовать Господу. Так и ты, когда родители будут препятствовать тебе, оставь их и последуй Благому. Видно, Зеведей не веровал: но мать сих апостолов веровала и, когда умер Зеведей, также последовала за Господом. Приметь же и сие, что прежде призывается деяние, а потом созерцание, ибо Петр есть образ деяния, потому что был пламенного характера и всегда предупреждал других, — что свойственно деянию, Иоанн напротив представляет в себе созерцание: ибо был богослов по превосходству.

И vindoша в Капернаум: и абие в субботы вшед в сонмище, учаше. И дивляхуся о учении Его: бе бо уча их, яко власть имый, и не яко книжници. Откуда пришли в Капернаум? Из Назарета, и притом в день субботний. Когда обыкновенно собирались для чтения закона, тогда пришел учить и Христос. Ибо и закон для того повелевал праздновать субботу, чтобы люди занимались чтением, собираясь для сего вместе. Учил же Господь обличительно, а не льстиво, как фарисеи: убеждал делать добро, а непокорным угрожал мучением.

И бе в сонмищи их человек в душе нечисте, и воззва глаголя: остави, что нам и Тебе, Иисусе Назарянине? пришел еси погубити нас? вем Тя, кто еси, Святой Божий. И запрети ему Иисус, глаголя: умолчи и изыди из него. И стрясе его дух нечистый, и возопи гласом великим, и изыде из него. И ужасошася вси, якоже стязатися им к себе, глаголющим: что есть сие? и что учение новое сие, яко по области и духовом нечистым велит, и послушают Его? изыде же слух Его абие во всю страну Галилейску. Злые духи называются нечистыми, потому что любят всякие гнусные дела. Выйти из человека бес почитает погибелью для себя. Злобные бесы и вообще вменяют в злострадание себе, когда не позволено им делать людям зло. Притом, будучи плотолюбивы и привыкши услаждаться веществом, они как бы терпят большой голод, когда не живут в телах. Посему Господь и говорит, что бесовский род изгоняется постом. Нечистый не сказал Христу: Ты свят, поелику и из пророков многие были святы, но сказал: *святой* — с прибавлением члена, то есть, единственный, в существе своем Святой. Но Христос заставляет его молчать, дабы мы знали, что бесам должно заграждать уста, хотя бы они говорили и правду. Бес мечет и сильно трясет одержимого им, чтоб очевидцы, видя, от какого бедствия избавляется человек, ради чуда уверовали.

И абие из сонмища изшедше, приидоша в дом Симонов и Андреев, со Иаковом и Иоанном. Теца же Симонова лежашие огнем жегома: и абие глаголаша Ему о ней. И приступль воздвиже ю, ем за руку ея: и остави ю огонь абие, и служашие им. К вечеру в субботу, как обычно было, Господь пошел в дом учеников для принятия пищи. Между тем, та, которая должна была послужить при сем, одержима была горячкою. Но Господь исцеляет ее, и она начинает служить им. Эти слова дают знать, что и ты, когда Бог исцеляет тебя от болезни, должен употребить здоровье свое на служение святым и на благоугождение Богу. Одержим бывает своего рода горячкою и человек гневливый и от гнева становится дерзок на руку. Но если слово удержит его за руку и кротко прострет ее, то прежде жегомый гневом начинает

служить слову. Ибо гневливый, когда слово удержит его руку, восстает, и таким образом гнев служит слову.

Позде же бывишу, егда захождаше солнце, приношаху к Нему вся недужныя и бесныя. И бе весь град собрался к дверем. И исцели мнози зле страждущыя различными недуги: и бесы мнози изгна, и не оставляше глаголати бесы, яко ведяху его Христа суца. Не без причины прибавлено: *егда захождаше солнце.* Поелику думали, что не позволительно исцелять в день субботний: то дождались заката солнца и тогда уже стали приносить больных для исцеления. *Многих* исцелил, сказано вместо — *всех*, потому что все составляют множество: или не всех исцелил потому, что некоторые оказались неверующими, которые и не были исцелены за свое неверие, но *многих* из принесенных исцелил, то есть, тех, кои имели веру. Бесам не позволял говорить для того, чтобы, как я сказал, научить нас не верить им, хотя бы они говорили и правду. Иначе, если они найдут кого-либо вполне доверяющего им, то чего не сделают, проклятые, примешивая к правде ложь! Так и Павел запретил пытливому духу говорить; *сии человецы суть раби Бога Вышняго:* святой муж не хотел слышать отзыва и свидетельства из нечистых уст.

И утро, ноци сущей зело востав, изыде, и иде в пусто место, и ту молитву деяше. И гнаша Его Симон и иже с ним: и обретише его, глаголаша Ему: яко вси Тебе ищут. И глагола им: идем в ближняя веси и грады, да и тамо проповем: на сие бо изыдох. И бе проповедая на сонмищах их, во всей Галилеи, и бесы изгоня. После того, как исцелил больных, Господь уходит в уединенное место, научая тем нас, чтобы мы не на показ делали что-либо, но, если сделаем какое добро, спешили бы скрыть его. И молится Он также для того, чтобы показать нам, что все, что ни делаем доброго, должно приписывать Богу и говорить Ему: *всяко даяние благо свыше есть сходя от Тебе* (Иак. 1, 17). Сам по Себе Христос даже не имел нужды в молитве. Далее, когда народ искал и сильно желал Его, не отдается ему, хотя принимает это с благосклонностью, но идет и к другим, нуждающимся в исцелении и наставлении. Ибо не должно ограничивать дела учения одним местом, но надобно всюду рассеивать лучи слова. Но смотри, как Он соединяет с учением деяние: проповедует, а потом изгоняет и бесов. Так и ты учи и вместе твори дела, дабы слово твое не было тщетно. Иначе, если бы Христос не показал вместе и чудес, то слову Его не поверили бы.

И прииде к нему прокажен, моля Его и на колену припадая пред Ним, и глаголя Ему, яко, аще хоцещи, можеши мя очистити. Иисус же милосердовав, простер руку, коснуся его, и глагола ему: хоцу, очистися. И рекшу Ему, абие отъиде от него прокажение, и чист бысть. Благоразумен был прокаженный и веровал; посему не сказал: если попросишь у Бога, но, веруя в Него как в Бога, сказал: если хочешь. Христос прикасается к нему, в знак того, что ничего нет нечистого. Закон запрещал прикасаться к прокаженному, как к нечистому: но Спаситель, желая показать, что нет ничего по природе нечистого, что требования закона должны упраздниться и что они имеют силу только над людьми, — прикасается к прокаженному; тогда как и Елисей столько боялся закона, что и видеть не хотел Неемана, прокаженного и просившего исцеления.

И запрещ ему, абие изгна его. И глагола ему, блюди, никому же ничесоже рцы: но шед покажися иереви, и принеси за очищение твое, яже повеле Моисей, во свидетельство им. Он же изшед начат проповедати много и проносити слово,

якоже ктому не мощи ему яве во град внити: но вне в пустых местех бе, и прихождаху к нему отвсюду. И из сего научаемся также не выставлять себя на показ, когда оказываем кому добро. Ибо вот и Иисус сам велит очистившемуся не разглашать о Нем. Хотя Он и знал, что тот не послушается, и разгласит, однако, как я сказал, научая нас не любить тщеславия, велит никому не говорить. Но с другой стороны, всякий благодетельствованный должен быть признательным и благодарным, хотя бы благодетель его и не нуждался в том. Так и прокаженный разглашает о полученном благодеянии, не смотря на то, что Господь не велел ему. Христос посылает его к священнику, потому что по повелению закона прокаженному не иначе можно было войти в город, как по объявлении священническом об очищении его от проказы: в противном случае он должен был изгоняться из города. В то же время Господь велит ему принести и дар, как по обыкновению приносили очистившиеся: это во свидетельство того, что Он не есть противник закона, напротив столько дорожит им, что заповедуемое в законе и Он повелевает исполнять.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

И вниде паки в Капернаум по днех: и слышано бысть, яко в дому есть, и абие собрашася мнози, якоже ктому не вмещатися ни при дверех: и глаголаше им слово. И приидоша к Нему, носяще расслабленна (жилами), носима четырьми. И не могущим приблизитися к Нему народа ради, открыша покров, идеже бе, и прокопавше свесиша одр, на немже расслабленный лежаше. Видев же Иисус веру их, глагола расслабленному: чадо, отпущаются тебе греси твои. Что значит слово — *по днех*? оно значит: по прошествии нескольких дней. По вшествии Господа в Капернаум, многие, услышав, что Он в дому, собирались в надежде удобного доступа к Нему. При сем вера мужей, принесших расслабленного, была столь велика, что они проломали кровлю дома и спустили его. Посему и Господь подает ему исцеление, видя веру сих принесших, или и веру самого расслабленного. Ибо и он сам не позволил бы взять себя, если бы не веровал, что исцелится. Впрочем Господь часто исцелял ради веры одного приносящего, хотя приносимый не был верующим, и напротив часто же врачевал ради веры приносимого, хотя приносящие не веровали. Прежде всего отпускает Он грехи болящему, а потом врачует болезнь, — потому что труднейшие болезни большею частью происходят от грехов, как и в Евангелии от Иоанна Господь производит от грехов же болезнь одного расслабленного. Этот упоминаемый у Иоанна расслабленный есть не один и тот же с упоминаемым ныне: напротив это два разные человека. Ибо упоминаемый у Иоанна не имел человека помогающего, а нынешний имеет четырех; первый был у купели овчей, а этот в дому, тот в Иерусалиме, а сей в Капернауме. Можно найти и другие между ними различия. Но должно сказать, что упоминаемый у Матфея (гл. 9) и здесь у Марка есть один и тот же.

Бяху же нецыи от книжник ту седяще, и помышляюще в сердцах своих: что сей тако глаголет хулы? И абие разумев Иисус Духом Своим, яко тако ти

помышляют в себе, рече им: что сия помышляете в сердцах ваших? Что есть удобнее рещи расслабленному: отпущаются тебе греси? или рещи: востани, и возми одр твой, и ходи? Но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи, (глагола расслабленному): тебе глаголю: востани и возми одр твой, и иди в дом твой. И воста абие, и взем одр, изыде пред всеми: яко дивитися всем, и славити Бога, глаголющим: яко николиже тако видехом. Фарисеи обвиняли Господа в богохульстве за то, что Он отпускал грехи, так как это принадлежит одному Богу. Но Господь дал им и другое знамение Божества Своего, — знание сердца их: потому что одному Богу известно сердце каждого, как и пророк говорит: Ты веси сердца един (2 Пар. 6, 30; 3 Цар. 8, 39). Между тем, фарисеи, хотя и было Господом открыто, что у них в сердце, — остаются бесчувственными, и знающему сердца их не уступают того, чтобы Он мог врачевать и грехи. Тогда Господь чрез исцеление тела удостоверяет в том, что Он исцелил и душу, то есть, посредством явного утверждает сокровенное и посредством легчайшего труднейшее, хотя это казалось им иначе. Ибо фарисеи исцеление тела, как действие видимое, почитали труднейшим, а врачевание души, как невидимое, легчайшим, и рассуждали как бы так: вот обманщик, который отклоняет от себя исцеление тела, как дело очевидное, и врачует невидимую душу, говоря: отпущаются тебе греси. Если б Он в самом деле мог исцелить, то наверное исцелил бы тело, а не стал бы прибегать к невидимому. Посему Спаситель, показывая им, что Он может совершить то и другое, говорит: что легче уврачевать, душу или тело? без сомнения, тело; но вам кажется напротив. Итак, Я исцелю тело, что на самом деле легко, а только вам кажется трудным, и тем уверю вас в исцелении души, что действительно трудно, и кажется легким потому только, что невидимо и необличаемо. Тогда говорит расслабленному: востани, и возми одр твой, дабы таким образом более уверить в действительности чуда, что оно было не мечтательное, а вместе показать, что Он не только исцелил болящего, но и дал ему силу. Так поступает Господь и с душевными немощами: не только освобождает нас от грехов, но и подает нам силу для исполнения заповедей. Итак и я, расслабленный могу исцелиться. Ибо и ныне есть Христос в Капернауме, в доме утешения, то есть в Церкви, которая есть дом Утешителя. Я расслабленный: потому что силы души моей недействительны и недвижны во благо, но когда четыре Евангелиста возьмут и принесут меня ко Господу, тогда услышу слово Его: чадо! Ибо я делаюсь сыном Божиим чрез исполнение заповедей, и мне отпустятся грехи. Но как принесут меня к Иисусу? — Проломавши кров. Что же кров? Ум, как верх существа нашего. На этом крове много земли и черепиц, то есть земных дел: но когда все это будет сброшено, когда будет разломана и освобождена от тяжести сила ума, когда потом спущусь вниз, то есть, смирюсь (я не должен возноситься, вследствие облегчения ума моего, но по облегчении обязан ниспуститься, то есть, смириться), тогда исцелюсь, и возьму одр мой, то есть тело, возбуждая оное к исполнению заповедей. Ибо не только должно восстать от греха и познать свой грех, но и взять одр, то есть тело, для делания добра. Тогда можем достигнуть и созерцания, так что все помыслы в нас скажут: николиже тако видехом, то есть, никогда не имели такого разумения, как ныне, исцелясь от расслабления. Кто очищен от грехов, тот поистине видит.

И изыде паки к морю: и весь народ идяще к нему, и учаше их. И мимогрядый виде Левию Алфеова, сидяща на мытнице, и глагола ему: по мне гряди: и встав в след его иде. И бысть возлежащу ему в дому его, и мнози мытари и грешницы возлежаху со Иисусом и со ученики его: бяху бо мнози, и по нем идоша. И книжницы и фарисее видевшие его ядуща с мытари и грешники, глаголаху учеником его: что яко с мытари и грешники яст и пьет? И слышав Иисус, глагола им: не

требуют здравии врача, но болящими, не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние. По совершении чуда над прокаженным, Господь уходит к морю, вероятно, ища уединения, но народ снова стекается к нему. Познай же, что по той мере, как ты станешь избегать славы, она будет гоняться за тобой: а ежели ты будешь гоняться за нею, она убежит от тебя. Вот и Господь только что удалился к морю, как народ опять бежит в след за Ним. Однако Он и отсюда ушел, и на пути уловил Матфея. Именуемый теперь у Марка Левий есть Матфей, так как он имел два имени. Посему-то Лука и Марк, скрывая настоящее имя, называют его Левием. Но сам он не стыдится, напротив откровенно говорит о себе: *виде Иисус Матфея мытаря* (Матф. 9, 9). Так и мы не будем стыдиться открывать грехи свои. Левий сидел у сбора пошлин, занимаясь, по обязанности своей, или взыскиванием податей с кого-нибудь, или составлением отчета, или чем другим, что обыкновенно делали сборщики податей в местах своих занятий. Но теперь так оказался усерден ко Христу, что, оставив все, последовал за Ним, и в великой радости созвал многих на обед. А фарисеи начинают винить Господа, представляя себя, конечно, людьми чистыми. Но Господь сказал на это: *не приидох призвати праведники*, то есть вас, оправдывающих самих себя (говорит в виде глумления над ними), *но грешники*, — призвать впрочем не с тем, чтобы они оставались грешниками, но *на покаяние*, то есть, чтобы они обратились. *На покаяние* сказал, дабы ты не подумал, что, призывая грешников, Он нисколько не исправляет их.

И бяху ученицы Иоанновы и фарисейстии постящиеся: и приидоша и глаголаша Ему: почто ученицы Иоанновы и фарисейстии постятся, а Твои ученицы не постятся? И рече им Иисус: еда могут сынове брачнии, дондеже жених с ними есть, поститися? елико время с собою имут жениха, не могут поститися: приидут же дние, егда отъимется от них жених, и тогда постятся в тыя дни. Иоанновы ученики, как еще несовершеннолетние, держались иудейских обычаев. Посему некоторые из приходивших ко Христу представляли их в пример, и винули Его за то, что ученики Его не постятся наравне с теми. А Он говорил им: ныне Я, жених, нахожусь с ними, и потому они должны радоваться, а не поститься: но когда Я буду взят из сей жизни, тогда, подвергаясь напастям, они будут и поститься и скорбеть. Называет Себя женихом не только потому, что обручал Себе девственные души, но и потому, что время первого пришествия Его есть время не плача и горя для верующих в него и не тяжелое время, но успокаивающее нас крещением без дел закона. В самом деле, что за труд креститься? и однако в этом легком деле обретаем спасение. *Сыны брачные* суть апостолы, потому что они сподобились радости Господа и соделались участниками всякого небесного блага и утешения. Можешь понимать и так, что всякий человек, когда совершает добродетель, *есть сын брачный*, и доколе имеет при себе жениха Христа, не постится, то есть, не оказывает дел покаяния: ибо зачем каяться тому, кто не падает? когда же отыметя от него жених Христос, когда, то есть, он впадет в грех, тогда начинает поститься и каяться, чтобы уврачевать грех.

И никтоже приложения плата небелена пришивает к ризе ветсе: аще ли же ни, возмет конец его новое от ветхаго, и горши дира будет. И никто же вливает вина нова в мехи ветхи: аще ли же ни, просадит вино новое мехи, и вино пролиетя, и меси погибнут: но вино новое в мехи новы вляти. Как небелена, то есть новая, заплатка, по своей твердости, только раздерет ветхую одежду, если будет пришита к ней, и как новое вино, по своей крепости, разорвет старые мехи: так и ученики Мои еще не окрепли, и потому, если обременим их, мы чрез это сделаем им вред, так как они по немощи своего ума похожи еще на ветхую одежду. Итак не следует

возлагать на них тяжелой заповеди поста. Или можешь и так понимать: Христовы ученики, будучи уже новыми людьми, не могут служить старым обычаям и законам.

И бысть мимоходити Ему в субботы сквозе сеяния, и начаша ученицы Его путь творити, востерзающе класы. И фарисее глаголаху Ему: виждь, что творят в субботы, егоже недостойт: и Той глаголаше им: несте ли николиже чли, что сотвори Давид, егда требование име, и взалка сам, и иже с ним? Како вниде в дом Божий при Авиафаре архиереи, и хлебы предложения снеде, ихже не достояше ясти, токмо иереем, и даде и суцым с ним? И глаголаше им: суббота человека ради бысть, а не человек субботы ради. Темже Господь есть Сын человеческий и субботе. Ученики Господа срывают колосья, как приученные жить уже не по закону. Когда фарисеи стали негодовать на это, то Христос заграждает им уста, указывая на Давида, который по нужде нарушил закон при архиерее Авиафаре. Бегая от Саула, пророк Давид пришел к сему архиерею и обманул его, сказав, что он послан царем по крайней военной надобности. Тут он и ел хлебы предложения и взял обратно меч Голиафа, некогда посвященный им Богу. Означенных хлебов было двенадцать: они каждый день возлежали на трапезе, шесть на правой и шесть на левой стороне трапезы. Некоторые спрашивают: почему евангелист назвал здесь архиерея Авиафаром, тогда как книга Царств именует его Авимелехом (1 Цар. гл. 21)? Можно сказать на это, что архиерей тот имел два имени: Авимелеха и Авиафара. Можно объяснить и иначе, именно: книга Царств говорит о тогдашнем иерее Авимелехе, а евангелист об Авиафаре, тогдашнем архиерее, и потому показания их не противоречат одно другому. Иерей был на тот раз Авимелех, а Авиафар был тогда архиереем. В высшем смысле разумеи это так: Христовы ученики идут в субботу, то есть, в душевном покое (суббота значит покой): следовательно, когда возымели свободу от страстей и от нападения бесов, тогда совершают путь, то есть делаютя и для других путеводителями к добродетели, срывая и искореняя всякие земные и низкие мечтательные произрастения. Ибо, кто предварительно не освободится от страстей и не настроит себя к тихому образу жизни, тот не может путеводить других и быть для них вождем ко благу.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

И вниде паки в сонмище: и бе тамо человек суху имый руку. И назираху Его, аще в субботы исцелитъ его, да нань возглаголют: и глагола человеку суху имущему руку: стани посреде. И глагола им: достоит ли в субботы добро творити, или зло творити? душу спасти, или погубити? они же молчаху. И возрев на них со гневом, скорбя о окаменении сердец их, глагола человеку: простри руку твою, и простре, и утвердися рука его цела яко другая. По случаю обвинения иудеями учеников за то, что они в субботу срывали колосья, Господь и примером Давида уже заградил уста обвинителям: а чтоб и теперь еще более вразумить их, он чудодействует. Чрез это он выражает следующее: вот как неповинны в грехе ученики Мои: Я и Сам делаю в день субботний, являя сие чудо. Ежели чудодействовать есть грех, то вообще и делать необходимое в субботу есть грех: но совершить чудо для спасения человека

есть дело Божие: следовательно, не нарушает закона и тот, кто делает в субботу что-либо не худое. Поэтому Господь и спрашивает иудеев: *аще достоин в субботу добро творити?* обличая их в том, что они препятствуют ему делать добро. В переносном смысле, суха бывает правая рука у всякого, кто не творит дел правой стороны. К такому человеку говорит Христос: *востани*, то есть, отстань от греха, *и стани посреде*, т. е., на средину добродетелей, так как всякая добродетель есть середина, не склоняющаяся ни к недостатку, ни к излишеству. Итак, когда он станет на эту средину, тогда рука его снова делается здоровою. Заметь и слово *утвердися* [1]: было время, когда мы имели руки или деятельные силы здоровыми, когда, то есть, еще не было совершено преступление: а с тех пор, как рука наша простерлась к запрещенному плоду, она стала сухой по отношению к деланию добра. Но она опять придет в прежнее здоровое состояние, когда мы станем посреде добродетелей.

И изшедше фарисее абие со Иродианы совет творяху нань, како его погубят. Иисус же отъиде со ученики своими к морю: и мног народ от Галилеи по нем иде, и от Иудеи, и от Иерусалима, и от Идумеи, и со онаго полу Иордана, и от Тера и Сидона множество многое, слышавше, елика творяше, приидоша к нему. И рече учеником своим, да корабль будет у Него народа ради, да не стужают ему. Многи бо исцели, якоже нападати на него, да ему прикоснутся, елицы имеяху раны: и дуси нечистии егда видяху его, припадаху к Нему, и зваху, глаголюще: яко Ты еси Сын Божий: и много прещаше им, да не явленна его сотворят. Кто такие были Иродиане? — или воины Иродовы, или какая новая секта, признавшая Ирода за Христа, по той причине, что при нем кончилось преемство иудейских царей. Пророчеством Иакова определялось, что, когда оскудеют князи от Иуды, тогда придет Христос (Быт. 49). Итак, поелику во времена Ирода никто уже не был князем из иудеев, но властвовал Ирод иноплеменник (он был идумеянин): то некоторые приняли его за Христа и составили секту. Сии-то люди и хотели было убить Господа. Но Он уходит, поелику еще не настало время страдания. Уходит от неблагодарных вместе и для того, чтобы облагодетельствовать большее число людей. За Ним действительно последовали многие, и Он исцелял их: даже тиряне и сидоняне получили пользу, не смотря на то, что были иноплеменники. Между тем единоплеменники Его гнали Его. Так-то нет пользы в родстве, если нет благонравия! Вот и чужие приходили ко Христу издалека, а иудеи гнали Его, пришедшего к ним. Смотри же, как Христос чужд славолюбия: чтоб народ не обступил его, Он требует лодку, дабы в ней быть поодаль от народа. — *Ранами* евангелист называет болезни: ибо болезни действительно много содействуют к вразумлению нашему, так что Бог наказывает нас сими ранами, как отец детей. В переносном смысле, обрати внимание и на то, что Иисуса хотят убить Иродиане, эти плотские и грубые люди (Ирод значит — кожаный). Напротив, те, кои вышли из домов и из отечества своего, то есть, от плотского образа жизни, — те последуют за Ним: почему и исцеляются раны их, то есть, грехи, уязвляющие совесть, и нечистые духи изгоняются. Вникни наконец в то, что Иисус приказывает ученикам своим подать лодку, дабы народ не стеснял его. Иисус есть в нас слово, повелевающее, чтобы лодка наша, то есть, тело наше, готово было для Него, а не предоставлялось бы буре житейских дел, дабы эти толпы забот о делах не беспокоили живущего в нас Христа.

И възиде на гору, и призва, ихже хотяше Сам: и приидоша к Нему. И сотвори дванадесяте, да будут с Ним, и да посылает их проповедати, и имети власть целити недуги, и изгоняти бесы. И нарече Симону имя Петр: и Иакова Зеведеова, и Иоанна брата Иаковля: и нарече има имена Воанергес, еже есть, сына громава: и

Андреа, и Филиппа, и Варфоломея, и Матфея, и Фому, и Иакова Алфеова, и Фаддеа, и Симона Кананита, и Иуду Искариотскаго, иже и предаде его. Восходит на гору для того, чтоб помолиться. Поелику пред сим творил чудеса, то после совершения чудес молится, конечно, в урок нам, чтоб мы благодарили Бога, как скоро сделаем что-либо доброе, и приписывали бы то силе Божией. Или, поелику Господь намеревался рукоположить [2] апостолов, то по этому случаю восходит на гору для молитвы, в наставление наше, что и нам, когда намереваемся рукоположить кого, сначала должно молиться, чтоб открыт был нам достойный того, и чтобы мы не приобщались *чужим грехом* (1 Тим. 5, 22). А что и Иуду избирает в апостола, то отсюда мы должны понять, что Бог не отвращается человека, имеющего сделать зло, из-за будущего его злого дела: но что за настоящую его добродетель сподобляет его чести, хотя бы он впоследствии сделался худым человеком. Евангелист перечисляет имена апостолов по поводу лжеапостолов, дабы знали истинных апостолов. Сынами громовыми называет сынов Зеведея, как особенно великих проповедников и богословов.

И приидоша в дом: и собрася паки народ, яко не мощи им ни хлеба ясти. И слышавше иже бяху у Него, изыдоша, да имут Его: глаголаху бо, яко неистов есть. И книжницы, иже от Иерусалима низшедшии, глаголаху, яко веельзевула имать, и яко о князе бесовстем изгонит бесы. Слышавше, говорит, *иже бяху у Него,* то есть ближние Его, может быть, люди из одного с Ним отечественного города, или даже братья, — вышли взять Его: ибо говорили, что Он вышел из себя, то есть, что имеет беса. Так как они слышали, что Он изгоняет бесов и исцеляет болезни: то по зависти думали, что Он имеет беса и *неистов есть*, почему и хотели взять Его, чтоб связать, как беснующегося. Так думали и хотели поступить с ним и ближние Его. Подобно и иерусалимские книжники говорили, что Он имеет в Себе беса. Поелику они не могли отвергать совершившихся пред ними чудес, то обносят их другим способом, производя их от бесов.

И призвав их, в притчах глаголаше им: како может сатана сатану изгонити? и аще царство на ся разделится, не может стати дом той: и аще сатана воста на ся сам и разделится, не может стати, но конец имать. Никтоже может сосуды крепкаго, вшед в дом его, расхитити, аще не первее крепкаго свяжет, и тогда дом его расхитит. Опровергает ненавистливых иудеев неоспоримыми примерами. Как возможно, говорит, бесу изгонять бесов, когда и в обыкновенных домах видим, что, пока живущие в них мирны, дома стоят благополучно, а коль скоро произойдет в них разделение, падают? Как возможно, говорит, чтобы кто расхитил посуду крепкого, если наперед не свяжет его? Эти слова означают следующее: *крепкий* есть диавол: *сосуды* его суть люди, служащие ему вместилищем. Таким образом если кто наперед не свяжет и не низложит диавола, то как он может расхитить у него сосуды его, то есть, беснующихся? Посему, если Я расхищаю сосуды его, то есть, освобождаю людей от насилия бесовского, то следовательно Я наперед связал и низложил бесов, и оказываюсь врагом их. Итак, как же вы говорите, что Я имею в Себе веельзевула, то есть, что Я изгоняю бесов, будучи другом их и волшебником?

Аминь глаголю вам, яко вся отпустятся согрешения сыном человеческим, и хуления, елика аще восхулят: а иже восхулит на Духа Святаго, не имать отпущения во веки, но повинен есть вечному суду: зане глаголаху, духа нечистаго имать. То, что Господь говорит здесь, означает следующее: люди, согрешающие во всем прочем, еще могут извиняться чем-нибудь и получить прощение, по Божию снисхождению

к слабости человеческой. Например, кои называли Господа ядцею и винопийцею, другом мытарей и грешников, те получают прощение в этом. Но когда видят, что Он творит несомненные чудеса, и между тем хулят Духа Святого, то есть чудотворения происходящие от Святого Духа: тогда как они получают прощение, если не покаются? Когда соблазнялись плотию Христовою, то в этом случае, хотя бы и не покаяться, будут прощены, как люди соблазвившиеся: а когда видели Его творящим дела Божии, и все еще хулили, как будут прощены, если останутся нераскаянными?

И приидоша убо мати и братия Его, и вне стояще послаша к Нему, зовуще Его: И седяше народ окрест Его: Реши же Ему: се мати Твоя и братия Твоя и сестры Твоя вне ищут Тебе. И отвеща им, глаголя: кто есть мати Моя, или братия Моя? И соглядав окрест Себе сидящя, глагола: се мати Моя и братия Моя: иже бо аще сотворит волю Божию, сей брат Мой и сестра Моя и мати Ми есть. Братья Господа по зависти пришли взять Его, как неистового и бесноватого. А мать, вероятно, по внушению чувства чести, пришла отвлечь Его от учения, показывая таким образом народу, что Тем, кому они удивляются, она свободно распоряжается, и может отвлекать Его от учения. Но Господь отвечает: Матери Моей никакой не будет пользы быть матерью Моею, если она не будет совмещать в себе всех добродетелей. Так же точно и родство бесполезно будет для братьев Моих. Потому что те только суть истинные сродники Христа, которые творят волю Божию. Итак, говоря это, Он не отрекается от матери, но показывает, что она достойна будет чести не за одно только рождение, но и за всякое другое доброе дело, если бы сего она не имела, то другие предвосхитили бы честь родства.

[1] По греч. — собственно, восстановились.

[2] По-гречески.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

(И паки начат учити при мори: и собрася к Нему народ мног, якоже Самому влезшу в корабль, седети в мори: и весь народ при мори на земли бяше. И учаше их притчами много.) Хотя, казалось, и отослал Мать Свою, однако опять повинуется Ей: ибо ради Нее выходит к морю. Садится в корабль для того, чтобы, имея перед глазами всех, говорить в услышание всех и никого не имеет назади Себя.

И глаголаше им во учении Своем: Слышите, се изыде сеяй сеяти: и бысть егда сеяше, ово паде при пути, и приидоша птицы, и позобаша е. Другое же паде при камени, идеже не имяше земли многи: и абие прозябе, зане, не имяше глубины земныя: солнцу же возсиявшу присвяде, и зане не имяше корене, изсше. И другое паде в тернии: и възыде терние, и подави е, и плода не даде. И другое паде на земли

добрей: и даяше плод восходящ и растуц, и приплодоваше на тридесять и на шестьдесят, и на сто. И глаголаше: имеяй уши слышати, да слышит. Егда же бысть един, вопросиша Его, иже бяху с Ним, со обеманадесяте о притчи. И глаголаше им: вам есть дано ведати тайны царствия Божия: онем же внешним в притчах вся бывають: да видяще видят, и не узрят: и слышаще слышат, и не разумеют: да не когда обратятся, и оставятся им греси. Первую притчу предлагает о семени, дабы сделать слушателей более внимательными. Так как Он намерен сказать, что семя есть слово и что оно, упавши в невнимательных, пропадает: то говорит об этом прежде всего, дабы слушатели постарались быть внимательными и непохожими на ту землю, которая, которая губит семя. Но кто такой сеятель? Сам Христос, Который, по человеколюбию и снисхождению, неотлучно исшел из Отчих недр, исшел же не для того, чтобы сожечь проклятую землю и злые сердца, не для того, чтобы иссечь терния, но чтобы сеять семя. Какое семя? не Моисеево ли? не семя ли пророков? Нет, Свое, то есть, чтобы проповедовать Свое Евангелие. Он и сеял, но из семян одно пало на душу, подобно дороге попираемую многими, — и птицы небесные, то есть демоны, владеющие в воздухе, пожрали это семя. К каким людям относятся человекоугодники, они то же, что дорога, попираемая многими. Кто все делает только для угождения тому или другому, тот бывает попираем многими. Но заметь, Господь не сказал, что семя брошено при пути, но что оно пало при пути: потому что сеятель бросает семя на землю, как на добрую, а она сама уже, оказавшись худою, губит семя, то есть, слово. Впрочем некоторые хорошо принимали упавшее при пути в том смысле, что оно пало на неверное сердце. Ибо путь есть Христос, а находящиеся при пути суть неверные, которые вне пути, то есть, Христа. Другое семя пало на душу каменистую: — разумею тех, которые легко принимают слово, но потом отвергают. Они каменисты, как уподобившиеся несколько камню, то есть Христу, поколику приняли слово: но как они принимают слово на время и потом отвергают, то чрез это теряют и подобие. Иное семя упало на душу, пекущуюся о многом: ибо *тернии* суть житейские попечения. Но четвертое семя пало на добрую землю. Итак смотри, как редко добро и как мало спасающихся! Только четвертая часть семени оказалась уцелевшею!

Ученикам, спросившим Его наедине, говорит: *вам есть дано ведати тайны.* Но неужели по распределению и назначению от природы одним дано это, а другим нет? Быть не может: но тем дано, как ищущим: *ищите*, сказано, *и дастся вам:* а прочих Бог оставил в слепоте, дабы знание должного не послужило к большому их осуждению, когда они не исполняют сего должного. Впрочем хочешь ли знать, что от Бога дано всем видеть должное? Слушай! *Да видяще*, — это от Бога, — *не видят*, — это от злобы их: ибо Бог создал их видящими, то есть, понимающими доброе, но они не видят, смежая очи свои добровольно, чтобы не обратиться и не исправляться, как бы завидуя собственному спасению и исправлению. Можно и так понимать: *прочим в притчах глаголю, да видяще не видят и слышаще не слышат*, чтобы хотя поэтому обратились и исправились.

И глагола им: не весте ли притчи сея? и како вся притчи уразумеете? Сеяй, слово сеет. Сии же суть, иже при пути, идеже сеется слово, и егда услышат, абие приходит сатана, и отъемлет слово сеянное в сердцах их. И сии суть такожде иже на каменных сеемии, иже, егда услышат слово, абие с радостию приемлют е, и не имут корения в себе, но привременни суть: таже бывшей печали или гонению словесе ради, абие соблажняются. А сии суть иже в тернии сеемии, слышащии слово, и печали века сего, и лествь богатства, и о прочих похоти входящия

подавляют слово, и бесплодно бывает. И сии суть, иже на земли добрей сеянии, иже слышат слово и приемлют, и плодствуют, на тридцать, и на шестьдесят, и на сто. Здесь указано три разряда людей, в которых слово пропадает: одни невнимательны, эти означены словом — *при пути*: другие малодушны, сии разумеются под словом — *на камени*: третьи сластолюбивы, означаемые словом — *в тернии*. Три же разряда и тех, которые приняли и сохранили семя: одни приносят плод во сто, — это люди совершенной и высокой жизни: другие — в шестьдесят, — это средние: иные — в тридцать, которые хотя не много, но все же приносят по силе своей. Так, одни суть девственники и пустычники, другие живут вместе, в общегитии, иные в мире и в браке. Но Господь принимает всех их, как приносящих плод. И благодарение Его человеколюбю!

И глаголаше им: еда светильник приходит, да под спудом положат его или под одром? не да ли на свещнице положен будет? Несть бо тайно, еже не явится: ниже бысть потаено, но да придет в явление. Аще кто имать уши слышати, да слышит. Здесь Господь научает апостолов быть светлыми по жизни и поведению. Как светильник поставляется для того, чтобы светить, так и ваша жизнь, говорит, будет видна всем, и все будут смотреть на нее. Поэтому старайтесь вести жизнь добрую: ибо вы поставлены не в углу, но служите светильником: а светильника не скрывают под кровать, но ставят на виду, на подсвечник. И из нас каждый есть светильник, который должен быть поставлен на подсвечник, то есть, на высоте жизни по Богу, дабы мог светить и другим, а не под спудом чревоугодия и заботы о пище, и не под кроватью бездействия. Ибо никто занятый попечением о пище и преданный лени не может быть светильником, светящим своею жизнью для всех. *Несть бо тайно, еже не явится.* Что бы кто ни делал втайне, доброе, или злое, — все обнаружится и здесь, а особенно в будущем веке. Что было сокровеннее Бога? Однако и Он явился во плоти.

И глаголаше им: блюдите что слышите: в нюже меру мерите, возмерится вам, и приложится вам слышащым. Иже бо аще имать, дастся ему: а иже не имать, и еже имать, отымется от него. Господь побуждает учеников к бодрствованию. Замечайте, говорит, что слушаете: не опускайте ничего сказанного Мною. *В нюже меру мерите, возмерится вам:* то есть, в какой мере вы внимательны, в такой мере получите и пользу. Тому слушателю, который внимателен всегда и притом в высшей степени, воздаст Бог и награду великую: а медлительному человеку соразмерная будет и прибыль вознаграждения. Кто будет иметь ревность и усердие, тому дастся и награда: а кто не имеет ревности и усердия, у того взято будет и то, что он думает иметь. Ибо по причине лени гаснет в нем и та малая искра, которую он прежде имел, подобно как от усердия она возжигается.

И глаголаше: тако есть (и) царствие Божие, якоже человек вметает семя в землю. И спит, и встает ночью и дню, и семя прозябает и растет, якоже не весть он. О себе бо земля плодит прежде траву, потом клас, таже исполняет пшеницу в класе. Егда же созреет плод, абие послет серп, яко наста жатва. Под царством Божиим разумеет Божие смотрение о нас. *Человек* есть сам Бог, соделавшийся ради нас человеком. Он бросил в *землю семя*, то есть, евангельскую проповедь. Бросив его, Он *спит*, то есть, восшел на небеса: впрочем Он и *восстает ночью и днем*. Ибо хотя Бог, по-видимому, и спит, то есть, долготерпит, но Он *восстает*: *восстает ночью*, когда посредством искушений возбуждает нас к познанию Его: *восстает днем*, когда наполняет нашу жизнь радостями и утешениями. Семя растет как будто

без ведома Его: потому что мы свободны: и от нашей воли зависит расти или не расти этому семени. Не по неволе приносим плод, но добровольно, то есть, приносим плод от самих себя. Сначала, когда бываем младенцами, еще не достигшими в меру возраста Христова, мы произращаем *траву*, показываем начаток добра: потом — *колос*, когда бываем уже в состоянии противостать и искушениям: ибо колос связывается уже коленцами, стоит прямо и достиг уже большего развития: затем образуются в колосе *полные зерна*, — это тогда, когда кто приносит плод совершенства. Когда же настанет *жатва*, тогда *серп* собирает плоды. *Серп* этот есть Слово Божие, а *жатва* — время кончины.

И глаголаше: чесому уподобим царствие Божие? или коей притчи приложим е? Яко зерно горчично, еже егда всеяно будет в земли, менее всех семян есть земных: и егда всеяно будет, возрастает, и бывает более всех зелий, и творит ветви велия, яко мощи под сению его птицам небесным витати. И таковыми притчами многими глаголаше им слово, якоже можаху слышати: без притчи же не глаголаше им словесе: особь же учеником Своим сказаши вся. Мало слово веры: потому что следует только уверовать во Христа, и — ты спасешься. Видишь, что слово сие столь же мало, как и горчичное зерно. Но посеянная на земле проповедь слова расширилась и разрослась, так что на ней покоятся птицы небесные, то есть, все люди с выспренным и горним умом и знанием. В самом деле, сколько мудрых успокоилось на этой проповеди, оставив еллинскую мудрость! Таким образом проповедь сделалась больше всего, и пустила великие ветви. Ибо апостолы, как ветви, разошлись: один — в Рим, другой — в Индию, третий — в Ахаию, прочие же в другие страны земли. Господь говорит народу многими притчами, предлагая притчи сообразно с состоянием слушателей. Поелику народ был прост и неучен, то поэтому напоминает ему о горчичном зерне, о траве и семени, дабы известными ему и обыкновенными предметами научить его чему-либо полезному, или заставить его подойти и спросить и по вопросу разуместь непонятное. Так ученикам объяснял Он все наедине: поелику они прямо приступали к нему, и спрашивали. Объяснял же все только такое, о чем они спрашивали, и чего не знали, а не вообще все, даже ясное. Ибо когда уразумевали то, о чем спрашивали, то из этого становилось ясно для них и другое, и таким образом разрешалось для них все.

И глагола им в той день вечеру бывшу: преидем на онпол. И отпущие народы, пояша Его якоже бе в корабли; и инии же корабли бяху с Ним. И бысть буря ветрена велика: волны же вливахуся в корабль, яко уже погружатися ему. И бе Сам на корме на возглавнице сян: и возбудиша Его, и глаголаше Ему: Учителю, нерадиши ли, яко погибаем? И востав запрети ветру, и рече морю: молчи, престани, и улеже ветр, и бысть тишина велия. И рече им: что тако страшливи есте? како не имате веры? И убояшася страхом велиим, и глаголаху друг ко другу: кто убо Сей есть, яко и ветр и море послушают Его? Матфей повествовал об этом иначе, нежели как Марк: о чем тот сказал пространнее, то этот сократил, и, наоборот, что первый изложил кратко, о том последний сказал пространнее. Господь берет с Собой одних учеников, предоставляя им быть зрителями будущего чуда. Но чтобы они не превозносились тем, что других отослал, а их взял, и вместе, чтобы научить их переносить опасности, попускает им быть в опасности от бури. А спит Он при сем с тою целью, чтобы чудо показалось им тем важнее, после того как они перепугались. Иначе, если бы буря случилась при бодрственном состоянии Христа, — они не испугались бы, или не обратились бы к Нему с прошением о спасении. И вот Он попускает им быть в страхе от опасности, дабы они пришли в сознание силы Его. Поелику они только на других видели Благодеяния Христовы, а

сами не испытали ничего подобного, то была опасность, что они сделаются беспечными: посему Господь попускает быть буре. Он спит на корме корабля (она была, конечно, деревянная). Пробудившись, Христос запрещает сначала ветру, так как он бывает причиною морского волнения, а потом укрощает и море. Обличает и учеников за то, что они не имели веры. Ибо если бы они имели веру, то верили бы, что Он и спящий может сохранить их невредимыми. Ученики говорили между собою: *кто есть Сей?* потому что имели еще неопределенное понятие о Нем. Так как Христос укротил море одним повелением, а не жезлом, как Моисей, не молитвенным воззванием, как Елисей Иордан, не ковчегом, как Иисус Навин: то по этой причине Он показался им выше человека: а тем, что спал, Он являлся им опять человеком.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.]

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И приидоша на оупол моря, во страну Гадаринскую. И излезшу Ему из корабля, абие срете Его от гробов человек в душе нечисте, иже жилище имяше во гробех, и ни веригами никтоже можаше его связати, зане ему многожды путы и ужсы (железны) связану сущу, и растерзатися от нею ужем железным, и путем сокрушатися, и никтоже можаше его умучити: и выну ноць и день во гробех и в горах бе вопия и толкийся камением. В списках более исправных читается: *во страну Гергесинскую.* Матфей говорит, что было два бесноватых, а Марк и Лука говорят об одном. Сии последние избрали лютейшего из них и повествуют об нем. Бесноватый идет и исповедует Христа Сыном Божиим. Поелику бывшие на корабле недоумевали о том, кто Он: то последует достовернейшее свидетельство о Нем от врагов, — разумею бесов. Бесноватый жил во гробах, потому что бес хотел внушить чрез это ложную мысль, что души умерших становятся бесами, чему никак не должно верить.

Узрев же Иисуса издавеча, тече и поклонися Ему. И возопив гласом велиим рече: что мне и Тебе, Иисусе Сыне Бога Вышняго? заклинаю Тя Богом, не мучи мене: глаголаше бо ему: изыди, душе нечистый, от человека. И вопрошаше его: что ти есть имя? и отвеца глаголя: легеон имя мне, яко мнози есмь. И молиша Его много, да не послет их вне страны. Выйти из человека демоны почитают мучением: почему и говорили: *не мучи*, то есть, не выгоняй нас из жилища нашего, то есть, из человека. С другой стороны, они думали, что Господь не будет более терпеть их за чрезмерную их дерзость, но тотчас предаст мучению: поэтому и молят, чтобы не мучил их. Господь спрашивает бесноватого не для того, чтоб Самому знать, но чтоб другие знали о множестве вселившихся в него бесов. Поелику пред глазами стоял один человек, то Христос показывает, со сколькими врагами боролся этот жалкий человек.

Бе же ту при горе стадо свиное велие пасомо: и молиша Его вси беси глаголюще: посли ны во свиния, да в ня внидем. И повеле им абие Иисус. И изшедше дуси нечистии, внидоша во свиния: и устремися стадо по брегу в море: бяху же яко две

тысящи: и утопаху в мори. Пасущии же свиния бежаша, и возвестиша во граде и в селех. Бесы молили господа, чтобы Он не высылал их вон из страны, но чтобы пустил в стадо свиней. Он соглашается на это. Поелику жизнь наша есть брань, то Господь не хотел удалить от нее демонов, дабы они своею борьбою с нами делали нас искуснейшими. Попускает им войти в свиней, дабы мы знали, что они, как не пощадили свиней, так не пощадили бы и человека того, если бы не сохранила его сила Божия. Ибо бесы, будучи враждебны нам, тотчас истребили бы нас, если бы не охранял нас Бог. Итак знай, что демоны не имеют власти даже над свиньями, и тем более над людьми, если не попустит Бог. Но знай и то, что в людей, живущих по-свински и валяющихся в тине чувственных удовольствий, вселяются демоны, которые низвергают их с стремнин погибели в море сей жизни, и они утопают.

И изыдоша ведети, что есть бывшее. И приидоша ко Иисусови, и видеша бесновавшияся сядяща и оболчена, и смысляща, имевшаго легеон, и убояшася. Поведаша же им видевшии, како бысть бесному, и о свинях. И начаша молити Его отъити от предел их. И влезшу Ему в корабль, моляше Его бесновавыйся, дабы был с Ним. Иисус же не даде ему, но рече ему: иди в дом твой ко твоим и возвести им, елика ти Господь сотвори и помилова тя. И иде и нача проповедати в десяти градах, елика сотвори ему Иисус: и вси дивляхуся. — Пораженные чудом, жители города того вышли к Иисусу: услышав же о подробностях, они еще более испугались. Потому и молили Иисуса выйти из пределов их. Они боялись, чтоб не потерпеть еще чего-либо большего. Потеряв свиней и сожалея об этой потере, они отказываются и от присутствия Господа. Напротив, бесновавшийся просил у Него позволения быть с Ним, так как опасался, чтобы бесы, найдя его одного, опять не вошли в него. Но Господь отсылает его домой, показывая, что Его сила и промысление будет охранять его и в отсутствии. Отсылает его вместе и для того, чтобы он доставил пользу другим, которые увидят его. Посему он и начал проповедовать, и все удивлялись. Но посмотри, как Спаситель чужд превозношения! Он не сказал: *возвести*, что сотворил тебе Я, но: *елика ти Господь сотвори*. Так и ты, когда сделаешь что-либо доброе, приписывай сделанное не себе, но Богу.

И пришедшу Иисусу в корабли паки на онпол, собрася народ мног о Нем: и бе при мори. И се прииде един от архисинагог, именем Иаир, и видев Его, паде при ногу Его: и моляше Его много, глаголя, яко дщи моя на кончине есть: да пришед возложиши на ню руце, яко да спасетя, и жива будет. И иде с Ним: и по Нем идяху народи мнози, и угнетаху Его. И жена некая суца в точении крове лет дванадесяте, и много пострадавши от мног врачей, и издавши своя вся, и ни единья пользы обретши, но паче в горшее пришедши: слышавши о Иисусе, пришедши в народе создади, прикоснуся ризе Его: глаголаше бо, яко, аще прикоснуся ризам Его, спасена буду. И абие изсякну источник крове ея, и разуме телом, яко исцеле от раны. — После чуда над бесноватым, Господь совершает другое чудо, — воскрешает дочь начальника синагоги. Для иудеев, очевидцев события, евангелист рассказывает и имя начальника синагоги. Это был человек полуверующий: тем, что пал в ноги Христу, он оказывается верующим: но тем, что просил Его идти, показывает веру не такую, какую должно: ему следовало сказать: скажи только слово. Между тем, на пути Господа исцеляется и кровоточивая жена. Жена эта имела великую веру, потому что надеялась исцелиться от одной одежды Господа: за то и получила исцеление. В переносном смысле разумеи это и о человеческой природе. Она была кровоточива, потому что производила грех, который есть убийство души и который проливает кровь душ наших. Природа наша не могла получить исцеления от многих

врачей, то есть, ни от мудрецов века сего, ни даже от закона и пророков. Но она исцелилась, лишь только прикоснулась к одежде Христа, то есть, к плоти Его. Ибо, кто верует, что Христос воплотился, тот и есть прикасающийся к одежде Его.

И абие Иисус разуме в Себе силу изшедшую от Него, и обращя в народе, глаголаше: кто прикоснуса ризам Моим? И глаголаху Ему ученицы Его: видиши народ угнетающ Тя, и глаголаше, кто прикоснуса Мне? И оглядаше видети сотворишую сие. Жена же убоявшись и трепещущи, ведящи, еже бысть ей, прииде и припаде к Нему, и рече всю истину. Он же рече ей: дщи, вера твоя спасе тя: иди в мире и буди цела от раны твоея. — Сила выходит из Христа не так, чтобы переменяла место: напротив, она и другим сообщается, и в то же время без уменьшения пребывает во Христе, подобно как и уроки учения остаются и при учащих, и преподаются учащимся. Но смотри, как народ со всех сторон стеснял Его, и между тем ни один не прикоснулся к Нему: напротив жена, не стеснявшая Его, прикоснулась к Нему. Отсюда научаемся той тайне, что из людей, занятых множеством житейских забот, никто не прикасается ко Христу: они только гнетут Его: напротив, кто не гнетет Иисуса и не обременяет своего ума суетными попечениями, тот прикасается к Нему. Но для чего Господь открывает жену? Во-первых, для того, чтобы прославить веру жены, во-вторых, для того, чтобы возбудить веру в начальника синагоги, что и дочь его также будет спасена, а вместе и для того, чтобы освободить от сильного страха жену, которая боялась, как бы укравшая исцеление. Так и евангелист говорит: *убоявшись и трепещущи прииде.* Поэтому Господь не сказал: *Я спас тебя, но: вера твоя спасе тя: иди с миром,* то есть, в покое. Мысль этих слов такая: будь спокойна ты, которая доселе была в скорби и смятениях.

Еще Ему глаголющу, и приидоша от архисинагога глаголюще, яко дщи твоя умре: что еще движеши учителя? Иисус же абие слышав слово глаголемое, глагола архисинагогови: не бойся, токмо веруй. И не остави по Себе ни единаго ити, токмо Петра и Иакова, и Иоанна брата Иаковля. И прииде в дом архисинагогов, и виде молву, плачущыяся и кричащыя много. И вшед, глагола им: что молвите и плачетесь? отроковица несть умерла, но спит. И ругахуся Ему. Он же изгнав вся, поят отца отроковицы и мать, и иже беху с Ним, и вниде идеже бе отроковица лежащи. И емь за руку отроковицу, глагола ей: талифа куми: еже есть сказуемо: девице, тебе глаголю, востани. И абие воста девица, хождаше: бе бо лет двоюнадесяте: и ужасошася ужасом велиим. И запрети им много, да никтоже увестъ сего: и рече: дадите ей ясти. — Люди начальника синагоги почитали Христа одним из обыкновенных учителей, почему просили придти и помолиться о девице, а напоследок, когда она умерла, подумали, что Он уже не нужен после смерти ее. Но Господь ободряет отца и говорит: *токмо веруй.* Между тем не позволяет никому идти за Собою, кроме трех учеников, потому что смиренный Иисус ничего не хочет делать напоказ. При Его словах: *девица несть умерла, но спит,* — смеются; это попущено с тем, чтобы после не имели предлога говорить, что она была в обмороке, и что не диво, если Он воскресил ее; напротив, чтобы сами себя уличили собственным свидетельством о воскресении Им действительно умершей, когда даже смеялись над Его словами, что она не умерла, но спит. Господь берет ее за руку, дабы сообщить ей силу: а велит дать ей есть для того, чтобы удостоверить в воскресении, как в действительном, а не в мнимом происшествии.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И изыде оттуду, и прииде во отечествие Свое: и по Нем идоша ученицы Его. И бывшей субботе, начат на сонмищи учити: и мнози слышащи дивляхуся, глаголюще: откуда сему сия? и что премудрость данная Ему? и силы таковы руками Его бывают? не Сей ли есть тектон, сын Мариин, брат же Иакову, Иосии и Иуде и Симону? и не сестры ли Его zde суть в нас? И блажняхуся о Нем. — Господь приходит в отечество не потому, чтобы не знал, что окажут Ему невнимание, но для того, чтобы впоследствии не могли говорить: если б Он пришел, то мы уверовали бы. Приходит вместе и для обличения завистливого нрава своих соотечественников: ибо тогда как им надлежало восхищаться Господом, так украшающим их отечество и учением и чудесами, — они вместо того уничижали Господа за Его бедное происхождение. Вот какое зло — зависть! Она всегда старается помрачить доброе и не позволяет завидующим видеть его. Так и ныне многие, по неблагонамеренности и крайнему неблагородству, бесславят некоторых по причине незнатного происхождения их, хотя они достойны всякой чести.

Глаголаше им Иисус, яко несть пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в сродстве и в дому своем. И не можаше ту ни единыя силы сотворити, токмо мало недужных, возложь руце, исцели. И дивляешся за неверствие их. — Господь говорит вообще о всех пророках, что они не пользуются честью в отечествах своих, между сродниками и домашними. Имеют ли они знаменитых сродников? — в таком случае эти сродники завидуют им, и потому бесчестят: будут ли они бедного происхождения? — опять бесславят их за бедное происхождение. Господь не мог сотворить там чудес не потому, чтобы был бессилен, но потому, что те были люди неверующие. Щадя их, Он не творит чудес, дабы не послужили к большему осуждению их, как людей неверующих и при виде чудес. С другой стороны, для чудотворений потребна во первых сила творящего, во вторых вера приемлющих чудо. Поелику же здесь не доставало второго (из этих условий), то есть, веры имеющих нужду в исцелении: то Иисусу не благопотребно было творить чудеса. Так и должны мы понимать, что выражение Евангелиста — *не можаше* — употреблено вместо — не решался.

И обхождаше веси окрест, уча. И призва обанадесяте, и начат их посылати два два: и даяше им власть над духи нечистыми. И заповеда им, да ничесоже возмут на путь, токмо жезл един: ни пиры, ни хлеба, ни при поясе меди: но обувени в сандалия: и не облачитися в две ризе. И глаголаше им: идеже аще внидите в дом, ту пребывайте, дондеже изыдете оттуду. И елицы аще не примут вы, ниже послушают вас, исходяще оттуду, оттрясите прах, иже под ногами вашими, во свидетельство им. Аминь глаголю вам, отраднее будет Содомом и Гоморром в день судный, неже граду тому. — Господь учил не в одних городах, но и в весях, дабы мы знали, что и нам не должно ни пренебрегать малыми городами, ни постоянно посещать большие города, но что должно сеять слово и в незначительных местечках. Далее, не только Сам Он учил, но и посылает учеников

Своих, при том по два, дабы они были смелее. Иначе, если бы Он послал их по одному, то один не так бы смело мог действовать: а если бы послал более, чем по два, то числа апостолов не достало бы для всех селений. Итак посылает по два: *ибо блази два паче единаго*, говорит Екклесиаст (4, 9). Заповедует им ничего не брать — ни сумы, ни денег при поясе, ни хлеба, чтобы таким образом научить их нестяжательности, и чтобы другие, взирая на них, умилялись, когда они будут научать нестяжательности тем, что сами ничего не имеют. В самом деле, кто не умилится и не подвигнется к нестяжательности, видя, что апостол не берет ни сумы, ни хлеба, который всего нужнее для нас? Велит им пребывать в одном доме, дабы не подумали об них, что они переменяют места ради чревоугодия, бродя от одних к другим. У тех, кои не примут их, они должны были, по словам Господа, отрясти пыль с ног своих, в знак того, что они совершили далекий путь ради их и однако без пользы для них, или в знак того, что они ничего не взяли у них, самой даже пыли, что напротив и ее стрясли, дабы это обратилось во свидетельство им, то есть, в обличение. *Аминь глаголю вам, яко отраднее будет Содомом и Гоморром на суде, нежели тем, которые не примут вас. Ибо содомляне, быв наказаны здесь, там будут наказаны легче: притом, апостолы не были посылаемы к ним. Напротив, непринявшие апостолов будут терпеть муки тягчайшие тех.*

И изшедше пропедаху, да покаются: и бесы многи изгоняху: и мазаху маслом многи недужныя, и исцелеваху. — О том, что апостолы помазывали маслом, говорит один Марк и еще Иаков брат Божий в своем соборном послании: *болит ли кто в вас: да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем* (Иак. 3, 13). Масло полезно бывает и против болезней: оно идет для освящения: оно употребляется при радостном состоянии духа, и означает милость Божию и благодать Духа, которою мы избавляемся от болезней, и от которой получаем и свет, и радость, и веселие духовное.

И услыша царь Ирод: (яве бо бысть имя Его): и глаголаше, яко Иоанн креститель от мертвых воста, и сего ради силы деются о нем. Инии глаголаху, яко Илия есть: инии же глаголаху, яко пророк есть, или яко един от пророков. Слышав же Ирод рече, яко, егоже аз усекнух Иоанна, той есть: той воста от мертвых. — Этот Ирод был сын Ирода, избившего младенцев. Как тетрарха [1], Марк называет его царем, употребляя это имя не в строгом смысле. Услышав о чудесах Господних и сознавая, что без причины убил праведного Иоанна, Ирод начал думать, что он воскрес из мертвых и по воскресении получил силу чудотворения. Прежде Иоанн не сотворил ни одного знамения: но после воскресения, — так думал Ирод, — получил он силу творить знамения. Но другие говорили о Христе, что это Илия, потому что Он обличал многих, напр. когда говорил: *о роде неверный!* А Ирод боялся. Так жалок был этот человек, что боялся мертвого!

Той бо Ирод послав, ят Иоанна, и связа его в темнице, Иродиады ради жены Филиппа брата своего, яко оженися ею. Глаголаше бо Иоанн Иродови: не достоин тебе имети жену (Филиппа) брата твоего. Иродиа же гневашеся на него, и хотяше его убити и не можаше. Ирод бо бояшеся Иоанна, ведый его мужа праведна и свята, и соблюдаше его: и послушав его, многа творяше и в сладость его послушаше. — Воспользовавшись случаем, Марк помещает здесь вводную речь о смерти Крестителя. Одни говорят, что Ирод взял Иродиаду еще при жизни Филиппа, и за то обличаем был, как беззаконник, вступивший в брак с женою живого брата своего. Напротив другие утверждают, что Филипп уже умер, но

оставил по себе дочь. А когда у Филиппа осталась дочь, то Ироду не следовало жениться на братней жене и после смерти брата: ибо закон повелевал брату взять жену брата своего в том случае, когда бы сей последний умер бездетным. Но в настоящем случае оставалась дочь: следовательно брак Ирода был незаконный. Смотри, как сильна страсть плотской любви! Вот Ирод, имевший столько уважения и страха к Иоанну, пренебрег этим, чтобы только удовлетворить своей страсти.

И приключишюся дню потребну, егда Ирод рождеству своему вечерю творяше, князем своим и тысящником и старейшинам Галилейским: и вшедши дщерь тоя Иродиады, и плясавши, и угождши Иродови и возлежащым с ним, рече царь девице: проси у мене, егоже аще хоцещи, и дам ти: и клятвася ей, яко егоже аще попросиши у мене, дам ти, и до полуцарствия моего. Она же изшедши рече матери своей: чесо прошу? Она же рече: главы Иоанна Крестителя. И вшедши абие со тцанием к царю, просяше, глаголющи: хоцу, да ми даси от него (абие) на блюде главу Иоанна Крестителя. И прискорбен быв царь, клятвы же ради и за возлежащих с ним не восхоте отрещи ей. И абие послав царь спекулятора, повеле принести главу его. Он же шед усекну его в темнице, и принесе главу его на блюде, и даде ю девице: и девица даде ю матери своей. И слышавше ученицы его, приидоша и взяша труп его: и положиша его во гробе. — Пир идет весело: сатана пляшет в девице, и дается клятва, незаконная и безбожная, а более всего безумная. Да ми даси, говорит злая жена, абие, то есть, теперь же, сейчас. Безрассудный же и любострастный Ирод побоялся нарушить клятву и потому убивает праведника, тогда как должен был в сем случае изменить клятве и не совершать столь ужасного преступления (исполнять клятву не везде хорошо). Спекулятором назывался такой военный человек, который поставляем был обществом на то, чтобы казнить и убивать преступников. Трупом Евангелист называет тело Крестителя, так как тело, по отсечении головы, обыкновенно падает [2], и потому называется трупом. Можно понимать рассматриваемое место и в переносном, духовном смысле. Так, Ирод представляет собою грубо-плотский народ иудейский: он взял жену — ложную и нелепую славу, дочь которой и ныне еще пляшет и находится в движении у иудеев, — это обольщающее их знание писаний. Они думают, что знают писания, тогда как на самом деле не знают: ибо они обезглавили Иоанна, то есть пророческое слово, потому что не приняли главу пророчества, разумею Христа. Посему если они имеют пророческое слово, то имеют его без главы, то есть, без Христа.

И собращася Апостоли ко Иисусу, и возвестиша ему вся: и елика сотвориша и елика научиша. И рече им: приидите вы сами в пусто место едины, и почийте мало, бяху бо приходящи и отходящи мнози, и ни ясти им бе когда. И идоша в пусто место кораблем едины. И видеша их идущих народы и познаша их мнози: и пеши от всех градов стицахуся тамо, и предвариша их, и снидошася к Нему. — После своего проповедания Апостолы собираются к Иисусу. Это должно быть для нас уроком, что и мы, быв избранны на какое-либо служение, не должны выходить из послушания избравшему нас и возноситься пред ним, но должны признать его главою, обращаться к нему и доносить ему обо всем, что сделали мы и чему научили (надобно не только учить, но и делать). Христос дает ученикам Своим отдохнуть: это урок уже предстоятелям, чтобы они умели давать и отдых труждающимся в слове и учении, а не всегда держали бы их в напряжении и трудах. Далее, Господь, не любя славы, удаляется в пустое место. Однако и здесь не укрылся от искавших Его. Напротив, народ столько внимательно наблюдал, как бы Господь не укрылся от него, что предупредил, то есть, опередил самих Апостолов и пошел к тому месту, где Иисус намеревался отдохнуть. Так и ты предупредь Иисуса:

не дожидаясь, чтоб Он тебя подозвал, но лучше сам поспеши вперед, чтобы предупредить Его.

*И изшед виде Иисус народ мног, милосердова о них, зане бяху яко овцы не имущыя пастыря: и начат их учити много. И уже часу многу бывшу, приступльше к Нему ученицы Его глаголаша: яко пусто есть место, и уже час мног: отпусти их да шедше во окрестных селех и весех купят себе хлебы: не имут бо чесо ясти. Он же отвецав рече им: дадите им вы ясти. И глаголаша Ему: да шедше купим двема стома пенязь хлебы, и дамы им ясти? Он же рече им: колико хлебы имате? идите и видите. И уведевше глаголаша: пять хлеб, и две рыбе. И повеле им посадити вся на споды на споды на траве зелене. И возлегоша на лехи на лехи, по сту и по пятидесят. — Фарисеи, будучи хищными волками, не спасли народа, а поядали его. Посему народ, миновав их, собирается ко Христу, истинному Пастырю. И Христос дает ему пищу, сначала более полезную и ценную — в слове, а потом и телесную. Но посмотри на учеников, как они отличаются человеколюбием! Жалея о народе, подходят ко Христу и начинают умалять Его о нем. Господь же, искушая их и испытывая, познали ли они силу Его, что он может напитать народ, говорит: *дадите им вы ясти*. На это ученики, в виде упрека, представляют Ему, с одной стороны, великость своей скудости, с другой — многочисленность народа, как будто Он не знает этого. В сем затруднении они говорят: *купим двема стома пенязь хлебы, и дадим им ясти?* Наконец Господь заставляет всех возлечь на траве отдельными рядами. Это и значит выражение — *на споды на споды*, то есть, как бы за разные столы. То же означает и следующее выражение: *на лехи на лехи*, то есть, на разные отделения или части: ибо лехами называют обыкновенно разные гряды в огородах, на которых сажают часто разные овощи.*

И прием пять хлеб и две рыбе, возрев на небо, благослови: и преломи хлебы, и даяше учеником Своим, да предлагают пред ними: и обе рыбе раздели всем. И ядоша вси, и насытишася: и взяша укрухи, дванадцати кошы исполнь: и от рыб. Бяше же ядших хлебы, яко пять тысяц мужей. — Господь взирает на небо, во-первых, для того, чтоб научить нас просить себе пищу у Бога, а не у диавола, как делают люди, живущие неправедными прибытками: во-вторых, для того, чтоб показать народу, что Христос не противник Богу, напротив Сам призывает Бога. Дает хлебы ученикам, дабы они не позабыли о чуде после того, как принимали хлебы собственными руками. И двенадцать коробов избытков остаются для того же, чтобы каждый из Апостолов, понесши на своих плечах по коробу, содержал чудо всегда в памяти. А то, чтобы не только напитать такое множество народа, но еще оставить избытки, есть знак преизбыточествующей силы во Христе. Моисей хотя и давал манну, но только на нужду каждого, ибо в том, что оставалось лишнего, заводились черви. И Илия, пропитывая известную жену, доставлял именно столько, сколько достаточно было для пропитания. Напротив Иисус, как Владыка, производит то, что оказывается избыток. Это — смысл исторический. В переносном смысле пять хлебов означают книги Моисеевы, которых пять: Бытия, Исход, Левит, Чисел и Второзаконие. Две рыбы знаменуют слова рыбарей — Апостол и Евангелие. Ими-то питаются наши пять чувств, означаемые пятью тысячами народа. Впрочем, мы не все можем съесть, но многое останется в избытке, что могут понести одни Апостолы. Так, труднейших сторон разумения закона и Евангелия мы, еще раболепствующие пяти чувствам, не можем понести, а могут одни Апостолы.

И абие понуди ученики своя внити в корабль, и варити Его на он пол к Вифсаиде, дондеже Сам отпустит народы. И отрекся им, иде в гору помолитися. И вечеру бывшу, бе корабль посреде моря, и Сам един на земли. И виде их страждущих в плавании: бе бо ветер противен им: и о четвертей стражи ноцней прииде к ним, по морю ходяй: и хотяше минути их. Они же видевшие его ходяща по морю, мняху призрак быти, и возопиша: вси бо Его видеша, и смутишася, и абие глагола с ними, и рече им: дерзайте: аз есмь, не бойтесь. И вниде к ним в корабль, и улеже ветр: и зело излиха в себе ужасахуся, дивляхуся. Не разумеша бо о хлебах: бе бо сердце их окаменено. — Понуди ученики. Ученики только по понуждению разлучаются с Ним, а сами по себе они не хотели расставаться, частью по своей любви к Нему, частью по недоумению о том, как Он может придти к ним без лодки. А Он, отпустив народ, восходит (на гору) помолиться наедине, так как молитва требует уединения и невозмутимого состояния. Господь попускает ученикам быть обуреваемыми на море, дабы они научились терпению. Для того же Он не тотчас и является к ним, но попускает быть в опасности от бури целую ночь, чтобы приучить их быть терпеливыми, и ждать избавления не в самом начале опасностей. Но заметь и другое обстоятельство, то есть, что пред тем, как прекратить опасность, Он повергает их тем в больший страх: ибо, когда увидели Его, Они закричали от испуга, думая, что это привидение. Тогда Господь тотчас ободряет их гласом Своим, говоря: не бойтесь: потом, войдя в лодку, дает им совершенное успокоение, потому что ветер вдруг перестал. Ходить по морю есть великое чудо и свойственно единому истинному Богу: а тем, что было смятение между учениками и противный ветер, чудо еще более возвышается. Что же до Апостолов, — они, не познав (Христа) из чуда над хлебами, познали Его из настоящего чуда на море. Посему можно думать, что Христос попустил им быть в опасности и для того, чтобы они, не познав Его из чуда над хлебами, познали теперь из чуда над морем и отсюда извлекли для себя пользу.

И прешедше приидоша в землю Геннисаретску и присташа. И изшедшим им из корабля, абие познаша Его. Обтекше всю страну ту, начаша на одрех приносити болящя, идеже слышаху, яко ту есть. И аможе аще вхождаше в веси или во грады или села, на распутьях полагаху недужныя: и моляху Его, да поне воскрилию ризы Его прикоснутся, и елицы аще прикасахуся Ему, спасахуся. — Господь прибыл в сие место, кажется, после немалого времени (отсутствия): посему Евангелист и говорит: познаша Его, начаша приносити болящя. В дома они еще не звали Его, но сами приносили больных, умоляя о том, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его. Ибо чудо над кровоточивою женою дошло до сведения всех и произвело в них тем большую веру.

[1] Четвертовластник, т. е. управлявший четвертою частью Палестины. *Примеч. перев.*

[2] От глагола падаю. Прим. перев.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

И собравшася к Нему фарисее, и нецыи от книжник, пришедшии от Иерусалима: и видевше неких от ученик Его нечистыми руками, сиречь неумовенными, ядущих хлебы, ругахуся. Фарисее бо и вси иудее, аще не трыюще умыть рук, не ядят, держаще предания старец. И от торжища, аще не покуплются, не ядят: и ина многа суть, яже прияша держати: погружения сткляницам и чваном и котлом и одром. Потом же вопрошаху Его фарисее и книжницы: почто ученицы Твои не ходят по преданию старец, но неумовенными руками ядят хлеб? — Наученные держаться одной добродетели и кроме ее ничем иным не озабочиваться, ученики Господа без умысла и в простоте ели неумытыми руками. Между тем фарисеи, желая найти предлог к порицанию, ловят этот случай, и обвиняют Апостолов, хотя не как нарушителей закона, но как нарушителей предания старцев: ибо в законе нет предписания умывать руки до локтей пред принятием пищи, но этого держались они, как предания старцев.

Он же отвещав рече им: яко добре пророчествова Исаиа о вас лицемерех, якоже есть писано: сии людие устнами Мя чтут, сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим. Оставльши бо заповедь Божию, держите предания человеческая: крещения чваном и сткляницам, и ина подобна такова многа творите. И глаголаше им: добре отмечаете заповедь Божию, да предание ваше соблюдете. Моисей бо рече: чти отца твоего и мать твою, и иже злословит отца или мать, смертью да умрет: вы же глаголете: аще речет человек отцу или матери, корван (еже есть дар), иже аще пользовался еси от мене: и не ктому оставляете его что сотворити отцу своему или матери своей, престапующе слово Божие преданием вашим, еже предасте: и подобна такова многа творите. Чтобы сильнее обличить иудеев, Господь приводит и Пророка осуждающего их. Они обвиняли учеников за то, что ученики престапили предание старцев: а Господь направляет против них самих гораздо сильнейшее обвинение, именно, что они престапуют закон Моисеев. Закон, говорит Он, учит: чти отца твоего и мать твою: а вы учите детей говорить своим родителям так: то, чего вы хотите от меня, есть корван, то есть, посвящено Богу. Ибо фарисеи, желая воспользоваться имуществом простых людей, учили детей (когда дети имели какую-либо собственность и родители требовали у них) говорить следующее: я уже посвятил то Богу, и ты не требуй посвященного Богу. Обольщая таким образом детей и убеждая их посвящать Богу из своего имени, фарисеи чрез это заставляли их пренебрегать родителями, и посвященное Богу поглощали сами. Это-то Господь и ставит им в вину, что они ради корысти престапуют закон Божий.

И призвав весь народ, глаголаше им: послушайте Мене вси, и разумеите. Ничтоже есть внеуду человека входимо в он, еже может осквернити его: но исходящая от него, та суть сквернящая человека. Аще кто имать уши слышати, да слышит. И егда вниде в дом от народа, вопрошаху Его ученицы Его о притчи. И глагола им: тако ли и вы неразумливи есте? не разумеете ли, яко все, еже извне входимое в человека, не может осквернити его, яко не входит ему в сердце, но во чрево? и афедронном исходит, истребляя вся брашна. Глаголаше же, яко исходящее от человека, то сквернит человека. Извнутри бо от сердца человеческа помышления злая исходят, прелюбодейния, любодейния, убийства, татьбы, лихоимства,

(обиды), лукавствия, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Вся злая извнутри исходят и сквернят человека. Научая людей понимать предписания закона о пище не плотским образом, Господь начинает здесь постепенно раскрывать смысл закона, и говорит, что ничто, входящее внутрь, никого не оскверняет, но сквернит то, что исходит из сердца. Под *лукавым оком* понимает или зависть, или распутство: потому что и завистливый бросает на завидуемого обыкновенно лукавый и язвительный взгляд, и развратный, засматриваясь своими очами, стремится к делу лукавому. *Хулою* называется оскорбление Бога: если, например, кто станет говорить, что нет промысла Божия, то это будет хула: почему Господь и совокупляет с нею *гордыню*. Гордыня есть как бы пренебрежение Бога, когда кто, сделав доброе дело, приписывает его не Богу, а собственной силе. Под *безумством* понимает обиду против ближних. Все эти страсти оскверняют душу, и возникают и исходят из нее. К народу Господь говорил таким образом не довольно ясно, почему и заметил: *имеяй уши слышати да слышит*, то есть: понимающий пусть понимает. Что же касается апостолов, которые глубже понимали речь Господа и подошли спросить Его о *притче*, то есть, об этой прикровенной речи (притча есть прикровенная речь): то Господь сначала упрекнул их, сказав: *так ли и вы неразумливи есте?* но потом разрешил им то, что было для них не удобовразумительно.

И оттуду востав иде в пределы Тирски и Сидонски: и вшед в дом, никогоже хотяше, дабы Его чул: и не може утаитися. Слышавши бо жена о Нем, еяже дщи имяше духа нечиста, пришедши припаде к ногам Его: жена же бе еллинска сирофиникисса родом: и моляше Его, да беса изженет из дщере ея. Иисус же рече ей: остави, да первее насытятсѧ чада: несть бо добро отъяти хлеб чадом, и повреци псом. Она же отвецавши глагола Ему: ей Господи, ибо и пси под трапезою ядят от крупниц детей. И рече ей: за сие слово иди: изыде бес из дщере твоя. И шедши в дом свой, обрете беса изшедша, и дщерь лежащу на одре. После того, как сказал о пище и увидел, что иудеи не веруют, Господь переходит в пределы язычников: ибо при неверии иудеев спасение имело перейти к язычникам. Сначала Господь старался скрываться, чтоб иудеи не имели предлога обвинять Его, как бы приставшего к стороне нечистых язычников. Однако Он не мог утаиться, ибо нельзя было Ему утаиться и никем не быть узнану. Означенная жена, услышав о нем, обнаруживает горячую веру. Посему и Господь не тотчас соглашается (на ее просьбу), но отсрочивает дар, дабы показать, что вера жены тверда и что она терпеливо ждет, не смотря на отказ. Научимся и мы не оставлять тотчас молитвы, когда не получаем немедленно просимого, но терпеливо продолжать молитву до тех пор, пока получим то, чего просим. Господь называет язычников *псами*, так как они почитались у иудеев нечистыми. *Хлебом* называет Он благодеяние, назначенное Богом для *детей*, то есть, для евреев. Посему и говорит, что язычникам не следует участвовать в благодеянии, которое назначено для иудеев. Поелику же жена отвечала разумно и с верою, то получила просимое. Иудеи, говорит она, имеют хлеб, то есть, всего Тебя, сшедшего с небес, и Твои благодеяния: а я прошу *крупниц*, то есть, малой доли Твоих благодеяний. Но посмотри, как действует и Господь! Он не сказал: сила Моя спасла тебя, но что сказал? *за сие слово*, то есть, за веру твою, *иди*, дочь твоя исцелилась. Извлеки отсюда и ты полезный урок. Всякий из нас, когда делает грех, есть *жена*, то есть, слабая душа. Такая душа есть *финикиянка*, как имеющая багряный [1], то есть, кровавый и убийственный грех. У такой души есть *дщерь* — лукавые действия, действия бесовские. Будучи грешниками, мы именуемса *псами*, полными нечистот: почему и недостойны бываем принять *хлеб* Божий, то есть, причаститься пречистых Таин. Но ежели мы в смирении сознаем,

что мы псы, ежели исповедуемся и откроем грехи свои: то исцелится дочь наша, то есть, бесовские дела.

И паки изшед Иисус от предел Тирских и Сидонских, прииде на море Галилейско, между пределы Декапольски. И приведоша к Нему глуха и гугнива, и моляху Его, да возложит на нь руку. И поем его от народа особь, вложи персты своя во уши его, и плюнув, коснуся языка его: и възрев на небо, въздохну, и глагола ему: еффафа, ежесть, разверзися. И абие разверзостя слуха его: и разрешися уза языка его, и глаголаше право. И запрети им, да никомуже поведают: елико же им Той запрещаше паче излиха проповедаху. И преизлиха дивляхуся, глаголяще: добре все творит: и глухия творит слышати, и немья глаголати. Господь не медлит в языческих местах, но скоро удаляется от них, дабы, как я сказал, не подать иудеям повода говорить о Себе, что Он поступает противозаконно, смешиваясь с язычниками. Удалясь посему из пределов Тира и Сидона, Он приходит в Галилею, и тут исцеляет глухонемого, которого недуг был от беса. Он берет его особь: ибо не был славлюбив, смилив Себя до нашей нищеты, и не желая совершать чудес пред многими, разве когда требовала того польза зрителей. А плюнув коснуся языка его, в знак того, что все части святой Его плоти были божественны и святы, так что даже и плюновение разрешало узы языка. Всякое плюновение есть излишек (соков), но в Господе все чудно и божественно. Возрев на небо, Господь въздыхает с одной стороны — молитвенно к Отцу, чтоб Он помиловал человека, и в пример нам, чтобы мы, намереваясь совершать какое-либо доброе дело, взирали к Богу и у Него просили помощи для совершения оногo: а с другой стороны — въздыхает и из сожаления о человеческой природе, как она до того предана диаволу, что терпит от него такое поругание и страдание. Посему-то, когда исцелял Господь, исцеленные и проповедуют о Нем, не смотря на то, что Он запрещал им это и заповедал не говорить ничего. Отсюда научимся и мы, когда благодетельствуем другим, не принимать от них похвал, а когда получаем благодеяния, прославлять благодетелей и разглашать об них, хотя бы они и не желали того.

[1] в производном смысле значит пурпуровый или багряный цвет. *Примеч. Редакц.*

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

В тыя дни, зело многу народу сущу, и не имущым чесо ясти, призвав Иисус ученики своя, глагола има: милосердную о народе: яко уже три дни приседят Мне, и не имут чесо ясти. И аще отпущу их не ядших в дома своя, ослабют на пути: мнози бо от них издалеца пришли суть. И отвецаша Ему ученицы Его: откуда сих возможет кто zde насытити хлебы в пустыни? И вопроси их: колико имате хлебов? Они же реша: седьмь. И повеле народу възлеци на земли: и прием седьмь хлебов, хвалу воздав, преломи, и даяше учеником своим, да предлагают: и предложиша пред народом. И имяху рыбиц мало: и сия благословив, рече предложити и тыя. Ядоша же, и

насытитишася: и взяша избытки укрух, семь кошниц: бяху же ядших, яко четыре тысящи: и отпусти их. Господь уже и прежде сотворил подобное чудо. Он чудодействует и теперь, имея благоприятный к тому случай. А случай был такой, что народ находился при Нем три дня, и взятый на дорогу съестной запас у него вышел весь. Ибо Господь не всегда совершал чудеса над пищею, дабы не подумали, что народ ходит за Ним ради пищи. Он и теперь не стал бы творить чудеса, если бы не предстояла народу, по-видимому, опасность от недостатка пищи. Но посмотри и на учеников, как они еще неразумны и не имеют еще веры в силу Его, хотя уже видели чудеса! Впрочем, Господь не порицает их, научая и нас не слишком нападать на неопытных, но прощать их, как неразумных. Размысли и о том, что Христос никого не хочет отпустить голодным, но желает всех насытить дарами Своими, и особенно тех, кои пробыли с Ним три дня, то есть, крестившихся. Поелику крещение называется просвещением, и совершается в три погружения: то просвещаемые крещением оказываются тридневыми. Господь берет *семь хлебов*, разумею семь духовнейших слов ибо число семь есть образ Духа. Дух все приводит в совершенство, а жизнь наша и век сей совершается в семеричном числе. Просвещенные едят и насыщаются, и оставляют избытки, поелику не все Божии мысли могут вместить. Выше, при чудодействии над пятью хлебами осталось двенадцать кошниц избытков, так как там было пять тысяч, которые означали раболепствующих пяти чувствам: поэтому они и не могли съесть многого, но удовлетворились малым: почему и в избытке осталось много. А здесь от семи хлебов осталось семь кошниц и малый избыток: поелику народу было четыре тысячи, которые означают утвердившихся в четырех добродетелях: а потому они, как более крепкие, ели много, и оставили мало: ибо только того не могли съесть, что более духовно и глубоко: а это и означают семь кошниц. Из рассматриваемой истории познай и то, что мы должны довольствоваться только тем, что нужно, и ничего более не просить. Ибо вот сии люди, евши и насытившись, не взяли с собой хлебных остатков, но их взяли ученики, подобно как было и с вышеупомянутыми кошницами. Так и нам должно довольствоваться даруемым, по мере нужды.

И абие влез в корабль со ученики своими, прииде во страны Далмануфански. И изыдоша фарисеи, и начаша стязатися с Ним, ищуще от Него знамения с небесе, искушающе Его. И воздохнув духом Своим глагола: что род сей знамения ищет? аминь глаголю вам, аще дастся роду сему знамение. После чуда над хлебами, Господь тотчас уходит в другое место, опасаясь, чтобы народ вследствие такого чуда не возмутился и не вздумал поставить Его царем. А фарисеи требуют знамения с неба, напр. остановить солнце или луну, низвести молнию, произвести перемену в воздухе. Они думали, что небесного знамения Он не в состоянии сотворить, имея возможность производить силою веельзевула одни только земные знамения. Но Иисус не внемлет им: ибо для знамений с неба назначено другое время, — разумею время второго пришествия, когда силы небесные подвигнутся, и луна не даст света своего: время же первого пришествия не имеет ничего подобного, но все исполнено кротости. А потому *не дастся роду сему знамение с неба.*

И оставль их, влез паки в корабль и иде на онпол. И забыша ученицы Его взяти хлебы, и разве единаго хлеба не имяху с собою в корабли. И прецаше им, глаголя: зрите, блюдитесь от кваса фарисейска, и от кваса Иродова. И помышляху, друг ко другу глаголюще: яко хлебы не имамы. И разумев Иисус, глагола им: что помышляете, яко хлебы не имате? не у ли чувствуете, ниже разумеете? еще ли окаменено сердце ваше имате? очи имуще, не видите? и уши имуще, не слышите? и не помните ли, егда пять хлебы преломих в пять тысящ, колико кош исполнь

укрух приясте? Глаголаша Ему: дванадесять. Егда же седьмь в четыре тысящи, колика кошищ исполнения укрух взясте? Они же реша: седьмь. И глагола им: како не разумеете? Господь оставляет фарисеев, как людей неисправимых. Ибо медлить должно там, где есть надежда на исправление: а где зло неисправимо, оттуда надлежит бежать. Ученики забыли взять хлебы по особому устроению Божию, чтобы они, после строгого выговора Христова, сделались разумнее и познали силу Христову. Ибо когда Господь сказал, чтобы они остерегались закваски фарисейской, то есть, учения фарисейского, то они подумали, что Господь напоминает им о закваске хлебной. Итак справедливо Он упрекает их, как неразумяющих силы Христовой, которую Господь может сотворить хлебы и из ничего. Учение фарисеев и иродиан называет закваскою по той причине, что оно было терпко и исполнено ветхой злобы. И всякий, кто обветшал во зле и не может говорить ничего духовного, чтобы усладить гортань слышащего, имеет в себе закваску древней злобы, то есть, учение ядовитое и ведущее принявших его только к раскаянию. Но кто были иродиане? это какие-то новоявившиеся учителя, кои говорили, что Ирод есть Христос, и что в него должно верить.

И прииде в Вифсаиду: и приведоша к Нему слепя, и моляху Его, да его коснется. И ем за руку слепяго, изведе его вон из веси: и плюнув на очи его, и возложь руце нань, вопрошаше его, аще что видит? И воззрев глаголаше: вижу человеки, яко древие ходящя. Потом же паки возложи руце на очи его, и сотвори его прозрети: и исцеле, и узре светло все. И посла его в дом его, глаголя: ни в весь вниди, ни повеждь кому в веси. Вифсаида и Хоразин, кажется, страдали большим неверием: за что Христос и поносил ее, как говорит (Мф. 11, 21): *горе тебе Хоразине, горе тебе Вифсаидо: яко аще в Тире и Сидоне быша силы были бывшыя в вас, древле убо во вретщици и пепеле покаялися быша.* По прибытии сюда Господа, приводят к нему слепого. Но вера приведших не была чиста: почему Господь и выводит слепого из селения, и потом уже исцеляет его. Он плюет на очи слепого и возлагает на него руки, дабы мы знали, что Божественное слово и следующее за словом действие может совершать чудеса: ибо рука есть образ действия, а плюновение есть образ слова, поколику оно выходит из уст. Но и сам слепой не имел совершенной веры. Поэтому Господь не вдруг дает ему прозреть, а постепенно, как человеку имеющему веру не всецелую: ибо по мере веры даются и исцеления. Заповедует ему не входить в селение, потому что жители Вифсаиды, как я сказал, были неверные, и человек тот среди них повредил бы своей душе: не велит даже никому и говорить о случившемся с ним, чтоб неверующие не подверглись большому осуждению. И мы часто бываем слепы душою, живя в селении, то есть, в мире сем: но когда выходим из селения, то есть, когда отвергаемся дел мира, Христос исцеляет нас: по исцелении Он говорит нам, чтоб мы не возвращались опять в село, но шли домой: а дом каждого из нас есть небо и тамошние обители.

И изыде Иисус и ученицы Его в веси Кесарии Филипповы: и на пути вопрошаше ученики Своя, глаголя им: кого Мя глаголют человецы быти? Они же отвещааша: Иоанна Крестителя: и инии Илию: друзии же единаго от пророк. И той глагола им: вы же кого Мя глаголете быти? Отвещав же Петр глагола Ему: Ты еси Христос. И запрети им, да никомуже глаголют о Нем. — Спрашивает их о Себе, отведя далеко от иудеев, чтоб им некого было бояться исповедать истину. Они отвечают, что одни принимают Его за Иоанна, другие за Илию: ибо многие думали, что Иоанн воскрес, как полагал и Ирод, что он по воскресении получил и силу чудотворений, тогда как при жизни своей Иоанн не сотворил ни одного знамения. Спросив их таким образом о мнениях других, Господь спрашивает у них потом и

собственного их мнения, как бы так говоря: те так думают обо Мне ошибочно: а вы за кого Меня почитаете? Что же Петр? Он исповедует Его Христом, предвозвещенным пророками. Но что сказал Господь на исповедание Петра, и как ублажил его, это Марк опустил, чтобы не показаться пристрастным к Петру, учителю своему. Напротив Матфей сказал обо всем без опущения. Господь не велел им говорить никому, потому что хотел прикрыть славу Свою, дабы многие не соблазнились о Нем и при неверии не сделались повинными большему наказанию.

И начат учить их: яко подобает Сыну человеческому много пострадати, и искушену быти от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день воскреснути: и не обинюся слово глаголаше. И прием Его Петр, начат претити Ему. Он же обращя и возрев на ученики Своя, запрети Петрови, глаголя: иди за Мною сатано: яко не мыслиши, яже (суть) Божия, но яже человеческа. — Приняв от учеников Своих исповедание, что Он есть истинный Христос, Господь открыл им и тайну креста. Но открыл ее еще не вполне: ибо апостолы не понимали того, что Он говорил, и не разумели, что значит воскреснуть, но думали, что лучше Ему вовсе не страдать. Поэтому Петр и начинает возражать, говоря, что напрасно предавать Себя на смерть, когда может и не страдать. Но Господь, показывая, что страдание Его будет во спасение им и многим, и что один сатана не хочет, чтоб Он пострадал и спас людей, называет Петра *сатаною* за его мысли, свойственные сатане, за то, что он не желал Христу пострадать, но прекословил Ему: сатана значит — противник. *Иди за Мною*, говорит, то есть следуй Моей воле, не прекословь и не будь противником Моим, но следуй Мне. Петр, по словам Господа, *мыслил человеческая*: ибо мыслил плотское, хотел, чтоб Господь оставался в покое, не предавал Себя на распятие и не подвергался напасти за спасение мира.

*И призвав народы со ученики Своими, рече им: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе; и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелиа, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщепит душу свою? или что даст человек измену на души своей? Поелику Петр прекословил Христу, желавшему предать Себя на распятие: то Христос призывает народ и в слух всех говорит, направляя речь главным образом против Петра: ты не одобряешь того, что Я беру крест: а Я говорю тебе, что ни ты, ни другой кто не спасетесь, если не умрете за добродетель и истину. Заметь, Господь не сказал: умри и тот, кто не хотел бы умирать, но — *иже хочет*. Я, говорит, никого не принуждаю. Призываю не на зло, а на добро: а потому, кто не хочет, тот и не достоин сего. Что значит отвергнуться себя? это мы поймем, когда узнаем, что значит отвергнуться другого кого-либо. Кто отвергается другого кого-либо, отца ли, брата ли, или кого-либо из домашних, тот, хотя бы смотрел, как его бьют или убивают, не обращает внимания и не соболезнует, сделавшись чуждым ему. Так и нам повелевает Господь, чтоб и мы ради Его презирали свое тело и не щадили его, хотя бы били или порицали нас. *Да возмет крест свой*, сказано, то есть, поносную смерть, ибо крест почитался тогда орудием поносной казни. А как многих распинали и разбойников: то присовокупляет, что с распятием должно иметь и другие добродетели: ибо это означают слова: *и по Мне грядет*. Поелику же повеление предавать себя на смерть показалось бы тяжким и жестоким: то Господь говорит, что оно напротив весьма человеколюбиво: ибо кто погубит душу свою, но ради Меня, а не как разбойник казнимый, или самоубийца (в сем случае смерть будет не ради Меня), тот, говорит, обретет душу свою, между тем как думающий приобрести душу, погубит ее, если во время мучения не устоит. Не говори Мне, что этот последний сбережет себе жизнь:*

ибо, если бы он даже приобрел целый мир, все бесполезно. Спасения нельзя купить никаким богатством. Иначе, приобретший весь мир, но погубивший душу свою, отдал бы все тогда, когда будет гореть в пламени, и таким образом искупился бы. Но такой выкуп там невозможен. Здесь заграждаются уста и тех, которые вслед за Оригеном говорят, что состояние душ переменится на лучшее, после того, как они накажутся соразмерно грехам своим. Да слышат они, что там никак нельзя дать выкупа за душу, и мучиться только в той мере, сколько нужно будто бы для удовлетворения за грехи.

Иже бо аще постыдится Мене, и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и сын человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со ангелы святыми. И глаголаше им: аминь глаголю вам: яко суть нецыи от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие пришедшее в силе. Не довольно одной внутренней веры: требуется и исповедание уст. Ибо как человек двойствен, то двоякое должно быть и освящение, то есть, освящение души посредством веры, и освещение тела посредством исповедания. Итак, кто *постыдится* исповедать распятого Богом своим, того и Он *постыдится*, признает недостойным рабом Своим, когда *приидет* уже не в смиренном виде, не в унижении, в котором являлся здесь прежде и за которое некоторые стыдятся Его, но в славе и с воинством ангельским. Сказав о славе Своей и желая научить, что Он не напрасно упоминает об ней, Господь говорит затем, что суть *нецыи от zde стоящих*, то есть, Петр, Иаков и Иоанн, кои не умрут, пока Я не покажу им в Своем преображении того, с какою славою явлюсь во время пришествия. Ибо преобразование есть не что иное, как предзнаменование второго пришествия. Так просияет в то время Он Сам: так просияют и праведники.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

И по шести днех поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна: и возведе их на гору высокою особь едины: и преобразися пред ними. И ризы Его быша блещащияся, белы зело яко снег, яцех же не может белилник убелити на земли. Евангелист Лука говорит, что это было спустя восемь дней. Впрочем он не противоречит Марку, но совершенно согласен с ним. Речь его обнимает и тот день, в который Господь возвестил (о предстоявшем преобразении Своем), и тот, в который Он возвел (учеников на гору): тогда как Марк говорит об одних промежуточных днях. Господь поемлет и возводит на высокую гору только трех верховных апостолов, — *Петра*, как исповедавшего и возлюбившего, *Иоанна*, как любимого, и *Иакова*, как великого проповедника и богослова, который был столь тяжек для иудеев, что Ирод, желая угодить иудеям, убил его. Возводит их на гору высокую, дабы чудо было тем славнее. *А особь* (наедине) возводит потому, что хотел явить тайну. Самое преобразование разумей не как существенное изменение вида Христова, но как озарение его неизреченным светом, при чем естественный вид его оставался тот же, как и прежде.

И явися им Илия с Моисеем: и беша со Иисусом глаголюще. И отвещав Петр глагола Иисусови: Равви, добро есть нам zde быти: и сотворим кровы три, Тебе един, и Моисееви един, и Илии един. Не ведяху бо что реци: бяху бо пристрашни. И бысть облак осеня их: и прииде глас из облака, глаголя: Сей есть Сын Мой возлюбленный, Того послушайте. И внезапно возревше, ктому никогоже видеша, токмо Иисуса единого с собою. По многим причинам Илия и Моисей являются беседующими со Христом. Но достаточно упомянуть о двух. Так, поелику ученики радовались, что в народе одни принимали Его за Илию, а другие за одного из пророков: то Он являет им величайших пророков, дабы ученики по крайней мере таким образом познали различие между рабами и Владыкою. Вот первая причина. Вторая: так как многие почитали Христа богопротивником, разоряющим будто бы субботу и престапующим закон: то Он показывает на горе таких пророков, из коих один был законодатель, а другой ревнитель: а такие пророки не стали бы беседовать с Ним, если бы Он разорял закон и не исполнял того, что они проповедали. Петр же боялся сойти с горы (ибо страшился распятия Господня), и потому сказал: *добро есть нам zde быти*, и не сходить в среду иудеев; ибо, если враги твои сюда и придут, мы имеем Моисея, поразившего египтян, имеем Илию, низведшего с неба огонь и истребившего пятьдесятначальников. О чем же беседовали с Ним пророки? Она говорили о распятии и смерти Его. А что говорил Петр, он сам не знал, что говорит, потому что все они (ученики) были в страхе от неизреченного света и славы (Христовой). Он не хотел, чтоб Иисус сходил с горы на распятие, ради нашего спасения, а желал оставаться всегда на горе. Но обратим наш ум и к (таинственному) созерцанию. По кончине мира сего, созданного в шесть дней, возведет нас Иисус, если мы (истинные) Его ученики, на *гору высокую*, то есть, на небо, и явит себя нам в светлейшем виде. Ныне Он является нам в бесславном виде, как распятый и сын древоделателя, а тогда увидим славу Его, как Единородного: увидим также и закон и пророков, беседующих с Ним, то есть изреченное о Нем Моисеем и пророками тогда уразумеем и найдем совершенное исполнение их вещаний. Тогда услышим мы и Отеческий глас, ибо Отец откроет нам Сына и возвестит: *Сей есть Сын Мой*. Как же Он возвестит нам это? При осенении облака, то есть, Святого Духа: ибо Он есть источник жизни.

Сходящым же им с горы, запрети им, да никому же поведают, яже видеша, токмо егда Сын человеческий из мертвых воскреснет. И слово удержаша в себе, стязаящися, что есть, еже из мертвых воскреснути. Для чего Иисус заповедывает ученикам не говорить никому о преображении? Для того, чтобы люди, слыша о такой славе Христа, впоследствии не соблазнились, когда увидят Его распинаемым. После же воскресения из мертвых, удобно будет сказать о столь славном событии, бывшем до распятия Христова. Итак апостолы *удержаша слово в себе* (соблюли в тайне это событие), *стязаящися, что есть из мертвых воскреснути*: ибо они еще не разумели слов Его, что Ему должно воскреснуть из мертвых.

И вопрошаху Его, глаголюще: како глаголют книжницы, яко Илии подобает прийти прежде? Он же отвещав рече им: Илия убо приидет прежде, устроит вся: и како есть писано о Сыне человечесем, да много постраждет и уничижен будет. Но глаголю вам, яко и Илия прииде, и сотвориша ему, елика хотеша, якоже есть писано о нем. Между иудеями держалась молва, что пред пришествием Христа придет Илия. Впрочем фарисеи не так, как должно, толковали писанное об Илие, но злонамеренно превращали (смысл Писаний), скрывая истину. Ибо пришествий Христовых два, одно первое (которое уже было), а другое еще имеет быть. Предтечею первого был Иоанн, предтечею второго будет Илия. Но Христос

называет Илиею Иоанна, как обличителя, ревнителя и пустынноика. Таким образом Господь опровергает мнение фарисеев, которые думали, что предтечею первого Христова пришествия должен быть Илия. Как же опровергает? Он говорит: *Илия убо прииде устроит вся: и како писано о Сыне человечестем, да много постраждет*. Это значит вот что: когда придет Илия Фесвитянин, он умирят непокорных иудеев и приведет их к вере, и таким образом соделается предтечею второго пришествия Христова. А если бы Фесвитянин, долженствующий устроить все, был предтечею первого пришествия: то как же написано, что Сын человеческий должен пострадать. Итак одно из двух: или Илия не должен быть предтечею первого пришествия, ежели Писания говорят истину, что Христу надлежит пострадать: или мы будем верить словам фарисеев, что предтечею первого пришествия должен быть Фесвитянин, — и тогда не будет истины в Писаниях, которые говорят, что Христос постраждет: ибо Илия должен устроить все, и не будет тогда ни одного еврея неверующего, но все поверят проповеди, кто только услышит ее от Илии. Опровергая таким образом превратное мнение фарисеев, Господь сказал, что *Илия, то есть, Иоанн, уже прииде, и сотвориша ему, елика хотеша*: поелику не поверили ему, и он приял кончину отсечением (главы), сделавшись жертвою забавы (Иродовой).

И прииде ко учеником, виде народ мног от них, и книжники стязающия с ними. И абие весь народ виде Его ужасеся, и приришуще целоваху Его. И вопроси книжники: что стязаетея к себе? И отвецав един от народа, рече: учителю, приведох сына моего к тебе, имуща духа нема: И идеже колиждо имет его, разбивает его, и пены тецит, и скрежещет зубы своими, и оцепеневает: и рех учеником твоим, да изженут его, и не возмогоша. Иисус, пришедши к ученикам, к тем девяти, которые не восходили с Ним на гору, нашел их в состязании с фарисеями. Ибо в отсутствие Иисуса фарисеи, приступив к ученикам Его, покушались привлечь их в свою сторону. Между тем народ, лишь только увидел Его, тотчас приветствовал. Народ смотрел на Него и приветствовал, как бы возвратившегося издалека. А по мнению некоторых, и самый вид Его, от света преображения сделавшись прекраснее, привлекал к Нему народ с приветствиями. *И отвецав един от народа рече*. Этот человек был немощен в вере, как свидетельствует Господь, сказав: *О роде неверный, и еще: вся возможна верующему*: да и тот сам говорит: *помози моему неверию*. Он и учеников (Иисуса) оговаривает, как бы все они были неверующие. А надлежало ему не пред всеми обвинять их, но особо наедине.

Он же отвецав ему, глагола: О роде неверен, доколе в вас буду? доколе терплю вы: приведите его ко Мне. И приведоша его к Нему: и виде Его, абие дух стрясе его, и пад на земли, валяеся пены теца. И вопроси отца его: колика лет есть, отнележе сие бысть ему? Он же рече: издетска. И многожды во огонь вверже его, и в воды, да погубит его, но аще что можеши, помози нам, милосердовав о нас. Иисус же рече ему: ежже аще что можеши веровати, вся возможна верующему. И абие возопив отец отрочате, со слезами глаголаше: верую, Господи, помози моему неверию. Видев же Иисус, яко срищется народ, запрети духу нечистому, глаголя ему: душе немый и глухий. Аз ти повелеваю: изыди из него, и ктому не вниди в него. И возопив, и много пружався, изыде: и бысть яко мертв, якоже мнозем глаголати, яко умре. Иисус же емь его за руку, воздвиже его: и воста. Итак человек тот, пришедши (к Иисусу), винил учеников, что они не могли исцелить сына его: но Христос обращает обвинение на него самого, и говорит как бы так: ты не имеешь веры, и потому ты сам виновен в том, что не исцелился сын твой. Впрочем слова

Иисуса относятся не к одному только этому человеку, а говорит это Он вообще о всех иудеях, укоряя их за неверие. Ибо многие из предстоящих могли этим (случаем) соблазниться. А когда говорит (Иисус): *доколе буду с вами*, то сим выражает, что для Него вожделенна была смерть, то есть (как бы так сказал): прискорбно мне жить с вами неверующими. Впрочем Он не останавливается (только) на укоризне, а подает и исцеление, обнаруживая в исцелении отрока не высокоумдрие, а гораздо более — смиренномудрие. Ибо заметь, что не своей силе, а вере человека того приписывает исцеление, говоря: *вся возможна верующему*. Притом, Он запретил духу, увидев собиравшийся (к Нему) народ, опять потому, что не хотел исцелять пред множеством народа, — для показания своей силы и для своей славы. А запрещением и словами: *изыди и ктому не вниди*, дает знать, что за неверие человека бес опять мог бы войти в него, если б не возбраняем был запрещением Его. Но он попустил бесу разбить отрока, дабы все поняли бесовское искушение, и то, что бес мог бы умерщвлять человека, если б не ограждала их рука Божия. Говоря в переносном смысле, бес повергает людей в огонь гнева и похоти, и в бурные волны житейских дел. Этот бес нем и глух, — глух, как нехотящий слышать словес Божественных, нем, как немогущий и других научить чему-либо душеполезному. Но когда Иисус, то есть, евангельское слово, возьмет человека за руку, то есть управит его деятельные силы, тогда он освобождается от беса. Заметь также, что Бог готов помогать нам, но мы сами отрицаемся делать добрые дела. Ибо сказано: *воздвиге его Иисус*, — вот помощь Божия, и воста, то есть, — в самом человеке (возбудилось) тщание на добрые дела.

И вшедшу Ему в дом, ученицы Его вопрошаху Его единаго: яко мы не возмогохом изгнати его? И рече им: сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом. Ученики боялись, не лишились ли они благодати, данной им от Господа, и не потому ли не могли изгнать беса. Заметь и благоговение их в том, что приступают они к Иисусу наедине. *Сей род*. Какой? Род бесновавшихся в каждом новомесячии, или вообще весь род бесов, который не изгоняется иначе, как молитвою и постом. Должно поститься и тому, кто страждет от них, и тому, кто хочет целить, — и тому и другому это нужно: особенно же требуется это от самого страждущего: да и не поститься только надобно, но и молиться, и не молиться только, но и поститься. Ибо так истинная молитва совершается, когда соединяется с постом, когда молящийся не обременен пищею, молится легко и без затруднения.

И оттуду изшедше, идяху сквозе Галилею, и не хотяше, да кто увестъ. Учаше бо ученики своя, и глаголаше им: яко Сын человеческий предан будет в руке человеческе, и убьют Его: и убиен быв, в третий день воскреснет. Везде слово о Своем страдании соединял (Иисус) с чудотворениями, дабы не думали, что Он страдал по немощи. И теперь, сказав прискорбное слово, что *убьют* Его, присовокупляет и радостное, — что *в третий день воскреснет*: дабы мы знали, что за скорбями всегда последует радость, и поэтому дабы не истаевали (духом) напрасно в скорбях, но надеялись получить что-либо и радостное.

Они же не разумеваху глагола, и бояхуся Его вопросити. И прииде в Капернаум: и в дому быв, вопрошаше их: что на пути в себе помышляете? Они же молчаху: друг ко другу бо стязашася на пути, кто есть болий. И сед пригласи обанадесяте, и глагола им: аще кто хочет старей быти: да будет всех меньший, и всем слуга. И приим отрока, постави е посреде их: и объем е, рече им: иже аще едино таковых отрочат приимет во имя Мое, Мене приемлет: и иже Мене приемлет не Мене

приемлет, но пославшаго Мя. Ученики, имея еще человеческие помышления, спорили между собою о том, кто из них больше и почетнее у Христа. Но Господь, хотя не возбраняет стремления к большей чести (ибо повелевает нам желать высших степеней), однако не позволяет нам похищать первенство у других, напротив хочет, чтобы мы смирением достигали возвышения. Так, Он поставил посреди (учеников) дитя и поучает нас быть ему подобными. Дитя ни славы не ищет, не завидует, не помнит зла. Да и не тогда только, говорит (Иисус), вы получите великую награду, когда сами будете такими (как дитя): но ежели и других подобных примете ради Меня, и за это получите царство небесное, поелику примете Меня: а принимая Меня, примете Пославшего Меня. Видишь ли, какую силу имеет смирение и нрав простой и бесхитростный? Это вселяет в нас Сына и Отца, а следовательно и Духа Святого.

Отвеща Ему Иоанн, глаголя: учителю, видехом некоего именем Твоим изгоняща бесы, иже не ходит по нас: и возбранихом ему, яко не последует нам. Иисус же рече: не браните ему, никтоже бо есть, иже сотворит силу о имени Моем, и возможет вскоре злословити Мя. Иже бо несть на вы, по вас есть. Не по соревнованию какому-либо и не по зависти сын громов возбраняет тому человеку изгонять бесов: но желает, чтобы все, призывающие имя Христово, и последовали за Христом, и чтобы все ученики составляли одно тело. При начале же (евангельской) проповеди случалось, что некоторые, побуждаемые страстию славолубия, желали совершать знамения: но видя, как могущественно имя Иисусово, они призывали его и таким образом совершали знамения, хотя и чужды и недостойны были благодати Божией. Ибо Господу угодно было, чтобы проповедь распространялась и чрез недостойных. Что же Спаситель? Он не позволил Иоанну возбранять совершавшему знамения: *не браните*, говорит, *никтоже бо может вскоре злословити Мя, иже сотворит силу о имени Моем.* То есть, как будет злословить Меня тот, кто именем Моим приобретает себе славу, и призыванием Меня совершает чудеса? По-видимому, Господь противоречит Сам Себе: ибо в другом месте говорит: *иже несть со Мною, на Мя есть.* Но сии слова сказаны о бесах, которые стараются отвлечь сущих от Бога и рассевают Божие достояние. А здесь говорится о людях, которые чрез других, делающих чудеса, приводятся к Богу.

Иже бо аще напоит вы чашею воды во имя Мое, яко Христовы есте, аминь глаголю вам, не погубит мзды своя. И иже аще соблазнит единаго от малых сих, верующих в Мя, добрее есть ему паче, аще облежит камень жерновный о выи его, и ввержен будет в море. Я, говорит, не только не возбраняю тому, кто совершает Моим именем чудеса: но если кто даст вам что-либо и самое малое, ради Меня, а не ради людей мирских, и то не лишится награды своей. А о чаше воды сказал, имея в виду людей, отговаривающихся бедностию. Если, говорит, и чашу воды подашь, — меньше этого уже ничего не может быть, — и это не пропадет у тебя. Так если ты почтишь одного из малых, то ты угодишь Богу: если и соблазнишь одного из малых, то ты согрешил: лучше бы повесили тебе на шею жернов ослий (мельничный). Этим выражает, что мы подвергаемся в таком случае тягчайшему наказанию. Господь указал чувственное мучение, с тем, чтобы утратить нас этим видимым примером.

И аще соблажняет тя рука твоя, отсецы ю: добрее ти есть беднику в живот внити, неже обе руке имущу внити в геенну, во огонь неугасающий: идеже червь их не умирает, и огонь не угасает. И аще нога твоя соблажняет тя, отсецы ю: добрее

ти есть внити в живот хрому, неже две нозе имущу ввержену быти в геенну, во огонь неугасающий: идеже червь их не умирает, и огонь не угасает. И аще око твое соблазняет тя, исткни е: добрее ти есть со едином оком внити в царствие Божие, неже две оце имущу ввержену быти в геенну огненную: идеже червь их не умирает, и огонь не угасает. Всяк бо огнем осолится, и всяка жертва солию осолится. Добро соль: аще же соль не слана будет, чим осолится? имейте соль в себе, и мир имейте между собою. Высказав такую угрозу противу соблазнительей, что лучше бы быть им вверженным в море, Господь поучает теперь соблазняемых остерегаться людей, готовых соблазнить и сбивать их с пути (истины). Будет ли соблазнять тебя нога, или рука, или око, то есть, будет ли соблазняющий и запинаящий в деле спасения из числа домашних твоих, или из близких по плоти, — отсеки его, то есть, отвергни любовь к нему и дружбу. А червь и огонь, терзающие грешников, есть совесть каждого и воспоминание о гнусных делах, совершенных в сей жизни. Это угрызает, как червь, и жжет, как огонь. *Всяк бо, говорит, огнем осолится,* то есть, искушен будет, как и Павел говорит, что все будет искушено огнем (1 Кор. 3, 13). *И всяка жертва солию осолится:* эти слова привел (Иисус) из книги Левит (2, 13). Там Бог говорит: *всяк дар жертвы вашей солию да осолится.* Итак надобно нам осолить свои жертвы солию Божиею, то есть, приносить жертвы не чахлые и слабые, но крепкие и здоровые. Солию же Господь называет и апостолов и вообще тех, которые имеют предохраняющую и вяжущую силу. Ибо как соль предохраняет мясо и не допускает зародиться в нем червям, так и слово учителя, ежели оно крепко и вязко, удерживая людей от плотских страстей, не дает в них места неусыпающему червю. Если же сам учитель будет без соли, и не будет иметь в себе возбуждающей и вяжущей силы: то чем осолится, то есть, исправится. Итак, имейте в себе соль, то есть, укрепляющую и вяжущую благодать Духа, чтобы быть вам в мире между собою, связуясь с ближним союзом любви. Вот что значит иметь соль, и вот к чему сказаны слова: имейте мир с ближними своими. О таких Соломон сказал: *кони мнози в колеснице Фараони,* и пр.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

И оттуду востав, преиде в пределы Иудейския, обонпол Иордана. И снисходя паки народи к Нему, и яко обычай име, паки учаше их. И приступльшие фарисее, вопросиша Его: аще достоин мужу жену пустити? искушающе Его. Он же отвещав рече им: что вам заповеда Моисей? Они же реша: Моисей повеле книгу распустную написати, и пустити. И отвещав Иисус рече им: по жестокосердию вашему написа вам заповедь сию. От начала же создания, мужа и жену сотворил я есть Бог. Сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета оба в плоть едину. Темже уже не ста два, но плоть едина. Еже убо Бог сочета, человек да не разлучает. Господь часто оставлял Иудею по причине ненависти к Нему фарисеев. Но теперь опять приходит в Иудею, потому что приближалось время Его страданий. Впрочем Он идет не прямо в Иерусалим, но (сначала) только в пределы иудейские, чтобы оказать пользу незлобивому народу: тогда как Иерусалим, по лукавству иудеев, был средоточием всякой злобы. — И

посмотри, как они по злобе своей искушают Господа, не терпя, чтобы народ уверовал в Него, но всякий раз приступая к Нему с намерением поставить Его в затруднение и препреть Его своими вопросами. Они предлагают Ему такой вопрос, который ставил Его между двух пропастей: позволительно ли, говорят, человеку отпускать от себя жену? Ибо, скажет ли Он, что это позволительно, или скажет, что непозволительно, — во всяком случае они думали обвинить Его в противоречии закону Моисееву. Но Христос, Премудрость самосушая, отвечает им так, что избегает их сетей. Он спрашивает их: что заповедал им Моисей? а когда они отвечали, что Моисей заповедал отпускать жену, Христос объяснил им самый закон. Моисей, говорит Он, не был так немилостив, чтобы мог дать такой закон: но он написал это по причине вашего жестокосердия. Зная бесчеловечие евреев, такое, что муж, не возлюбивший свою жену, легко мог бы убить ее, Моисей дозволил мужу отпускать жену нелюбимую. Но изначально не так было: Бог сочетает два лица союзом супружества так, что они составляют одно, оставляя даже своих родителей. Заметь, что Господь говорит: Бог не дозволяет многобрачия, так чтобы одну жену можно было отпускать, а другую брать, и потом опять эту оставить, а сочетаться с иною. Если бы это было Богу угодно, то Он создал бы мужа одного, а жен многих: но произошло не так, а *сотворил* (Бог) *мужа и жену*, чтобы сочетались — один муж с одною женою. В переносном же смысле можно разуметь это так: слово учения, бросая добрые семена в душу верующего человека, имеет значение мужа для приемлющей его души. Оставляет же (слово учения) отца своего, то есть, выпранный ум, и мать свою, то есть, украшенную речь, и прилепляется к жене своей, то есть к пользе души, приспосабливается к ней и предпочитает часто мысли невысокие и речь простую. И тогда они оба становятся единою плотью, то есть, душа верует, что *Слово* Божие *плоть бысть*, и уже никакой человеческий помысл не может отлучить душу от такой веры.

И в дому паки ученицы Его о сем вопросиша Его. И глагола им: Иже аще пустит жену свою, и оженится иною, прелюбы творит на ню: И аще жена пустит мужа, и посягнет за иного, прелюбы творит. Так как и ученики соблазнялись (касательно развода мужа и жены), то и они приступают к Нему (Иисусу) и спрашивают о том же. Их образ мыслей еще не совершенно был здрав. Господь отвечал им: кто отпустил жену свою и поймет другую, тот становится прелюбодеем с этою второю женою: также и жена, оставившая своего мужа и сочетавшаяся с другим, делается прелюбодейцею.

И приношаху к Нему дети, да коснется их: ученицы же преицаху приносящим. Видев же Иисус, негодова, и рече им: оставите детей приходити ко Мне, и не браните им: тацех бо есть царствие Божие. Аминь глаголю вам: иже аще не примет царствия Божия яко отроча, не имать внити в не. И объем их, возложь руце на них, благословляше их. Велика была вера в народе, когда он одно возложение (Христом) рук принял как благословение для приводимых к Нему детей. А ученики не допускали приводящих, думая, что это недостойно Его. Что же Христос? Научая учеников смиренномудрствовать и отвергать мирское надмение, Он принимает и обнимает детей. Сим Он показывает, что приемлет незлобивых: потому и говорит: *тацех бо есть царствие Божие*. Заметь, не сказал: сих (детей) *есть царствие*, но: *таковых*, то есть, стяжавших такое же незлобие, какое дети имеют по природе. Ибо дитя не завидует, не помнит зла и, будучи наказуемо матерью, не бежит от нее, ко, хотя бы и рубище она носила, предпочитает ее царице: так и добродетельно живущий предпочитает мать свою, разумею Церковь, всему, и не увлекается житейскими наслаждениями. За то Господь и обнимает

таких, говоря: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обременени, и благословляет их, говоря: приидите благословеннии Отца Моего.* Царством же Божиим называет здесь проповедь (Евангелия) и обещание (будущих) благ. Итак, кто примет проповедь божественную, как отроча, то есть, нисколько не раздумывая, и не допуская в себе неверия, тот войдет в царство Божие и наследует те блага, которые уже приобрел верою.

И исходящу Ему на путь, притек некий, и поклонся на колену Ему, вопрошаше Его: Учителю благий, что сотворю, да живот вечный наследствую? Иисус же рече ему: что Мя глаголеши блага? никтоже благ, токмо един Бог. Заповеди веси: не прелюбы сотвориши: не убий: не укради: не лжесвидетельствуй: не обиди: чти отца твоего и мать. Он же отвещав, рече ему: учителю, сия вся сохраних от юности моя. Иисус же, возрев нань, возлюби его, и рече ему: единого еси не докончал: иди, елика имаши, продаждь и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси: и прииди, (и) ходи в след Мене, взем крест. Он же, дряхл быв о словеси, отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа. Некоторые ложно представляют сего юношу, как хитрого и коварного искусителя. Это не так: он был только человек любостязательный, а не искуситель. Ибо послушай, что замечает евангелист: *возрев нань, Иисус возлюби его.* А почему Христос отвечал ему так: *никтоже благ?* Потому что тот подошел к Христу, как к простому человеку и как одному из многих учителей. Христос как бы так говорит: если ты считаешь Меня благим, как простого учителя, то в сравнении с Богом ни один человек не благ: если признаешь Меня благим, как Бога, то для чего называешь Меня только учителем? Такими словами Христос хочет подать высшую мысль (о Себе), чтобы тот познал Его, как Бога. Кроме того, для исправления же юноши, Господь дает ему и другой урок: если он хочет с кем-либо беседовать, то говорить должен без лести, а корень и источник благодати знать один — Бога и Ему воздавать подобающую честь. Впрочем я удивляюсь сему юноше в том, что когда все другие приходили (ко Христу) за исцелением от болезней, он сам просит о наследовании жизни вечной, — если бы только он не был одержим еще сильнейшею в нем страстию сребролюбия. По сей-то страсти, услышав (слова Господа): *иди, продаждь и даждь нищим,* он — *отъиде скорбя.* Заметь при сем, что Господь не сказал: продай по частям, что имеешь и раздай, а: продай за один раз и раздай, но только нищим, а не ласкателям и не развратникам: потом: *ходи в след Мене,* — то есть, усвой и всякую другую добродетель. Ибо много таких, которые хотя и нестяжательны, но несмиренны: или и смиренны, но нетрезвы, или имеют другой какой-либо порок. Посему и Господь не говорит только: *продай и раздай нищим,* но: *и ходи в след Мене, взем крест,* что значит быть готовым на смерть ради Его. *Он же, дряхл быв о словеси, отъиде скорбя: бе бо имея стяжания многа.* Не напрасно присовокуплено, что он много имел: ибо и малым владеть — худо и опасно: а узы многих стяжаний (и вовсе) неразрешимы. Но и тот, кто юн по духу, легкомыслен, невнимателен мыслию, не устроен разумом, пусть также продаст имение свое, как то: гнев и похоть со всем тем, что от них прозябает, и отдаст, бросит бесам, которые суть нищи, лишены всякого блага и богатства, потому что отпали от благодати Божией, и потом да последует Христу. Ибо тот только может последовать Христу, кто отвергнет богатство грехов, которое есть достояние бесов. *Уклонися, сказано, от зла:* это значит бросить греховное богатство нищим, то есть силам бесовским, — *и сотвори благо:* что значит последовать Христу и взять крест Его.

И возрев Иисус, глагола учеником своим: како неудобь имущии богатство в царствие Божие внидут. Ученицы же ужасахуся о словесех Его. Иисус же паки

*отвещав, глагола им: чада, како неудобь уповающим на богатство в царствие Божие внити? Удобее бо есть вельбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в царствие Божие внити. Они же излиха дивляхуся, глаголюще к себе: то кто может спасен быти? возрев же на них, Иисус глагола: у человек невозможно, но не у Бога: вся бо возможна суть у Бога. Не богатство — само по себе есть зло: а берегущие его — злы и достойны осуждения: ибо должно не иметь его, то есть, держать у себя, а употреблять на пользу. Оно потому и называется богатством, что назначено для полезного употребления, а не для сбережения. Поэтому берегущие и запирающие его неудобь внидут в царствие Божие. А слово — неудобь значит здесь то же, что невозможно. Богатому человеку действительно слишком трудно спастись. Это видно из того примера, который присовокупляет Господь, говоря, что *удобнее есть вельбуду сквозе иглине уши проити, неже богату в царствие Божие внити*. Под названием вельбуда разумей или самое животное или толстую вервь (канат), употребляемую на больших кораблях [1]. Итак человеку, пока он богат, невозможно спастись. Но от Бога это возможно. Христос сказал: *сотворите себе други от мамоны неправды*. Видишь ли, как все становится возможно, когда слышим слово Божие! *От человек же невозможно*, то есть, невозможно тогда, когда рассуждаем по-человечески. Но почему ученики так изумлялись при этих словах? ведь сами они никогда не были богаты? Я думаю, что они в сем случае заботились о всех людях, так как уже начинали быть человеколюбивы. Некоторые недоумевают, как Христос сказал, что *вся возможна суть от Бога*. Ужели Он может и погрешить? На это мы отвечаем, что, когда Христос говорит: *вся*, то понимает все существенное: но грех не есть что-либо существенное: грех есть нечто несущественное, недеятельное: или иначе сказать: грех есть принадлежность не силы, а немощи, как и апостол говорит: *Христос, сущим нам немощным, умре* (Рим. 5, 6), и Давид говорит: *умножишася немощи их* (Псал. 15, 4). Значит, грех, как немощь, невозможен для Бога. Но может ли Бог, говорят, сделать и бывшее, как не бывшее? На это скажем: Бог есть истина: а сделать бывшее, как бы не бывшее, есть ложь. Как же истина сделает ложь? для этою Ему надлежало бы сперва изменить свое существо. Говорить таким образом значило бы сказать, что Бог может не быть и Богом.*

*Начат же Петр глаголати Ему: се мы оставихом вся, и в след Тебе идохом. Отвещав же Иисус рече: аминь глаголю вам, никтоже есть иже оставил есть дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, Мене ради и Евангелия ради: аще не примет сторицею ныне во время сие, домов, и братий, и сестер, и отца, и матери, и чад, и сел, во изгнании, и в век грядущий живот вечный. Мнози же будут первии последни, и последнии первии. Хотя Петр немногое оставил (ради Христа), но и это немногое называет *вся*. Видно, и немногое имеет узы пристрастия: а потому достоин улажения и тот, кто оставляет немногое. Петр один спрашивал (Христа): но Господь дает общий для всех ответ: *всяк, иже оставит жену, или мать*. Говорит это не с тем, чтобы мы оставляли родителей беспомощными, или разлучались с женами, но научает нас благоугождение Богу предпочитать всему плотскому: Поелику от проповеди (Евангелия) имела возгореться брань (между людьми), так что дети должны были отречься от отцов: то Господь и говорит: *кто оставит ради евангелия плотское родство и вообще все плотское, тот и в сем веке получит все это во сто крат более, и в будущем — жизнь вечную*. Поэтому уже не получит ли и жен во сто раз больше? Да, — хотя проклятый Юлиан и глумился над этим. Ибо, скажи мне, какую пользу приносит жена в хозяйстве мужа? Вообще — она заботится о пище и одежде для своего мужа и в этом отношении вполне обеспечивает мужа. Посмотри же, как это было у*

апостолов. Сколько жен заботились о доставлении им одежды и пищи и служили им, так что сами они не имели попечения ни о чем, кроме слова и учения! Подобно тому, апостолы имели многих отцов и матерей, какими были для них все любившие их и сердечно заботившиеся о них. Петр оставил один дом (свой), а впоследствии имел (как свои) все дома учеников своих. Он и ныне по всей земле имеет светлые дома, — храмы во имя его. А еще важнее то, что святые наследовали все это в изгнании, то есть будучи гонимы (за веру Христову), и в жестоких страданиях, но их страдания не были бесславием для них. Ибо они, казавшиеся в нынешнем веке последними, по причине претерпеваемых ими скорбей и гонений, — будут (в будущем веке) первыми за свое крепкое упование на Бога. Фарисеи, бывшие первыми, стали последними: а те, которые оставили все и последовали Христу, сделались первыми.

Бяху же на пути восходяще во Иерусалим: и бе варя их Иисус, и ужасахуся, и во след идуще, бояхуся. И поем паки обанадесять, начат им глаголати, яже хотяху Ему быти: яко се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет архиереем и книжником, и осудят Его на смерть, и предадут Его языком. И поругаются Ему, и уязвят Его, и оплюют Его, и убьют Его: и в третий день воскреснет. Для чего (Иисус) предсказывает ученикам, что с Ним случится? Для укрепления духа их, чтобы они, предварительно услышав об этом, мужественно перенесли, (когда это сбудется), и не были поражены внезапностью: а вместе с тем они должны были знать, что он страждет по воле Своей. Ибо, кто предвидел (страдания), тот мог избежать их: а если не бежал, явно, что волею предает себя на страдания. Но так как открыть о своем страдании следовало только ближайшим ученикам: то Он и предваряет всех на пути, желая отделить учеников от народа. Еще же упреждением всех и поспешностью Своею на пути Господь показывает и то, что Он поспешает к страданию и не убегает от смерти ради нашего спасения. Все, что высказывает Он в сем случае, хотя и прискорбно: но за все сие утешает тем, что *в третий день воскреснет.*

И пред Него приидоста Иаков и Иоанн, сына Зеведеева, глаголюще: учителю, хоцеза, да еже аще просива, сотвориши нама. Он же рече има: что хоцеза, да сотворю вама? Она же реста Ему: даждь нам, да един одесную Тебе и един ошуюю Тебе сядева во славе твоей. Иисус же рече има: не веста, чесо просита. Можеза ли пити чашу, юже аз пью, и крещением, имже аз крещаяся, креститися? Другой Евангелист (Матф. 20, 20) сказывает, что мать их (Иакова и Иоанна) приступила к Иисусу. Но вероятно было то и другое: два сии апостола, стыдясь других, послали наперед мать свою, а потом и сами подошли особо, как это обозначает Евангелист, сказав: *приидоста пред Него*, то есть, подошли особо, отдалясь от прочих. Чего же они просили? *Восхождение* (Христа) в Иерусалим (о котором Он беседовал с учениками) они поняли так, что Он идет воспринять чувственное царство, и уже по воцарении претерпит те страдания, о которых предрекал. Думая таким образом, они и просят восседания по правую и по левую сторону Христа. Потому и Господь укоряет их, как не разумеющих, чего просят: *не веста*, говорит, *чесо просита*. Вы думаете, что Мое царство будет чувственное, и потому чувственного просите восседания: нет, это не так: это выше понятия человеческого: и сесть одесную Меня есть дело самое великое, превышающее и Ангельские чины. Притом, вы мечтаете о славе, а Я призываю вас на смерть. Чашею и крещением называет Он крест, — чашею потому, что крест, как чаша (вина), скоро должен был привести Его ко сну (смертному), — и Он готов был принять чашу страданий, как сладкое для себя питье, а крещением — потому, что крестом

Он совершил очищение грехов наших. Но ученики, не уразумев слов Господних, дают с своей стороны обещание, думая, что Он говорит о чаше чувственной и о том крещении, какое было у иудеев, которые пред вкушением пищи омывались.

Она же реста Ему: можева. Иисус же рече има: чашу убо, юже Аз пию, испиета: и крещением, имже Аз крещаюся, креститася: А еже сести одесную Мене и ошуюю, несть Мне дати, но имже уготовано есть. Вы, говорит, войдете в подвиг мученичества и умрете за истину: *а еже сести несть Мне дати.* Но здесь представляются два недоумения. Первое: уготовано ли кому это седение? второе: ужели всеобщий Владыка не может дать сего седения? Отвечаем: никто не будет сидеть ни одесную, ни ошуюю. А если и слышишь, что в Писании многократно говорится о таком седении, то разумей не сидение (в собственном смысле), но высшее достоинство. А слова: *несть Мне дати*, имеют такой смысл: Мне, праведному Судии, не свойственно дать вам такое достоинство по одной любви к вам: иначе Я не был бы правосуден: но такая почесть уготована только подвизающимся. Это подобно тому, как если бы правосудный царь посадил выше других какого-либо подвижника, а любимцы его, пришедши, сказали бы ему: дай нам венцы: тогда царь, конечно, ответил бы: *несть мое дати*, но кто будет подвизаться и победит, тому и венец уготован. — Итак вы, сыны Зеведеевы, можете быть и будете мучениками за Меня: но если кто вместе с мученичеством будет иметь и всякую другую добродетель — больше вас, тот будет иметь преимущество пред вами.

И слышавше десять, начаша негодовати о Иакове и Иоанне. Иисус же призвав их, глагола им: весте, яко мнящися владети языки, соодолевают им: и величии их обладают ими. Не тако же будет в вас: но, иже аще хоцет в вас вяциший быти, да будет вам слуга: И иже аще хоцет в вас быти старей, да будет всем раб. Ибо Сын человек не прииде, да послужат Ему, но да послужит, и даст душу свою избавление за многи. Ученики, еще рассуждая по-человечески, впадали в зависть: поэтому и негодуют на двух Апостолов. Впрочем когда? Когда увидели, что прошение последних не принято Господом, но отвергнуто, тогда и негодовать стали. Пока сам Господь оказывал предпочтение Иакову и Иоанну, прочие ученики, видя это терпели: но когда те два ученика стали сами просить себе почести, то прочие уже не стерпели. Так еще несовершенно были они в это время! Но после увидим, как каждый из них уступал первенство другому. Теперь же Христос врачует их, сначала усмирив, и для того приблизив их к Себе, — что и означает словом — *призвав*. Потом показывает, что восхищать у других честь и домогаться первенства есть дело язычества. Ибо языческие властители насильственно покоряют других своей власти: а Мои, говорит, ученики не так: но кто из них хочет быть велик, тот пусть служит всем: потому что и это признак великой души, — от всех терпеть и всем служить. На это есть и пример вблизи. *Ибо и Сын человек не прииде, да послужат Ему, но да послужит, и даст душу свою избавление за многи.* А это более, нежели служение. В самом деле не только послужить, но и умереть за того, кому служишь, — что может быть выше и чуднее сего? Но такое служение и смирение Господа было высотой и славою как для Него Самого, так и для всех. Ибо прежде вочеловечения Он был ведом одним Ангелам, а соделавшись человеком и претерпев распятие, не только имеет ту славу (небесную), но приял и другую и над всю вселенную царствует [2].

И приидоша во Иерихон: и исходящу Ему от Иерихона, и учеником Его, и народу многу, сын Тимеов Вартимей слепый седяше при пути прося. И слышав, яко Иисус Назорянин есть, начат звати, и глаголати: Сыне Давидов Иисусе, помилуй мя. И преЩаху ему мнози, да умолчит: он же множае паче зваше: Сыне Давидов, помилуй мя. И став Иисус, рече его возгласити. И возгласиша слепца, глаголюще ему: дерзай, востани, зовет тя. Он же отверг ризы своя, востав, прииде ко Иисусови. И отвеЩав глагола ему Иисус: что хоЩеши, да сотворю тебе? Слепый же глагола Ему: учителю, да прозрю. Иисус же рече ему: иди, вера твоя спасе тя. И абие прозре и по Иисусе иде в путь. Матфей говорит о двух слепцах: и может быть, два были исцелены; но, вероятно, один из них более обратил на себя внимания, тот, о котором упоминает теперь Марк. Но посмотри, как народ чтит Иисуса: даже запрещает слепому кричать, как бы тут проходил какой-нибудь царь. А спрашивает Иисус слепого для того, чтобы не сказали, будто Он дает не то, чего слепой хотел. И благорассудна была душа слепого: ибо по исцелении он не оставил Иисуса, но последовал за Ним. А (иносказательно) можно разуметь это так: Иерихон означает низменное место (мир); слепой, сидящий здесь, есть образ человеческого естества, которое некогда усыновлено было Богу, превыше всякой почести земной; оно и взывало ко Христу, проходящему чрез Иерихон, то есть, мир сей. А Христос помиловал его и спас по вере его, когда оно совлекло с себя ветхую одежду греха. По получении же спасения оно последовало за Ним (Христом), исполняя заповеди на своем пути, то есть, в жизни сей. Ибо только в сей жизни можно последовать Христу: а после нее уже затворяются двери (спасения) и уже не будет времени к исполнению заповедей Божиих.

[1] Блаж. Феофилакт, при изъяснении слова вельбуда, очевидно, имел в виду и — верблюд, и — канат, толстая вервь. *Прим. перев.*

[2] См. 1 Кор. 15, 24. 25.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

И егда приближися во Иерусалим, в Вифсагию и Вифанию к горе Елеонстей, посла два от ученик своих, и глагола им: идита в весь, яже есть прямо вама: и абие входящия в ню, обряЩета жребя привязано, на неже никтоже от человек вседе; отрешита е, приведита. И аще кто вама речет: что творита сие? рЩята, яко Господь требует е: и абие послет е семо. Идоста же, и обретоста жребя привязано при дверех вне на распутии, и отрешиста е. И неЩии от стоящих ту глаголаху има: что деета отрешающа жребя? Она же реста им, якоже заповеда има Иисус: и оставиша я. Иисус часто приходил в Иерусалим и в другое время, но никогда с такою славою, как теперь. Прежде, по причине зависти Иудеев, Он

скрывался: а теперь, поелику наступило Им Самим определенное время страдания, идет открыто, дабы они, если пожелают, уразумели славу Его и чрез исполнение на Нем пророчеств познали истину. А ежели не пожелают уразуметь, то чтобы это обстоятельство послужило к большему осуждению их, как неверовавших и после столь славных чудес. Ибо, смотри, сколько здесь знамений! Господь сказал ученикам, что обрящут жребя: сказал, что им будут возбранять, а потом, когда ученики скажут, что Господь его требует, позволят (взять). Ибо немаловажно и то, что Апостолам дозволено было увести жребя: этого не могло бы быть, если бы на владетелей жребяти не действовала сила Божия, побуждающая отпустить жребя: они были люди бедные и рабочие. И надобно знать, что Господь сделал это не напрасно, ибо прежде Он не требовал жребяти, а пеший многократно обходил Галилею и Иудею, — но Он показывал чрез это, что возобладает языческими народами, непокоривыми и ненаученными, как жребята: они были *привязаны* грехами своими *на распутьи*, то есть, в жизни сей, при *дверях*, то есть, вне Церкви. Но ученики разрешили их посредством крещения и веры, и они подъяли на рамена свои Господа, а Апостолы возложили на них ризы свои, то есть, все истинные правила добродетели. Прежде язычники, будучи наги, были безобразны и делали незаконные дела, но с того времени, как были приведены (ко Христу) Апостолами, они научились ходить благопристойно, потому и Христос подъят ими. Кто же были владетели жребяти, возбранявшие взять его Апостолам? без сомнения, бесы. Однако Апостолы были сильнее их.

И приведоста жребя ко Иисусови: и возложиша на не ризы своя, и вседе на не. Мнози же ризы своя постлаша по пути: друзии же ваиа резаху от древия, и постилаху по пути. И предходящии и в след грядущии вопияху, глаголюще: осанна, благословен грядый во имя Господне. Благословено грядущее царство во имя Господа, Отца нашего Давида: осанна в вышних. Пока простой народ бывает неиспорчен, он познает полезное. Вот почему теперь они воздают почести Иисусу, каждый по силе своей. Но что говорили они, прославляя Его? Настоящую песнь они заимствовали у Давида. Слово же *осанна*, по мнению одних, значит *спасение*, а по другим — *песнь*. Но первое мнение лучше: ибо во сто семнадцатом псалме сказано: *О Господи, спаси же*, а в Еврейском написано — *осанна*. *Царством же Давида* они называли царство Христово, во-первых потому, что Христос происходил от семени Давидова, во-вторых потому, что Давид значит сильный рукою. А кто другой так силен рукою, как Господь, руки Которого совершили столь дивные дела? Но постелем и мы одежды свои, то есть, плоть свою: ибо плоть есть одежда души: покорим ее Господу. Устелем путь нашей жизни, срезывая с дерев ветви, то есть, подражая житию святых. Ибо святые суть как бы древа, с которых срезывает ветви подражающий добродетели их. Но дела наши *и предшествующия и последующия* да будут в славу Божию. Ибо иные в предшествующей жизни показали доброе начало, напротив последующая жизнь их не такова была и служила не к славе Божией.

И вниде во Иерусалим Иисус, и в церковь: и соглядав вся, позде уже сущу часу, изыде в Вифанию со обеманадесяте. И наутрие, изшедшым им от Вифании, взалка. И видев смоковницу издалеца, имущу листвие, прииде, аще убо что обрящет на ней: и пришед к ней, ничесоже обрете, токмо листвие: не у бо бе время смоквам. И отвецав Иисус рече ей: да не ктому от тебе во веки никтоже плода снссть. И слышаху ученицы Его. Иисус вошел в храм, и скоро опять вышел из него, показывая чрез это, что Он уже оставляет его на запустение и расхищение. Он уходит в Вифанию, что значит дом послушания: ибо, оставляя непокорных и жестокосердых, идет (теперь) с учениками к послушным Ему. Но рассмотрим и повествование о смоковнице: ибо здесь является по-видимому нечто странное и жестокое. Во-первых, Иисус взалкал рано; во-вторых, Он требует плода, когда еще не наступило время для смокв; а еще и то, что наказывает бесчувственное дерево. Ибо в том, что Он здесь говорит и делает, было особенное смотрение. Доселе часто Иисус творил чудеса, но только на благодеяние людям. Но ученики еще не видели, что Он сделал кому-либо зло. Теперь, дабы показать ученикам, что Он может и казнить, и что, ежели захочет, может в один час погубить намеревающихся распять Его, Он являет Свою силу над бесчувственным деревом. И чудо было по истине велико тем, что дерево, столько сочное, иссохло вдруг: ибо смоковница сочнее почти всех дерев. А что Он алчет рано утром, это Он попустил плоти Своей по особенному смотрению: и плода преждевременно ищет на смоковнице с тою целью, чтобы, как я выше сказал, показать ученикам, что Он может и наказывать. А смоковница эта была вместе и образом синагоги иудейской, которая имела только листья, то есть, закон, доставлявший одну тень: а плода они вовсе не имели. Но Иисус взалкал их спасения: Он говорит: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего:* а эта воля Божия состоит в том, чтобы обращать согрешающих. Поелику же синагога не имела плода, то она проклята и иссохла, не имея (более у себя) ни пророков, ни учителей.

И приидоша паки во Иерусалим: и вшед Иисус в церковь, начат изгонити продающыя и купующыя в церкви: и трапезы торжником, и седалища продающих голуби испроверже. И не даяше, да кто мимонесет сосуд сквозе церковь. И учаше, глаголя им: несть ли писано: яко храм Мой храм молитвы наречется всем языком? вы же сотвористе его вертеп разбойником. И слышаша книжници и архиерее, и искаху, како Его погубят: бояхубося Его, яко весь народ дивляшеся о учении Его. Об изгнании Иисусом торжников повествует и Иоанн: но он (говорит об этом) в начале евангелия: напротив сей (Марк) к концу. Поэтому надобно думать, что это (последнее) изгнание было второе, что и служит к большему осуждению Иудеев, так как они не обратились, не смотря на то, что Господь неоднократно так поступал с ними. Храм называет Он *вертепом разбойников* по причине корыстолюбия (торжников). Ибо разбойнический род предан грабительству. А как и продавцы в храме торговали жертвенными животными ради корысти: то и названы разбойниками. *Торжники* (меновники) занимались разменом денег. Обличителем их Господь представляет и пророка Исаию, который говорит: *дом Мой дом*

молитвы наречется (Ис. 56, 7). Будем же молиться, чтобы и нам не быть изгнанным из церкви! Ибо многие ходят и в нашу церковь для того, чтобы продавать доброе и покупать худое. Есть и такие, которые, устроая и правя дела не ковные, имеют столы полные денег: они все делают из корысти. Испровергаются также и седалища продающих голубей, то есть престолы архиереев, продающих духовные дары: ибо голубь есть образ Духа Святого. Да извергнет Господь такого святителя от святительства: ибо проклят тот, кто рукополагает за деньги. Равным образом продает голубя своего и тот, кто продает диаволу благодать и чистоту, полученную в крещении. За то он и изгоняется вон из церкви.

И яко позде бысть, исхождаше вон из града. И утро мимоходяще, видеша смоковницу иссохшу из кореня. И воспомянув Петр, глагола Ему: Равви, виждь, смоковница, юже проклял еси, усше. И отвещав Иисус глагола им: Имейте веру Божию. Аминь бо глаголю вам, яко иже аще речет горе сей: двигнися, и верзися в море: и не размыслит в сердце своем, но веру имет, яко еже глаголет, бывает: будет ему, еже аще речет. Хотя Матфей и говорит, что смоковница тотчас иссохла, и что ученики, видя это, дивились: впрочем ты не смущайся, слыша теперь от Марка, что они увидели иссохшую смоковницу уже на другой день. Сказанное Матфеем должно понимать так: *и абие исше смоковница*, — тут остановись; потом читай: *и видевшие ученицы дивившася*: когда увидели? не тотчас, но на другой день. Кто так понимает, тот не встретит никакого недоумения. Заметь же, как Христос здесь является Богом. Ибо чрез пророков Господь говорит: *Аз есмь изсушаяй древо зеленое и проращаяй древо сухое* (Иезек. 17, 24). Но подивись человеколюбию Божию в том, что и нам, уподобляющимся Богу чрез веру, дает чудодейственную силу, принадлежащую Ему Самому по естеству, так что мы можем и горы переставлять. Гора есть в духовном смысле гордый ум, высящийся и упорный. Посему, кто видит себя одолеваемым страстию гордости, тот, стараясь изгнать ее из себя, искать должен посещения и помощи Божией. Ибо тот горд, кто говорит, что все делает он сам, а не помощью Божиею. Такой человек должен запретить горе сей, то есть, гордости, и сказать ей: *двигнися и верзися в море*, то есть, в мирских людей, сущих в море жизни сей и неверных: сам же он *да не размышляет*, то есть да не отступает от Бога. Ибо гордый отступает от Бога, говоря: я ничем не обязан Богу и не нуждаюсь в Его помощи.

Сего ради глаголю вам: вся елика аще молящися просите, веруйте, яко примете: и будет вам. И егда стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого: да и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваши. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших. Кто крепко верует, тот устремляет сердце свое к Богу, и, скажу словами Давида, изливает душу свою пред Богом: а кто обратит душу свою к Богу, тот соединяется с Ним, и его сердце, будучи согреваемо (благодатию), удостоверяется, что получит просимое. Кто испытал это, тот понимает. А я думаю, что испытали это все, кои хотя сколько-нибудь внимательны. Поэтому и говорит Господь, что *вся примете*,

елика с верою просите. Верующему все дает Бог, когда тот со слезами высказывает пред Ним все желания в молитве и как бы за ноги Владычии держится. А хочешь ли и другим способом получить просимое? Прости брату своему, ежели он согрешил в чем-либо против тебя. Видишь, как легко получить дар Божий!

И приидоша паки во Иерусалим: и в церкви ходящу Ему, приидоша к Нему архиереи и книжницы и старцы, и глаголаша Ему: кою областию сия твориши? и кто ти область сию даде, да сия твориши? Иисус же отвечава, рече им: вопрошу вы и аз словесе единого, и отвечайте ми и реку вам, кою областию сия творю. Крещение Иоанново с небесе ли бе, или от человек? отвечайте ми. И мысляху в себе, глаголюще: аще речем, с небесе, речет: почто убо не веровасте ему? Но аще речем от человек: бояхуся людей: вси бо имяху Иоанна яко во истинну пророк бе. И отвечающе глаголаша Иисусови: не вемы. И отвечава Иисус, глагола им: ни аз глаголю вам, кою областию сия творю. В ярости за то, что Христос изгнал из храма торжников, они приходят к Нему с вопросом: какою властию Он это делает? Они как бы так говорили Ему, с поношением: кто Ты такой, что это делаешь? Разве Ты поставлен учителем? разве в архиерея рукоположен? Говорили же это, стараясь привести Его в затруднение, чтоб уловить Его. Если бы Он сказал: Я творю это Моею властию, то они побиили бы Его камнями, как богопротивника: а ежели бы сказал: (творю это) властию Божиею, в таком случае они могли бы отвлечь от Него народ, так как Он признавал Себя за Бога. Но Господь предлагает им вопрос об Иоанне, не без причины и не с какою-либо хитростию. Но поелику Иоанн свидетельствовал о Нем, то Он и спрашивает злодейственных иудеев об Иоанне, дабы они, если признают Иоанна за посланника Божия, принуждены были принять свидетельство Иоанна и о Христе. А как они не могли ничего отвечать: то Он, чтобы еще более уничтожить их, говорит; ни аз глаголю вам. Не сказал: Я не знаю, что отвечать вам, но — ни аз глаголю, то есть: поелику вы злобствуете, то Я не достаиваю вас ответа.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

И начат им в притчах глаголати: виноград насади человек, и огради оплотом, и ископа точило, и созда столп, и предаде его тяжателем, и отъиде. И посла к тяжателем во время раба, да от тяжатель примет, от плода винограда: они же, емше его, биша, и отослаша тща. И паки посла к ним другаго раба: и того камением бивше, пробиша главу ему, и послаша безчестна. И паки иного посла: и того убиша: и многи ины, овы убо биюще, овы же убивающе. Еще убо

единого сына име возлюбленного своего, посла и того к ним последи, глаголя, яко усрамятся сына моего. Они же тяжателе реша к себе, яко сей есть наследник: приидите убием его, и наше будет наследство. И емше его, убиша, и извергоша его вон из винограда. Что убо сотворит Господь винограда? Приидет и погубит тяжателю, и даст виноград инем. Виноград означает иудейский народ, который насадил Господь: *соверши, сказано, виноград сей, егоже насади десница Твоя* (Псал. 79, 16): и Моисей говорит: *введ насади я в гору святую Твою* (Исх. 15, 17). Под *оплотом* (оградой) разумеется закон, не допускавший иудеев смешиваться с другими народами. *Столы* (башня) есть храм, который был великолепен. *Точилом* означается жертвенник, на котором проливалась (жертвенная) кровь. Бог отдал народ свой *делателям*, то есть, учителям и правителям иудейским, всем в свое время. Он послал сперва одного раба, то есть, как можно думать, пророков, бывших около времени Илии, напр. Михея, которого бил лжепророк Седекия (3 Цар. 22, 24); послал другого, которому камнями пробивали голову, и таким образом нанесли полное поругание, — можно относить это ко временам Осии и Исаии; послал и третьего раба, что можно разуметь о пророках времен плена иудейского, наприм. о Данииле и Иезекииле. Наконец Бог послал Сына Своего (который назван человеком ради человеколюбия), говоря: *усрамятся Сына моего*. Сказал же это, не зная, что они сделают с Сыном Его, но выражая то, чему (по намерению Его) надлежало быть и что было возможно. Но злые делатели, зная, что это Наследник виноградника, вывели Его вон из виноградника, то есть, из Иерусалима, и умертвили. Христос действительно распят был вне города. За то Господин виноградника, Отец убиенного Сына, или, лучше, Сам убиенный Сын погубит делателей, предав их римлянам, а виноградник Свой отдаст другим делателям, то есть, апостолам. Хочешь ли знать, как апостолы возделали этот виноградник? Прочитай книгу Деяний Апостольских, и ты увидишь, как три тысячи (Деян. 2, 41) и пять тысяч душ вдруг (Деян. 4, 4) уверовали и стали приносить Богу плод.

Ни писания ли сего чли есте? камень, егоже не в ряду сотвориша зиждуущи, сей бысть во главу угла. От Господа бысть сие: и есть дивно во очию нашею. И искаху Его яти, и убояшася народа: разумеша бо, яко к ним притчу рече: и оставльше Его, отъидоша. Через все это Господь показывает, что иудеи отвержены, а язычники приняты. *Камень* есть Сам Господь, а *зиждуущие* суть учителя народа. Таким образом, кого пренебрегли эти учителя, тот и *бысть во главу угла*, соделавшись Главою Церкви: ибо угол означает Церковь, которая совокупляет и соединяет всех, — иудеев и язычников, подобно как и угол соединяет две стены, сводя их в себе вместе. Этот угол, то есть Церковь, от *Господа бысть: он и дивен во очесех нас, верных*, тогда как для неверных и самые чудеса кажутся ложью. Итак Церковь дивна, потому что она основана на чудесах, *Господу поспешествующу* апостолам и *слово утверждающую последствующими знаменми* (Марк. 16, 20).

И послаша к Нему некия от фарисей и иродиан, да Его обольстят словом. Они же пришедше, глаголаша Ему: учителю, вемы, яко истинен еси, и нерадиши ни о комже: не зриши бо на лице человеков, но воистинну пути Божию учиши. Достойт ли кинсон Кесареву дати или ни? дамы ли, или не дамы? Он же, ведый их лицемерие, рече им: что Мя искушаете? принесите Ми пенязь, да вижу. Они же принесоша. И глагола им: чий образ сий и написание? Они же реша Ему: Кесарев. И отвещав Иисус рече им: воздадите Кесарева Кесареву, и Божию Богу. И чудишася о Нем. Об иродианах сказали мы в другом месте, что это была какая-то новоявившаяся секта (людей), называвших Ирода Христом по той причине, что в его время кончилось преемство царей иудейских. А другие говорят, что иродианами называются здесь воины Иродовы, которых фарисеи взяли с тем, чтоб ока были свидетелями того, что скажет Христос, а потом могли взять Его и отвести к суду. Но посмотри на злонравие их, с каким ласкательством они покушаются обольстить Господа! Знаем, говорят, что Ты не смотришь на лица человеков: а потому не убоишься и самого Кесаря. Все же это было только лукавством, чтобы во всяком случае уловить Его. Ибо, если бы Он сказал, что должно Кесарю платить подать, они обвинили бы Его пред народом в том, что Он поработщает народ чуждому игу: а если бы сказал, что не должно, в таком случае они могли обвинить Его в возмущении народа против Кесаря. Но Источник премудрости избегает их козней. Покажите Мне, говорит, монету, и, видя на ней изображение Кесаря, сказал: что имеет на себе такое изображение, то отдавайте (лицу) изображаемому, то есть, Кесарю, а Божию Богу. То есть: обязанность платить дань Кесарю нисколько не препятствует вам в деле богопочитания: ибо можете и Кесарю отдавать, что следует, и Богу воздавать должное. Но у каждого из нас есть (своего рода) кесарь: это неизбежная потребность телесная. Итак Господь заповедует давать и телу свойственную ему пищу и потребную одежду, и Божию Богу, то есть, посильное бдение, молитву и прочее. Но и диаволу, и этому кесарю, брось данное тебе от него, как то — гнев, злую похоть: а Богу приноси Божие — смирение, воздержание во всем и прочее.

И приидоша саддукее к Нему, иже глаголют воскресению не быти: и вопросиша Его, глаголюще: учителю, Моисей написа нам: яко еще кому брат умрет, и оставит жену, а чад не оставит: да поймет брат его жену его, и воскресит семя брату своему. Седмь братий бе: и первый поят жену, и умирая не остави семене: и второй поят ю, и умре, и ни той остави семене: и третий такожде. И пояша ю седмь, и не оставиша семене: последи же всех умре и жена. В воскресение убо, егда воскреснут, которому их будет жена? Седмь бо имеша ю жену. И отвещав Иисус, рече им: не сего ли ради прельщаетесь, не ведуще писания, ни силы Божия? Егда бо из мертвых воскреснут, ни женятся, ни посягают: но суть яко ангели на небесех. О мертвых же, яко востают, несте ли чли в книгах Моисеовых, при купине, яко рече ему Бог, глаголя: Аз Бог Авраамов, и Бог Исааков: и Бог Иаковль? Несть Бог мертвых, но Бог живых. Вы убо много прельщаетесь. Саддукеи были между иудеями такие еретики, которые говорили, что нет ни воскресения, ни ангела, ни духа. Как люди коварные, они

выдумывают такую повесть с тем, чтобы ею опровергнуть истину воскресения. Они дают вопрос о том, чего никогда не бывало, да и быть не может. А что семь мужей брали (один после другого) одну и ту же жену, это они выдумали для большего посмеяния над воскресением. Что же Господь? Поелику они в основание своего вопроса представляли закон Моисеев: то Он обличает их в незнании Писаний. Вы, говорит, не понимаете, о каком воскресении говорится в Писании: вы думаете, что в воскресении будет таково же состояние (людей по плоти и по душе), как ныне: нет, не так: вы не понимаете смысла Писания: да и силы Божией не постигаете. Вы, видно, обращаете внимание только на трудность дела, и потому недоумеваете, как могут разрушившиеся тела снова соединиться с душами: но для силы Божией это ничего не значит. По воскресении же состояние (воскресших) будет не чувственное, но богоподобное, и образ жизни ангельский. Ибо мы уже не будем подлежать тлению, но будем жить вечно: а по этой причине тогда и брак уничтожится. Ныне брак существует по причине смертности, чтобы, поддерживаясь преемством рода, мы не изгибли. Но тогда, подобно ангелам, люди будут существовать без посредства брака, никогда не умалятся (в числе) и пребудут всегда без убыли. Еще в другом отношении саддукеи оказываются неведущими Писания. Если бы они разумели его, то поняли бы, почему сказано: *Аз есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова*, — что указывает на живых. Ибо (Господь) не сказал: *Аз бех*, но — *есмь* (Бог их), как бы присущих, а не погибших. Но может быть, скажет кто-нибудь, что Господь сказал это только о душе праотцов, а не вместе о теле, и что отсюда нельзя заключать о воскресении тел. На это я скажу, что Авраамом называется не одна душа, но совокупно душа и тело, так как Бог есть Бог и тела, и оно пред Богом живо, а не обратилось в небытие. Далее, поелику саддукеи не веровали (только) воскресению тел, то и Господь сказал о телах, что они живы у Бога, а не о душах: последнее признавали и саддукеи. Затем обрати внимание и на то: воскресение есть восстание павшего (в землю, в прах): но пала не душа (она бессмертна), а тело: следовательно оно и восстанет, снова соединясь с единосюзною душою.

*И приступль един от книжник, слышав их стязующихся, и виде, яко добре отвеца им, вопроси Его: кая есть первая всех заповедий? Иисус же отвеца ему: яко первейшии всех заповедий: слыши, Израилю, Господь Бог ваш, Господь един есть: и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе. Большая сих ина заповедь несть. И рече Ему книжник: добре, учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его. И еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душею и всею крепостию: и еже любити ближняго яко себе, боле есть всех всесоужжений и жертв. Иисус же виде, яко смысленно отвеца, рече ему: не далеце еси от царствия Божия. И никтоже смеяше ктому Его вопросити. Матфей говорит, что книжник подошел (ко Христу) *искушая*: а Марк замечает о нем, что он *смысленно отвеца*. Не противоречат ли евангелисты друг другу? Нет: сначала, вероятно, он спрашивал, как*

человек искушающий, а потом вразумился ответом Христовым и отвечал разумно, и таким образом был похвален. Впрочем заметь, что и похвала свидетельствует о нем, как еще о несовершенном: ибо Христос не сказал: ты находишься в самом царствии Божием, а только — *не далеке еси*. Для чего же законник так смело предлагает Христу свой вопрос? Он думал показать себя Христу совершенным в законе, и для того обращает к Нему такую речь, как будто бы касался (только) закона. Но Господь, желая показать, что без любви, при ненависти к ближним, нет исполнения закона, отвечает на вопрос законника, что первая и большая заповедь есть — любить Бога, а вторая, подобная — любить ближнего. Почему же подобна? Потому что они обе тесно связаны между собою. Ибо любящий Бога любит и создание Его, а ближайшее к Богу из созданий есть человек: следовательно любящий Бога возлюбит и всех человеков. И наоборот, кто любит ближнего, тот тем более любит Бога: ибо если он любит людей, которые часто бывают виною соблазнов и ненависти, тем более любит Бога, всегда благодеющего. Услышь и Господне слово: *любай Мя заповеди Моя соблюдет* (Иоан. 14, 21). Видишь, что от любви к Богу зависит исполнение заповедей Его, а все заповеди Его сходятся к одному предмету — взаимной любви. И в другом месте (Господь говорит): *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Иоан. 13, 35). Видишь ли опять, как любовью друг к другу держится и любовь ко Христу и познаются Его истинные ученики и други! Обрати внимание и на то, как Он в ответе законнику исчислил все силы души. В душе есть сила животная: на нее указывает словами: *от всея души*: ибо Христос повелевает, чтоб сила раздражения и вожделения совершенно были подчинены любви к Богу. Есть и другая сила души, называемая растительною, а иначе она называется силою питания и возрастания. И эту силу должно предать вполне Богу. Есть наконец (в душе) и сила разумная, которую закон назвал *мыслию*. Итак все силы души должны быть устремлены к любви.

И отвецав Иисус глаголаше, уча в церкви: како глаголют книжницы, яко Христос сын есть Давидов? Той бо Давид рече Духом Святым: глагола Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ногама Твоима. Сам убо Давид глаголет Его Господа: и откуда сын ему есть? И мног народ послушаше Его в сладость. И глаголаше им во учении Своем: блюдитесь от книжник, хотящих во одеяних ходити, и целования на торжищах, и преждеседания на сонмищах, и первовозлежания на вечерах: Поядающе дома вдовиц, и нещеванием надолзе молящися, сии приимут лишнее осуждение. Поелику Господу надлежало идти на страдание, то Он исправляет ложное мнение книжников, которые думали, что Христос есть (только) сын Давидов, а не Божий. Посему Он из самых слов Давида показывает, что Он (Христос) — Бог; и не просто, но устрашая говорит: *дондеже положу враги твоя подножие ног твоих*. А они-то (книжники и фарисеи) и были те враги, которых Бог Отец положил в подножие ног Христовых. Заметь и то, как Он вопрошает! Чтоб не смутить их, он не сказал: *что вам мнится* о Мне, а — о Христе. Но вы не можете сказать, что Давид изрек это не по внушению Духа Святого: нет, он Духом назвал Его (Христа)

Господом, то есть, будучи движим благодатию Святого Духа. Как же думать, что Христос есть только сын Давида, а не вместе и Господь его и Бог? Простой народ, сказано, *послушаше Его в сладость*, и Он стал говорить народу: остерегайтесь книжников, которые носят великолепные одежды, и из-за них требуют себе почестей: которые любят принимать приветствия и похвалы на торжищах и все другие знаки славы: которые посядают дома вдовиц, вкрадываясь к сим беззащитным женам, под видом заступников их: которые лицемерною продолжительною молитвою, наружным благочестием и лицемерием обольщая неопытных, посядают дома богатых. За то они подвергнутся еще тягчайшему осуждению, нежели прочие согрешающие иудеи: *сильнии бо сильне истязани будут* (Прем. 6, 6). Говоря таким образом народу, Господь поучает вместе и апостолов, чтобы они не поступали по примеру книжников, но подражали Ему Самому. Так как Он поставлял их учителями (Церкви): то по справедливости излагает им и правила жизни.

И сед Иисус прямо сокровищному хранилищу, зряше, како народ мечет медь в сокровищное хранилище. И мнози богатии вметаху много. И пришедши едина вдовица убога, вверже лепте две, еже есть кодрант. И призвав ученики Своя рече им: аминь глаголю вам, яко вдовица сия убогая множае всех вверже вметающих в сокровищное хранилище. Все бо от избытка своего ввергоша: сия же от лишения своего вся, елика имеяше, вверже, все житие свое. У иудеев сохранялся особенный обычай, тот, что имеющие и желающие делали вклады в церковную сокровищницу, которая называлась “газофилакион”, из которой получали содержание священники, бедные и вдовицы. Между тем как многие делали это, подошла и вдовица и показала свое усердие лучше богатых. Слава Тебе, Христе, что Ты и малое приемлешь лучше великого! О если бы и моя душа соделалась вдовицею, отвергшись сатаны, с которым сочеталась неподобными делами, и решилась бы повергнуть в церковную сокровищницу *две лепты*, — плоть и ум, утончив их — плоть воздержанием, а ум смирением, дабы и я услышал, что всю жизнь мою посвятил Богу, не имея в себе нисколько ни помыслов мирских, ни побуждений плотских!

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Исходящу Ему от церкви, глагола Ему един от ученик Его: учителю, виждь, каково каменение, и какова здания. И отвецав Иисус рече ему: видиши ли сия великая здания? не имать остати zde камень на камени, иже не разорится. И седящу Ему на горе Елеонстей прямо церкви, вопрошаху Его единаго Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей:

Рцы нам, когда сия будут? и кое (будет) знамение, егда имут вся сия скончатися? Поелику Господь много говорил о запусении Иерусалима, напр.: оставляетя вам дом ваш пуст: то ученики дивились, что столь величественные и прекрасные здания должны погибнуть, и потому показывали Ему столь поразительное благолепие храма. Но Он предрекает, что тем не менее из всего этого не останется даже камня на камне. Против этого некоторые говорят, что много уцелело остатков от древнего города Иерусалима, и таким образом пытаются представить Христа лживым. Но это напрасно: ибо если и сохранились некоторые остатки (что впрочем несправедливо): то до всеобщей кончины не останется камня на камне. Впрочем история свидетельствует, что Элий Адриан раскопал самые основания города и храма, так что чрез него исполнилось пророчество и о том, что не останется камня на камне. Когда же Господь сидел на горе Елеонской, к Нему подошли ученики, спрашивая: когда сия будут? то есть, когда исполнится предреченное о Иерусалиме? А Он, прежде ответа на их вопрос, утверждает их ум, чтобы не соблазнились. Ибо при начале бедствий в Иудее явились люди, называвшие сами себя учителями: посему и говорит Господь: блюдитесь, да не прельщени будете.

Иисус же отвецав им, начат глаголати: блюдитесь, да не кто вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: яко аз есмь: и мнози прельстят. Егда же услышите брани, и слышания бранем, не ужасайтесь: подобает бо быти, но не у кончина. Востанет бо язык на язык, и царство на царство: и будут труси по местом, и будут глади и мятежи: начало болезнем сия. Блюдитесь же вы сами: предадут бо вы в сонмища, и на соборищах биени будете: и пред воеводы и цари ведени будете Мене ради, во свидетельство им. И во всех языцех подобает прежде проповедатися Евангелию. — Мнози приидут: таковы, например, были Иуда (Галилеянин) и Февда, кои выдавали себя за помазанников Божиих. Услышите, говорит, брани: это те брани, о которых и Иосиф (Флавий) повествует, и которые были пред разрушением Иерусалима. Иудеи в то время возмутились и перестали платить дань римлянам, а разгневанные римляне пошли на них войною и делали постоянные нападения. Но не у (не тогда еще) кончина Иерусалима, ибо римляне еще оказывали человеколюбие. И не одни войны были, но и другие Богом посланные казни, — голод и землетрясения, которые ясно показывали иудеям, что Сам Бог ведет с ними брань. Все же это было только начало болезней, то есть, предстоявших им бедствий. А вы, говорит, берегитесь: ибо вас будут предавать в судилища. Благовременно вводит речь о них, что их будут предавать в судилища: это для того, чтоб от общих бедствий они получали некоторое утешение в своих собственных бедах. Но когда Господь сказал: Мене ради ведени будете пред воеводы и цари, то и этими словами Он преподал немалое утешение ученикам, именно в том, что они будут страдать ради Его. Во свидетельство им, то есть: чтоб быть им безответными и видеть свое осуждение уже в том самом, что, истязуя вас, они не могут преодолеть истины. А чтоб ученики не подумали, будто беды и скорби воспрепятствуют проповеди (евангелия), Господь говорит, что во всех языцех подобает прежде проповедатися евангелию, а потом уже предан будет

запустению Иерусалим. А что действительно евангелие проповедано было всюду еще до разрушения Иерусалима, послушай Павла: *во всю землю, говорит он, изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их* (Рим. 10, 18). И это обстоятельство послужило к большому осуждению иудеев, то есть, что проповедь распространилась всюду еще прежде разрушения Иерусалима. Ибо, видя, что проповедь сия в краткое время распространилась по всему миру, они должны были признать в этом силу Божию, покаяться и таким образом избавиться от бедствий. Но они не вразумились: потому и осуждению тем большому подвергнутся.

Егда же поведут вы предающе, не прежде пецытесе что возглаголете, ни поучаетесе: но еже аще дастся вам в той час, се глаголите: не вы бо будете глаголющии, но Дух Святыи. Предаст же брат брата на смерть, и отец чадо: и востанут чада на родители, и убьют их. И будете ненавидими всеми имене Моего ради: претерпевый же до конца, той спасен будет. Действительно, прежде нежели наступила решительная брань римлян с иудеями, чего не потерпели от них апостолы, будучи преданы на судилища и ведены к царям, Ироду, Агриппе и Нерону? Но вы, говорит, не заботьтесь наперед, что вам отвечать: в тот самый час Дух Святыи даст вам, что должны вы будете говорить. При этом предсказывает им и то, что всего хуже, именно, что они будут преследуемы и от своих домашних. Говорит же это для того, чтоб они, слыша о сем предварительно, приготовлялись к напастям и впоследствии могли легко переносить их. Далее следует утешение: ради Меня, говорит, будете ненавидимы. Это самое великое облегчение в несчастьи. Великое также утешение заключается и в том, что претерпевший до конца спасен будет.

Егда же узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу, идеже не подобает (чтый да разумеет): тогда сущии во Иудеи да бежат на горы: И иже на крове, да не слазит в дом, ни да внидет взяти чесо от дому своего. И иже на селе сый, да не возвратится вспять, взяти ризу свою. Горе же непраздным и доящым в тыя дни. Под мерзостию запустения разумеется статуя того, кто подверг город (Иерусалим) запустению. Ибо мерзостию называется всякий идол: мерзостию же запустения назван он потому, что его поставили внутри недоступного святилища храма, когда Иерусалим был взят и чрез то подвергся запустению. Впрочем еще Пилат внес ночью в храм изображение Кесаря, и чрез то был виною великого мятежа в народе. С этого времени начались и войны и запустение Иерусалима. Тогда сущии во Иудеи да бежат в горы. Хорошо сказал: сущии во Иудеи (все вообще, а не апостолы): ибо апостолов не было тогда в Иудее, но, как сказано, они еще прежде войны были изгнаны из Иерусалима, или, лучше, сами ушли из него, будучи движимы Духом Святым. Итак да бегут оставшиеся в Иудее. А кто будет на кровле, пусть ни за чем не возвращается в дом свой: рад должен быть и тому, ежели спасется хотя нагий. Но горе (будет тогда) женам, имеющим детей и беременным. Почему? Потому что первые, имея детей и будучи удерживаемы любовью к ним, не могут убежать: да и во чреве имеющим неудобно будет бежать по причине

бремени чревоношения: Но я думаю, что здесь указывается и на детоядение: ибо осаждаемые (иудеи), во время голода, поднимали руки даже на детей своих.

Молитесь же, да не будет бегство ваше в зиме. Будут бо дни тии скорбь, якова не бысть такова от начала создания, еже созда Бог, до ныне, и не будет. И аще не бы Господь прекратил дний, не бы убо спаслася всяка плоть: но избранных ради, ихже избра, прекратит дни. Если бы бегство случилось зимою, то трудность времени препятствовала бы желающим бежать. И (вообще) скорбь будет тягчайшая из всех когда-либо бывших и имеющих быть. *И аще не бы Господь прекратил,* то есть: если бы скоро не окончил войны римлян, не бы спаслася всяка плоть, — не осталось бы ни одного иудея. Но *избранных ради,* то есть, уверовавших из евреев и имеющих уверовать, впоследствии, война кончилась скоро. Ибо Бог, предвидя, что по пленении многие из евреев уверуют, — ради сего не попустил до конца погибнуть (иудейскому) народу. Но можно разуметь это и в нравственном отношении. Так *мерзость запустения* есть всякое помышление сатанинское, стоящее *на месте святе,* — в разуме нашем. В сем-то случае *суций во Иудеи да бежит в горы,* то есть, исповедуясь пусть восходит на горы добродетелей (Иудея значит “исповедание, проповедь”). А кто стоит уже на высоте, пусть не сходит с нее. Ибо когда какой-либо страстный помысл станет в нас, тогда надлежит посредством исповеди спешить на высоту добродетели и не сходить с сей высоты. И делающий доброе пусть не возвращается взять прежнюю совесть, — ветхую одежду, которой он совлекся. Горе же бегущему зимою: ибо должно нам бежать от греха с теплою, то есть, с покаянием, а не с холодною, неподвижно, — что и означает бегство зимою.

Тогда аще кто речет вам, се zde Христос, или се онде: не имите веры. Востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадят знамения и чудеса, еже прельстити, аще возможно, и избранныя. Вы же блюдитесь: се прежде рех вам вся. Но в тья дни, по скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего. И звезды будут с небесе спадающе: и силы, яже на небесех, подвижнутся. И тогда узрят Сына человеческого грядуща на облацех, с силою и славою мноюю. Господь кончил речь о Иерусалиме: далее начинает говорить о пришествии антихриста. Слово *тогда* — надобно разуметь не так, что, когда начнет сбываться вышесказанное о Иерусалиме, тогда не верьте, ежели кто скажет вам: вот здесь Христос; но знай, что это есть особенное свойство Писания. Так евангелист Матфей, сказав о рождестве Христовом, говорит: *во дни оны прииде Иоанн.* В какие дни? в те ли, которые непосредственно следовали по рождестве Христовом? Нет: но неопределенно. Так и здесь Христос говорит: тогда не прельститесь, то есть, не в то время, как опустошен будет Иерусалим, но во время пришествия антихриста. Не прельститесь, говорит: ибо многие станут называться именем Христа, дабы соблазнить и избранных. По пришествии же антихриста вся тварь изменится: звезды померкнут от преизбытка света Христова, и ангельские силы *подвижнутся,* то есть, ужаснутся, смотря на такой

переворот в мире и видя сорабов своих судимыми. И тогда-то узрят Господа, как Сына человеческого, то есть во плоти: ибо видимое (в Нем) есть тело Его. Но хотя Он придет и в теле и как Сын человеческий, однако с *силою и славою мноюю*.

И тогда послет ангелы Своя и соберет избранныя Своя от четырех ветр, от конца земли до конца неба. От смоковницы же научитесь притчи: егда уже ветвие ея будет младо, и израцает листвие, ведите, яко близ есть жатва. Тако и вы, егда сия видите бывающа, ведите, яко близ есть при дверех. Аминь глаголю вам, яко не имать прейти род сей, дондеже вся сия будут. Небо и земля преидет, словеса же Моя не преидут. Видишь ли, что и Сын посылает ангелов, как и Отец? Где же те, кои говорят, что Он не равен Богу и Отцу? Ангелы же придут тогда для того, чтобы собрать избранных, которые, быв восхищены на облаках, должны будут таким образом сретить Господа. А что Я говорю, продолжает Господь, это можете уразуметь из примера смоковницы. Как смоковница, покрывшаяся листьями, показывает, что близко жатва: так и после скорбного времени антихристово непосредственно последует второе пришествие Христово, которое для праведных будет точно как жатва после зимы, а для грешных — зима после жатвы. *Аминь глаголю вам, яко род сей, то есть, род верных или христиан, не преидет, дондеже вся сия будут, —* все сказанное о Иерусалиме и пришествии антихриста. Господь говорит здесь не о роде апостольском: ибо апостолы не продолжают жить до кончины мира: многие из них не дожили и до разрушения Иерусалима. Значит, (родом сим) именует (здесь) род христианский, утешая таким образом апостолов. Дабы они не подумали, что при столь тяжких бедствиях вера, может быть, совершенно оскудеет, — Господь говорит: дерзайте, не преидет род верных и не оскудеет. Скорее преидут небо и земля, — эти непоколебимые по-видимому стихии, нежели слова Мои в чем-либо не исполнятся: ибо все, что Я сказал, будет.

О дни же том или о часе, никтоже весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец. Блюдите, бдите и молитесь: не весте бо, когда время будет. Якоже человек отходя оставль дом свой, и дав рабом своим власть, и комуждо дело свое, и вратарю повеле, да бдит. Бдите убо: не весте бо, когда Господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро. Да не пришед внезапно, обрящет вы спящя. А яже вам глаголю, всем глаголю, бдите. Желая удержать учеников от любопытства о последнем дне и часе, Господь говорит, что ни ангелы, ни Сын не знают о сем. Если бы Он сказал: Я знаю, но не хочу открыть вам, — в таком случае Он опечалил бы их. А теперь, когда говорит, что ни ангелы, ни Я не знаю, — Он весьма мудро поступает и совершенно удерживает их от желания знать и докучать ему. Это ты можешь понять из примера. Малые дети, видя что-либо в руках отцов, часто просят у них, и ежели отцы не хотят дать, они, не получая (просимого), начинают плакать. В таком случае отцы обыкновенно скрывают от них вещь, держиму в руках, и, показывая детям пустые руки, удерживают их от слез. Так и Господь, поступая с апостолами, как с детьми, скрыл от них последний день.

Иначе, если бы сказал: Я знаю, но не скажу, они восскорбели бы, что Он не хотел им сказать. А что Господь знает о последнем дне и часе, это очевидно: ибо Сам Он веки сотворил. Как же Ему не знать того, что Сам сотворил? Притом, и для пользы нашей Бог скрыл кончину жизни, как общей, так и каждого из нас в частности, дабы мы, при неизвестности сей кончины, непрестанно подвизались, ожидая ее и страшась, как бы она не застала нас неготовых. Но рассмотрим и с другой стороны сказанное. Вечером настает конец, когда кто умрет состарившись: в полночь, — когда кто достигнет середины века: в петлоглашение, — когда начинает раскрываться в нас рассудок: ибо алектор означает рассудок, пробуждающий нас от сна бессознательности: а потому, когда отрок начинает действовать рассудком и понимать, тогда в нем гласит (как бы) алектор. Наконец утро означает совершенно детский возраст. Итак всем нужно помышлять о конце (жизни). Младенец ли есть, — и об нем должно позаботиться, чтоб не умер некрещеным. Заповедует же это Господь всем вообще — и мирским людям и отшельникам. Итак мы должны бодрствовать и молиться, — исполнять и то и другое: ибо многие, хотя бодрствуют, но проводят ночи (не в молитве, а) в худых делах. Заметь и то, что Христос теперь не сказал: Я не знаю, когда наступит время (кончины), но — *не весте*: ибо ради нашей пользы сокрыл (это время). Если мы и при неизвестности кончины враждуем друг против друга: то чего не сделали бы, если бы знали время кончины? Тогда все время жизни до смерти мы проводили бы в крайне худых делах: а в последний день, изъявляя раскаяние, впали бы еще в худшее состояние.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Бе же пасха, и опресноцы по двою дню: и искаху архиерее и книжницы, како Его лестию емше убьют. Глаголаху же, (но) не в праздник, еда како молва будет людска. И суцу Ему в Вифании, в дому Симона прокаженнаго, возлежащу Ему, прииде жена имущи алавастр мира нарднаго пистикиа многоценна: и сокрушиши алавастр, возливаше Ему на главу. Бяху же нецыи негодующе в себе, и глаголюще: почто гибель сия мирная бысть? Можаше бо сие продано быти вяцише трех сот пенязь, и датися нищым: и прецаху ей. Совет (против Христа) составлен был в среду. И вот причина, почему мы постимся по средам. Враги хотели было переждать праздничное время: но это не было попущено им. Господь, определяя Сам для Себя страдания, благоизволил предать Себя распятию на самую пасху: ибо Сам был истинная пасха. Здесь надобно дивиться могуществу Его. Ибо когда враги хотели взять Его, тогда не могли: а когда не хотели, по причине праздника, тогда он Сам волею предал Себя им. И суцу

Ему в дому Симона прокаженного, прииде жена. О мире упоминают (все) четыре евангелиста. И думают некоторые, что (у всех их разумеется) одна и та же жена. Но несправедливо: это две разные жены, из коих одна упоминается у Иоанна (12, 3), она же и сестра Лазаря, другая — у трех прочих (евангелистов). А ежели вникнешь, то найдешь, что их было три: об одной упоминается у Иоанна, о другой у Луки (7, 37. 38), а у прочих двух евангелистов о третьей. Ибо упоминаемая у Луки была блудница и (помазала) Господа среди Его проповеди: а упоминаемая у Матфея (сделала то же) около времени страдания, и притом она не была явная блудница. Господь приемлет усердие ее, как издержавшей так много на миро. Под нардом пистикиею разумеется или особенный вид нарда, называвшийся пистикиею, или нард неподдельный и приготовленный с верою. *Бяху же нецыи негодующе,* замечает евангелист. А Иоанн говорит, что негодовал Иуда (Иоан. 12, 3. 5). Можно думать, что и прочие апостолы упрекали жену, так как они постоянно слышали от Христа учение о милостыне. Но Иуда негодовал из жену не с тою мыслию, как прочие, а по сребролюбию, ради гнусной корысти. По этой причине Иоанн и упоминает о нем одном, как поносившем жену с лукавым намерением. *И прещаху ей:* то есть, негодовали, укоряли, поносили.

Иисус же рече: оставите ю: что ей труды даете? добро дело содела о Мне. Всегда бо нищия имате с собою и егда хотите, можете им добро творити; Мене же не всегда имате. Еже име сия, сотвори: предвари помазати Мое тело на погребение. Аминь глаголю вам: идеже аще проповестся Евангелие сие во всем мире, и еже сотвори сия, глаголано будет в память ея. Господь упрекает апостолов за то, что они не благовременно удерживали усердие жены. *Что,* говорит, *труды ей даете,* отталкивая ее своими укорами после того, как она уже принесла дар? А вместе обличает и Иуду, сказав: она сделала это, приготовляя Меня к погребению, — и обнаруживает его бессовестность, как бы так говоря ему: ты, предавая Меня на смерть, не укоряешь сам себя, а она ужели заслуживает от тебя укоризны за то, что для приготовления Меня к погребению принесла миро, и притом по особенному как бы внушению Божию? Здесь Господь изрекает два пророчества: первое, что евангелие будет проповедано во всем мире, второе, что проповедано будет и о поступке жены. Да постыдятся же те, кои предпочитают нищих Христу! Ибо я слышал золотых дел мастеров, которые говорят, что, ежели разбить церковный сосуд на части и отдать нищим, — не будет греха. Пусть же слышат они, как Христос ценит служение Ему выше служения нищим. А на золотом дискосе и бывает истинное тело Христово, а в чаше кровь Христова. Посему, кто уносит из церкви драгоценный дискос и заставляет полагать тело Христово на плохом дискосе, ссылаясь на нищих, — тот пусть знает, чьим участником он становится.

И Иуда Искариотский, един от обоюнадесяте, иде ко архиереем, да предаст Его им. Они же слышавше возрадовашася: и обещаша ему сребреники дати: и искаше, како Его в удобно время предаст. Когда

жена оказала подобающую честь Христу, тогда ученик враждует против Него, и притом один из двенадцати. Ибо не напрасно сказано: *един от обоюнадесяте*, а для показания, что и он был из числа избраннейших (учеников). Что же значит выражение: *да Его предаст?* Это значит: да известит их, когда Христос будет один. Напасть на Него во время учения они боялись, чтоб не навлечь на себя беды со стороны народа: посему Иуда обещался предать Его им тогда, как Он уединится от всех.

И в первый день опреснок, егда пасху жряху, глаголаша Ему ученицы Его: где хоцещи, шедше уготоваем, да яси пасху? И посла два от ученик Своих, и глагола им: идита во град: и срящет вас человек в скудельнице воду нося: по нем идита. И идеже аще внидет, рцита господину дому, яко Учитель глаголет: где есть виталница, идеже пасху со ученики Моими снем? И той вама покажет горницу велию постлану, готову: ту уготовайта нам. — Первым днем опресноков (евангелист) называет четверток, который (непосредственно) предшествовал празднику опресноков [1]: ибо опресноки иудеи начинали есть в пятницу. Ученики подходят и спрашивают, где им есть пасху? Отсюда видно, что ни Христос не имел собственного жилища, ни ученики не имели своих домов: если бы имели, то приняли бы Его к себе. Двоих учеников Своих, Петра и Иоанна, как говорит Лука, Он посылает к человеку незнакомому, показывая им чрез это, что Он мог бы и не страдать, если б захотел. Ибо Тот, Кто расположил незнакомому человека принять Его, чего не произвел бы в других. Между тем дает ученикам признак, как найти искомый дом, именно: велит идти за человеком, несущим кувшин с водою. Но можно объяснять это и в переносном смысле. *Скудельник воды* носит крещеный. Он идет в дом, приличный разумному (духовному) его состоянию. Ибо носящий крещение приходит в покой, по слову жизни, и успокаивается в сем состоянии, как в доме. *Господин дома* есть ум, который показывает *горницу велию*, — возвышенность своих помыслов. Но эта горница *постлана*, то есть, хотя и возвышенна, но не имеет ничего жесткого и гордого, напротив устлана и углажена смирением. Здесь-то, в таком, говорю, уме, Христу уготовляется *пасха, двумя учениками*, Петром и Иоанном, то есть, деятельностью и созерцанием: ибо Петр был пылок и деятелен, а Иоанн, как Богослов, — созерцателен.

И изыдоста ученика Его, и приидоста во град, и обретоста, якоже рече има, и уготоваста пасху. И вечеру бывшу прииде со обеманадесяте. И возлежащым им и ядущым, рече Иисус: аминь глаголю вам, яко един от вас предаст Мя, ядый со Мною. Они же начаша скорбети, и глаголати Ему един по единому: еда аз? и другий: еда аз? Он же отвещав, рече им: един от обоюнадесяте, омочивый со Мною в солило. Сын убо человеческий идет, якоже есть писано о Нем, горе же человеку тому, имже Сын человеческий предастся: добрее было бы ему, аще не бы родился человек той. Как же они возлежали, когда закон повелевал есть пасху стоя? Надобно думать, что Господь сначала совершил пасху подзаконную, а потом возлег, чтоб преподавать Свою собственную пасху. Ученики начали скорбеть,

когда Господь сказал: *един от вас предаст Мя*. Хотя они и чужды были сего греха, однако смушались: ибо больше верили Богу, ведающему сердца их, нежели самим себе. Заметь и слово — *идет*: ибо смерть Христа была только отшествием, а не смертию. *Добрее было бы, аще не бы родился*. Это сказано по отношению к той казни, которой подвергнется предатель. Ибо лучше вовсе не родиться, нежели родиться на мучение. Таким образом по отношению к последней судьбе лучшим оказывается, если бы Иуда вовсе не существовал. Ибо Бог сотворил его на благие дела, а как он сам впал в столь ужасное злодейство, то действительно лучше было бы ему вовсе не родиться.

И ядуцым им, прием Иисус хлеб, и благословив преломи, и даде им, и рече: примите, ядите: сие есть тело Мое. И приим чашу, хвалу воздав, даде им: и пища от нея вси. И рече им: сия есть кровь Моя новаго завета, за многи изливаема. Аминь глаголю вам, яко ктому не имам пити от плода лознаго, до дне того, егда е пью ново во царствии Божии. Некоторые говорят, что Иуда не причастился св. Таин, но вышел прежде, нежели Господь преподал сии Тайны. Напротив другие утверждают, что Господь и сего неблагодарного приобщил Своей святыни. *Благословив*, то есть, благодарив, Господь преломил хлеб. Так делаем и мы, произнося молитвы. *Сие*, говорит, что вы теперь приемлете, *есть тело Мое*: ибо хлеб есть не образ тела Господня, но самое тело Христово, в которое хлеб прелажается. И Господь говорит: *хлеб, его же Аз дам, плоть Моя есть* (Иоан. 6, 51). Не сказал: образ Моей плоти, но — *плоть Моя есть*. И еще: *аще не снесте плоти Сына человеческого* (53 ст.). Но как это? — может быть, скажет кто-нибудь: ведь плоти тут не видно. Это ради нашей немощи, человек! Поелику хлеб и вино суть обыкновенные для нас вещи, а видеть предложенную нам плоть и кровь было бы нестерпимо для нас и мы бы отвратились от них: то Человеколюбец (Бог), по снисхождению к нам, сохраняет вид хлеба и вина: но они прелажаются в силу плоти и крови. Кровь Свою назвал *кровию новаго завета*, в отличие от ветхого завета: ибо и ветхий завет имел кровь, которою окроплялись и народ и книги Закона. Не буду, Он говорит далее, пить от вина сего до воскресения (царством называет здесь воскресение, так как, по воскресении из мертвых, Он воцарился над смертию). После же воскресения Он опять ел и пил с учениками Своими, уверяя их таким образом, что Он есть тот самый, который пострадал. Но пил уже новое вино, то есть, пил новым некоторым и необыкновенным образом: ибо имел плоть уже не страдательную и нуждающуюся в пище, а нетленную и бессмертную. А можно понимать это и так: *виноградная лоза есть Сам Господь, плод лозный* суть тайны и ведение сокровенное, которое рождает Он, уча человека ведению. Таким образом *во царствии Божии* Христос будет пить с учениками Своими тайны и премудрость, научая нас новым истинам и открывая то, что ныне сокрыто.

И воспевши изыдоша в гору Елеонскую. И глагола им Иисус, яко вси соблазнитесь о Мне в ночь сию: писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы. Но потом, егда воскресну, варяю вы в Галилеи. Петр

же рече Ему: аще и вси соблазнятся, но не аз. И глагола ему Иисус: аминь глаголю тебе, яко ты днешь в ночь сию, прежде даже вторицею петель не возгласит, три краты отвержешися Мене. Он же множае глаголаше паче: аще же ми есть с Тобою и умрети, не отвергуся Тебе. Такжеже и вси глаголаху. Благодарили и прежде пития, благодарили и после пития, дабы и мы знали, что должно благодарить и петь и пред пищею и после пищи. Этим Господь показывает вместе и то, что смерть ради нас не страшна для Него, так что Он славит Бога и тогда, как идет к преданию на смерть. Сим, без сомнения, и нас научает не унывать, когда впадем в скорби ради спасения многих, но благодарить Бога нашего, скорбию содевающего спасение многих. Господь исходит в гору Елеонскую, чтоб Иудеи, нашедши и взяв Его в уединении, не произвели смятения (в народе). Ибо, если бы они напали на Него в городе, народ, может быть, возмутился бы за Него: а в таком случае враги, воспользовавшись этим благовидным предлогом, стали бы думать, что убили Его по справедливости, как мятежника. Христос предсказывает ученикам, что и они соблазнятся. А чтоб они не сочли сего явною укоризною, относящеюся ко всем, приводит свидетельство пророка Захарии, что они *разыдутся* (Зах. 13, 7). Наконец преподает им и утешение: *варяю*, говорит, то есть, встречу вы в Галилеи. Но Петр прекословит: за то и слышит следующее: *прежде даже вторицею петель не возгласит, три краты отвержешися Мене.* Это было так: в след за тем, как Петр отрекся в первый раз, пропел петух, потом, когда Петр отрекся во второй и третий раз, петух опять пропел. Это и означают слова: *прежде даже вторицею петель не возгласит, три краты отвержешися Мене.* Выражая тщетную горячность, и все (прочие ученики), подобно Петру, давали обещание, не оставлять Господа, как бы обращая таким образом в ложь слово самосущей Истины. Посему и Господь попускает и человеческая природа обнаруживает свою немощь. Ибо нет сомнения, что Господь мог сохранить их, особенно Петра: однакож попустил, дабы они, а также и мы, не были самонадеянны. *Поражу пастыря:* это говорит (Бог) Отец. Так как Он попустил Сыну быть пораженным, то говорится, что Он поразил пораженного по Его попущению. А *овцами* назвал Он апостолов, как людей незлобивых.

И приидоша в весь, ейже имя Гефсимания: и глагола учеником Своим: седите zde, дондеже шед помолюся. И поят Петра и Иакова и Иоанна с Собою: и начат ужасатися и тужити. И глагола им: прискорбна есть душа Моя до смерти: будите zde, и бдите. И прешед мало, паде на земли, и моляшеся, да, аще возможно есть, мимо идет от Него час: И глаголаше: Авва Отче, вся возможна Тебе: мимо неси от Мене чашу сию: но не еже Аз хошу, но еже Ты. И прииде, и обрете их спящих, и глагола Петрови: Симоне, спиши ли? не возмогл еси единаго часа побдети: Бдите и молитесь да не внидите в напасть. Дух убо бодр, плоть же немощна. И паки шед помолися, тожде слово рек. И возвращя обрете я паки спяща: бяху бо очеса им тяготна, и не ведяху, что быша Ему отвецали. И прииде третицею, и глагола им: спите прочее и почивайте, приспе конец, прииде час: се предается Сын человеческий в руки грешников. Встаните, идем: се предай Мя приближися. Христос всегда имел обычай молиться

наедине, подавая и нам пример, чтобы мы для молитвы искали уединения. Он берет с Собою только тех троих (учеников), кои были очевидцами славы Его в Фаворе, дабы они, видев славное Его состояние, видели и состояние скорбное, и таким образом дознали, что Он есть истинный человек, и скорбит и тоскует подобно нам. Ибо как Он восприял всего человека с его естественными свойствами, то скорбит и тужит, без сомнения, по естеству человеческому: ибо мы, люди, по природе отвращаемся от смерти. Таким образом, когда Он говорит: *да мимо идет чаша сия*, Он обнаруживает в Себе человеческое (свойство): а за сим присовокупив: *не еже Аз хочу, но еже Ты*, — Он научает нас, не смотря на требования природы, просить того, что угодно Богу. После молитвы пришедши (к ученикам), Он нашел тех троих учеников спящими: но упрекает одного Петра, как бы так говоря ему: не ты ли обещался умереть со Мною? а и одного часа не мог побдеть: и ты ли можешь презреть смерть? Но бдите и молитесь, чтобы не впасть в искушение и не отречься От Меня. Пусть дух ваш готов не отречься, как вы и обещались Мне: но плоть немощна: а потому, если Бог, по вашей молитве, не даст силы плоти вашей, — вас постигнет беда. И опять, отойдя от них, начал молиться и говорить те же, что и прежде, слова, дабы и вторичным молением удостоверить, что Он был существенно и истинно человек, да и нас научить молиться чаще, а не так, чтобы, проговорив что-либо в молитве однажды, тотчас и оставлять ее: надобно с усердием повторять молитву. Увидев же учеников опять спящими, уже не делает им упрека: потому что они отягчены были сном. Отсюда познай человеческое легкомыслие и немощь! вот мы и сну противиться не можем, а обещаем часто невозможное для нас! В третий раз Христос молится по тем причинам, о которых мы говорили выше. И снова приходит (к ученикам), но не обличает их, хотя и следовало обличить, так как они и после упреков не укрепились, но предали сну. Что же говорит: *спите прочее и почивайте!* Говорит же это, пристыжая их. Поелику видел, что предатель идет, то и сказал им (как бы так): теперь время сна, — спите, вот враг уже идет. Сказал же это (повторил), пристыжая их за сон. А что Он сказал это действительно в виде укоризны, послушай, что говорит ниже: *возстаните, идем*. Так говорит не с тем, чтоб бежать, но чтобы встретить врагов. Выражение: *прискорбна есть душа Моя до смерти*, — некоторые разумеют так. Я скорблю не о том, что должен умереть, но о том, что Меня распинают Израильтяне, — ближние Мои, и за то будут отвержены от царства Божия.

И абие, еще Ему глаголющу, прииде Иуда, един сый от обоюнадесяте, и с ним народ мног со оружием и дреколми, от архиерей и книжник и старец. Даде же предайя Его знамение им, глаголя: Его же аще лобжу, той есть: имите Его, и ведите Его сохранно. И пришед, абие приступль к Нему, глагола Ему: Равви, Равви: и облобыза Его. Они же возложиша руже свои на Него, и яша Его. Един же некто от стоящих извлек нож, удари раба архиереова, и уреза ему ухо. И отвещав Иисус, рече им: яко на разбойника ли изыдoste со оружием и дреколми яти Мя? По вся дни бех при вас в церкви уча, и не ясте Мене: но да сбудется Писание. Не напрасно прибавлено: един от

обоюнадесяте, но в осуждение предателя, за то, что он, будучи в первом лике (апостолов), злоумышлял противу своего Владыки. Но посмотри на безумие его, как он думал утаиться от Господа лобзанием, надеясь быть принят за друга. Если ты в самом деле друг, зачем пришел со врагами? По истине лукавство бессмысленное! *Един же от стоящих*: это был Петр. Марк умолчал о имени его, чтобы не подумали, будто он хвалит Петра, учителя своего, за его ревность о Христе. Но Петр кстати отсек ухо у архиереева раба: этим указывается на то, что Иудеи были люди непослушные, непокорные и невнимательные к Писаниям. Иначе, если бы они имели уши внимающие Писаниям, — они не распяли бы Господа славы. И не другого какого-либо раба поразил Петр, а архиереева: ибо архиереи первые не слушались Писаний, сделавшись рабами зависти и самолюбия. Христос сказал толпе: *на разбойника ли изыдoste?* Каждый день Я учил в церкви! Но это свидетельствует о Его Божестве. Ибо, когда Он учил в церкви, они не могли взять Его, хотя и был Он в руках их, поелику еще не настало для Него время страдания. Когда же Он Сам восхотел, тогда и предал Себя им, да сбудутся пророческие писания, что Он *яко овча на заколение ведесе* (Исаии, 53), не пререкая, ни вопия, но добровольно последуя (за ведущими).

И оставльше Его, вси бежаша. И един некто юноша иде по Нем, одяен в плащаницу по нагу: и яша того юношу. Он же, оставль плащаницу, наг бежа от них. И ведоша Иисуса ко архиерею: и снидошася к нему вси архиереи и книжницы и старцы. И Петр издалеча в след Его иде до внутрь во двор архиереев: и бе седя со слугами, и греяся при свеци (при огни). Ученики разбежались: ибо невозможно было Самосушей Истине и пророкам солгать. Только один какой-то юноша шел за ним. Этот юноша был, вероятно, из того дома, в котором ели пасху. Некоторые впрочем думают, что это был Иаков, брат Божий, прозванный праведным: ибо он во всю свою жизнь ходил в одной мантии, по вознесении же Господнем он принял от апостолов и престол епископский в Иерусалиме. Он-то, говорят, оставив верхнее покрывало, бежал. И нет ничего удивительного, что, когда бежали верховные апостолы, и сей оставил Господа. Впрочем Петр, являя теплейшую любовь к учителю, следовал за Христом. Закон повелевал, чтоб (у иудеев) был один архиерей во всю свою жизнь: между тем у них тогда было много архиереев, которые (один за другим) каждый год покупали власть у римлян. Таким образом архиереями (Евангелист) называет тех, которые, пробыв некоторое время на архиерействе, оставили оное.

Архиереи же и весь сонм искаху на Иисуса свидетельства, да умертвят Его: и не обретаху. Мнози бо лжесвидетельствоваху на Него, и равна свидетельства не бяху. И нецыи воставше лжесвидетельствоваху на Него, глаголюще: яко мы слышахом Его глаголюща, яко аз разорю церковь сию рукотвореную, и трети денми ину нерукотворену созижду. И ни тако равно бе свидетельство их. И востав архиерей посреде, вопроси Иисуса, глаголя: не отвещаваше ли ничесоже? что сии на Тя свидетельствуют? Он же молчаше, и

ничтоже отвечаваше. Люди, сами достойные осуждения, составляют вид судилища, чтобы показать, будто умертвили Его (Христа) по суду. Но где справедливость суда, когда приводятся свидетели, не могущие сказать ничего справедливого, а только одно буйство и нелепости? Да и те самые, кои думали сказать нечто (дельное), сказали ложь. Ибо Господь не говорил: Я разорю церковь, но — *разорите*: не сказал притом — церковь рукотворенную, а просто — *церковь*. Архиерей, восстав, вопрошал Иисуса, в намерении побудить Его к ответу, а ответ обратить в обвинение. Но Христос молчал, зная, что не будут внимать словам Его, как Лука действительно и замечает, что, когда спрашивали Господа, Он сказал: *аще вам реку, не имете веры; аще же и вопрошу вы, не отвечаете* (Лук. 22, 67).

Паки архиерей вопроси, и глагола Ему: ты ли еси Христос Сын Благословеннаго? Иисус же рече: Аз есмь, и узрите Сына человеческого одесную сидяща силы, и грядуща со облаки небесными. Архиерей же растерзав ризы своя, глагола: *что еще требуем свидетелей? слышасте хулу: что вам мнится? Они же вси осудиха Его быти повинна смерти.* И начаша нецыи плювати нань, и прикрывати лице Его, и мучити Его, и глаголати Ему: *прорцы: и слуги по ланитома Его бияху.* Первосвященник снова спрашивает (Иисуса), не с тем, чтоб, познав истину, уверовать, но чтобы иметь какой-либо предлог (к осуждению). К словам: *ты ли еси Христос* (помазанник)? — он присовокупляет: *Сын Благословеннаго.* Ибо многие были помазанниками, так как назывались сим именем и цари и первосвященники: но ни один из них не был Сын Бога, присно благословляемого и прославляемого. Иисус сказал: *Аз есмь.* Хотя и знал, что они не уверуют, однако вынужден был отвечать, дабы они впоследствии не могли сказать, что, если бы мы слышали от Него прямое свидетельство о Себе Самом, мы уверовали бы. Посему-то и осуждение их будет тем большее, что они, и слышав (это свидетельство), не уверовали. *И узрите Мя,* говорит Он, как сына человеческого, *сидяща одесную силы,* то есть Отца (силою называет здесь Отца). Ибо Он придет снова не без тела, но таким, что может быть видим и узан распявшими Его. При этом архиерей исполнил обычай (разодрал одежду). Ибо, когда случалась с иудеями какая-либо беда или скорбь, они раздирали одежды. В настоящем случае архиерей разодрал одежду свою в знак того, что Иисус будто бы произнес хулу (на Бога) и таким образом произошло великое зло. Но прилично сказать при сем с Давидом: *разделишася, и не умилишася* (Псал. 34, 15). Но это раздранье было вместе и образом раздранья и упразднения иудейского первосвященства, хотя первосвященник и не сознавал сего. Когда таким образом архиереи согласно осудили Его (Христа), тогда слуги, накрывши Его, стали бить и говорить: *угадай, кто ударил тебя? Если же столько претерпел за нас Господь наш, то мы сколько должны претерпеть ради Его, чтобы воздать равным Владыке? О, это страшно!*

И сущу Петрови во дворе низу, прииде едина от рабынь архиереевых: и видевши Петра греющася, воззревши на него, глагола: и ты с

*Назарянином Иисусом был еси. Он же отвержесея, глаголя: не вем, ниже знаю, что ты глаголеши: и изыде вон на преддворие: и алектор возгласи. И рабыня видевши его паки, начат глаголати предстоящим, яко сей от них есть. Он же паки отметаешся. И помале паки предстоящи глаголаху Петрови: воистинну от них еси: ибо галилеанин еси, и беседа твоя подобится. Он же нача ротитися и клятися, яко не вем человека сего, егоже вы глаголете. И второе алектор возгласи. И помяну Петр глагол, егоже рече ему Иисус, яко прежде даже петель не возгласит дважды, отвержешися Мене трижды: и начен плакашся. Хотя Петр был и горячее всех, однако оказался немощен, и отрекся от Господа, быв смущен страхом. И такой страх навела на него служанка! Попустил же ему Бог потерпеть это по особенному промыслению, чтобы он не превозносился, чтобы был сострадателен к другим, падающим, дознав сам на себе глубину человеческой немощи. Что же касается до того, одна ли была рабыня, уличавшая Петра, или была еще другая, — то Матфей говорит, что была другая, а Марк, что (в оба раза обличала Петра) одна и та же рабыня. Но это несколько не затрудняет нас относительно истинности Евангелия. Ибо здесь противоречие Евангелистов не касается чего-либо важного и относящегося к нашему спасению. Не сказали — один, что Господь был распят, а другой, — что не был распят. Итак Петр, смущенный страхом и забывши слово Господне — *уже отвержеся Мене, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим*, — отрекся от Христа: но покаяние и слезы опять возвратили его Христу. Ибо *начен*, сказано, *плакашся*. То есть, закрыв лицо свое, горько стал плакать. Матфей (говоря об отречении Петра) сказал неясно: *прежде даже алектор не возгласит*: Марк это пояснил: *прежде даже петель не возгласит дважды*. Петухи обыкновенно в один раз делают по несколько возгласов, потом засыпают: а после некоторого времени снова начинают пение. Поэтому смысл Матфеева сказания такой: *прежде даже алектор не возгласит*, то есть, прежде нежели успеет кончить первый раз своего пения, *трижды отвержешися Мене*. Но да постыдятся новатиане, не приемлющие согрешивших после крещения, покаяния и причащения св. Таин! Вот Петр, отрекшийся уже после причащения пречистого тела и крови, снова был принят (в апостольский лик). Ибо падения святых для того и описываются, чтобы мы, когда по невнимательности своей падаем, взирали на пример их и спешили бы покаянием исправиться.*

[1] Греческое значит и первый и прежний, предыдущий. *Прим. перевод.*

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

И абие наутрие совет сотвориша архиерее со старцы и книжники, и весь сонм, связавше Иисуса ведоша, и предаша Его Пилату. И вопросы Его Пилат: ты ли еси царь иудейский? Он же отвещав рече ему: ты глаголеши. И глаголаху на Него архиерее много. Пилат же паки вопросы Его, глаголя: не отвещаваеши ли ничтоже? виждь, колика на Тя свидетельствуют. Иисус же ктому ничтоже отвеща, яко дивитися Пилату. На всяк же праздник отпускаше им единаго связня, егоже прошаху. Бе же нарицаемый Варавва со сковники своими связан, иже в кове убийство сотвориша. И возопив народ нача просити, якоже всегда творяше им. Пилат же отвеща им, глаголя: хотите ли, пуцу вам царя иудейска? Ведяше бо, яко зависти ради предаша Его архиерее. Архиерее же помануша народу, да паче Варавву пустит им. Пилат же отвещав паки рече им: что убо хотите сотворю, Его же глаголете царя иудейска? Они же паки возопиша, глаголюще: пропни Его. Пилат же глаголаше им: что бо зло сотвори? Они же излиха вопияху: пропни Его. Пилат же хотя народу хотение сотворити, пусти им Варавву: и предаде Иисуса, бив, да пропнут Его. Иудеи предали Господа римлянам: за то и сами преданы были от Господа в руки римлян. И сбылись слова Писания: горе беззаконному: лукавая бо приключатся ему по делом рук его (Исаии 3, 11): и еще: по делом руку их даждь им (Псал. 27, 3): и еще: якоже сотворил еси, сице будет ти воздаяние твое (Авд. ст. 15). На вопрос Пилата: ты ли еси царь иудейский — Господь дает обоюдный ответ. Ибо слова: ты глаголеши, — можно понимать так: “правду ты говоришь: ты сам высказал, Кто Я”: а можно понимать и так: “Я не говорю этого, а ты говоришь”. Но быв спрошен в другой раз, Христос ничего не отвечал, и тем привел Пилата в удивление. Ибо Пилат дивился, что Он, будучи сведущ в законе и красноречив, и имея возможность одним ответом ниспровергнуть (возводимые на Него) клеветы, — ничего не говорил, а напротив смиренно терпел обвинения. Заметь же кровожадность иудеев и умеренность Пилата (хотя и он достоин осуждения, потому что не с твердостью стоял за праведника). Ибо те кричали: да распят будет, а он, хотя слабо, однако пытался освободить Иисуса от осуждения. Посему опять спрашивал: что сотворю Иисусу? стараясь дать им возможность отпустить Господа, как невинного; почему и медлил и откладывал. Наконец, уступая требованию их, стал бить Господа, то есть, ударять ремненным бичом, дабы видно было, что они приняли Его, как осужденного уже на судилище, и предаде Его им, да пропнут Его. Ибо он хотел народу хотение сотворити, то есть, сделать угодное, приятное (для народа), а не то, что угодно Богу.

Воини же ведоша Его внутрь двора, еже есть претор, и созваша всю спиру, и облекоша Его в препряду, и возложиша на Него сплетие тернов венец, и начаша целовати Его, (и глаголати:) радуйся, царю иудейский. И бияху Его по главе тростию, и плюваху на Него, и прегигающе колена поклоняхуся Ему. И егда поругашася Ему совлекоша с Него препряду, и облекоша Его в ризы своя: и изведоша

Его да пронут Его. И задеша мимоходящу некоему Симону Кириною, грядущу с села, отцу Александрову и Руфову, да возмет крест Его. Военное сословие, всегда утешающееся бесчинствами и обидами, (и теперь) выказало обыкновенное свойство свое. Ибо, если иудеи, слышавшие от Христа столько поучений и получавшие от Него так часто и так много благоденствий, нанесли Ему столько поруганий: то что нам сказать о язычниках? Итак они сзывают на Него *всю спину*, то есть, целый отряд, облакают Его для посмеяния в порфиру, как царя, и начинают бить Его: берут венец терновый вместо диадимы, вместо скипетра — трость. Сии слуги диавола заставили, как сказано, некоего нести крест Его: между тем другой Евангелист говорит, что Иисус шел, неся крест на Себе (Иоан. 19, 17). Но было и то и другое: сначала несколько времени Он сам нес крестное дерево, а когда нашли другого, способного нести, тогда заставили сего последнего, и крест несен был им. А для чего сказано и то, каких сынов был отцом (этот человек)? Для большего удостоверения: потому что человек тот, вероятно, был еще жив и мог пересказать все касательно креста. Но облечемся и мы в порфиру, царскую одежду. Я хочу сказать то, что мы должны шествовать, как цари, *наступая на змею и на скорпию* и побеждая грех. Мы именуемся христианами, то есть, помазанными, подобно как некогда назывались христами цари. Посему да будет жизнь наша не рабская и низкая, но царская и свободная. Будем носить терновый венец, то есть, потщимся увенчаться жизнью строгою, воздержною, чуждою плотских удовольствий, а не роскошною, изнеженною и преданною чувственным наслаждениям. Соделаемся и *Симоном*, что значит послушание и возьмем крест Иисусов, умертвив уды наша, сущия на земли (Колос. 3, 5).

И приведоша Его на Голгофу место, еже есть сказаемо, лобное место. И даяху Ему пити есмирнисмено вино: Он же не прият. И распениши Его разделиша ризы Его, метаяще жребий о них, кто что возмет. Бе же час третий, и распяша Его. И бе написание вины Его написано: Царь Иудейск. И с Ним распяша два разбойника, единаго одесную и единаго ошуюю Его. И сбытся Писание, еже глаголет: и со беззаконными вменися. Есть предание, дошедшее до нас от святых Отцов, что на Голгофе погребен был Адам. Здесь распинается и Господь, врачующий падение и смерть Адамову, — дабы там же последовало и разрушение смерти, где было начало смерти. *Даяху Ему пити вино есмирнисмено* (смешанное со смирною): но смирна есть самая горькая жидкость: значит, это давали Господу в поругание над Ним. Другой Евангелист говорит, что Господу подали уксус с желчью (Матф. 27, 34), а третий, что Ему поднесено было и еще что-то. Но в этом нет противоречия: при тогдашнем бесчинстве одни приносили то, другие другое: один — уксус с желчью, другой — вино со смирною. А могло быть и то, что вино было окислое, а смирна прогорклая, и следовательно Евангелисты согласны между собою, когда один из них говорит о вине есмирнисменом, а другой — об уксусе с желчью. Ибо вино могло быть названо уксусом, а смирна — желчью, первое — по своей кислоте, вторая — по горечи. Равным образом, когда один говорит, *что даяху Ему пити, Он же не прият*, то не противоречит другому, который говорит: *и вкушь не хотяше*

тити (Матф. 27, 34). Ибо, когда сказано — *не прият*, сим уже ясно показано, что не пил. И жребий бросали об одежде Его также в поругание над Ним, то есть, разделяя между собою как бы царские одежды, тогда как они были скудные. Написали и *титло*, то есть, вину, за которую Господь распят: *Царь Иудейск*, чтобы опозорить славу Его, как человека возмутительного и называющего Себя царем, и чтобы все проходящие не только не жалели о Нем, а напротив нападали бы на Него, как на похитителя царской власти. Но как Марк говорит, что Христос распят был в третьем часу, а Матфей, — что тьма произошла в шестом часу? Можно сказать, что в третьем часу был распят, а тьма началась с шестого часа и продолжалась до девятого. И с разбойниками распят был Господь для того, чтобы люди имели худое мнение о Нем, что и Он был злодей. Но это было по усмотрению Божию, ибо (с одной стороны) исполнилось пророчество: *со беззаконными вменися* (Исаии. 53, 12), с другой стороны, два разбойника были образами двух народов, — иудейского и языческого. Оба сии народа были беззаконны, — языческий, как преступивший естественный закон, иудейский, как (преступивший) и сей (закон) и писанный, который дал ему Бог. Но языческий (народ) оказался благоразумным разбойником, напротив иудейский — хулителем до конца. Посреди сих двух народов распинается Господь, поелику Он есть Камень, соединяющий нас в Себе.

*И мимоходящи хуляху Его, покиваяюще главами своими, и глаголюще: уа, разоряяй церковь, и трети денми созидаай: спасися сам, и сниди с креста. Такожде и архиерее ругающеся, друг ко другу с книжники глаголаху: ины спасе, себе ли не может спасти? Христос Царь Израилев да снидет ныне с креста, да видим и веру имем Ему. И распятая с Ним поношаста Ему. — Мимоходящи, то есть, проходящие тою дорогою, где был распят Господь, — и те, говорит евангелист, хулили Господа, укоряя Его, как обманщика. Так как Господь, чудодействуя, спасал многих, то, подобно проходящим, и архиереи говорили: других спасал, а себя не спасает? Говорили же это, издеваясь над чудесами Его и почитая их явлениями призрачными. Но говорить — *сниди со креста*, — побуждал их диавол. Поелику начальник зла знал, что крестом совершится спасение: то снова искушал Господа, дабы в случае сшествия Его со креста убедиться, что Он не Сын Божий, и чтобы таким образом разрушилось спасение (людей) крестом. Но Он был истинный Сын Божий, и посему-то именно не сошел с креста. Напротив, поелику знал, что это будет во спасение людям, Он решился и быть распятым и претерпеть все прочее и совершить дело Свое. И распятые с Ним сначала оба поносили Его. Потом один из них признал Его невинным, и даже увещевал другого, когда тот хулил.*

Бывишу же часу шестому, тма бысть по всей земли, до часа девятого. И в час девятый возопи Иисус гласом велиим глаголя: Елои Елои, лама савахфани, еже есть сказано: Боже Мой, Боже Мой, почто Мя оставил еси? И нецыи от предстоящих слышавше, глаголаху: се Илию гласит. Тек же един, и наполнив губу оцта, и возложь на трость, напяше Его, глаголя: оставите, да видим, аще

придет Илия сняти Его. Иисус же пущь глас велий, издше. Тьма была не в одном месте, но по всей земле. И если бы тогда было время ущерба (луны), то еще мог бы кто-нибудь говорить, что это было естественное затмение. Но теперь был четырнадцатый день месяца, когда естественное затмение невозможно. Пророческое изречение Господь произносит по-еврейски, показывая, что Он до последнего дыхания чтит еврейское. *Почто Мя оставил еси?* — говорит Он от лица человеческого естества как бы так: почто Ты, Боже, оставил меня — человека, чтобы я имел нужду в распятии за меня Бога? Ибо оставлены были мы, люди, а Он никогда не был оставляем Отцом. Послушай, что Сам Он говорит: *несмь един, яко Отец со Мною есть* (Иоан. 16, 32). Или же говорит это и за Евреев, так как и Сам был по плоти Еврей: почто Ты оставил Меня, то есть, Еврейский народ, чтоб он распял Сына Твоего? Как мы обыкновенно говорим: Бог облекся в меня, вместо — в человеческое естество: так и здесь выражение: *оставил Мя еси* — надобно разуметь вместо — Мое человеческое естество, или Мой Иудейский народ. *Тек же един, оцтом напяше Его,* дабы горечь оцта скорее умервила Его. Иисус испустил дух, возопив громким голосом, то есть, как бы призывая смерть, как Владыка и умирающий по Своей власти. А какой был глас, это означил Лука: *Отче, в руке Твои предаю дух Мой.* Этим Господь соделал для нас и то, что души святых отходят в руки Божии. Ибо прежде души всех содержались в аде, пока не пришел Проповедавший пленным отпущение.

И завеса церковная раздрася на двое, свыше донизу. Видев же сотник стояй прямо Ему, яко тако возопив издше, рече: воистинну человек сей Сын бе Божий. Бяху же и жены издалуча зряще, в нихже бе Мариа Магдалина, и Мариа Иакова малаго и Иосии мати, и Саломиа, яже и егда бе в Галилеи, хождаху по Нем и служаху Ему: и ины многия, яже въздоша с Ним во Иерусалим. Завеса раздралась в знамение того, что благодать Духа отступила от храма, что Святое святых делается видимым и доступным для всех, как это и сбилось, когда вошли Римляне, и что самый храм сетует. Как обыкновенно Иудеи поступали в несчастиях и раздирали одежды свои, так и храм, как бы одушевленный, показал то же во время страданий Творца, раздрав одежду свою. Но этим означаетсся и другое нечто. Плоть наша есть завеса нашего храма, то есть, ума. Итак сила, которую плоть имела над духом, *раздрана* страданиями Христовыми, *сверху до низу,* то есть от Адама до последнего человека. Ибо и Адам освятился страданиями Христовыми, и плоть его уже не подлежит проклятию и тлению: напротив все мы почтены нетлением. *Видев же сотник,* то есть начальник над сотнею (воинов), что Он умер так владычественно, — удивился и исповедал. Заметь же, как превратился порядок! Иудеи умерщвляют, язычник исповедует: ученики разбегаются, жены остаются. *Бяху бо,* говорит евангелист, *и жены, в них же бе Мариа Магдалина и Мариа Иакова малаго и Иосии мати,* то есть, Богородица, которая была для них материю. Поелику Она обручена была Иосифу, а Иаков и Иосия были дети Иосифа: то Она называется материю их, как мачеха, подобно как называлась и женою Иосифа, в

образе невесты. Тут же была Саломия, мать сынов Зеведеевых, и многие другие. Евангелист же упомянул только о важнейших.

И уже позде бывшу, (понеже бе пяток еже есть к субботе), прииде Иосиф, иже от Аримафеа, благообразен советник, иже и той бе чая царствия Божия, дерзнув вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова. Пилат же дивися, аще уже умре: и призвав сотника, вопроси его: аще уже умре? И уведев от сотника, даде тело Иосифови. И купив плащаницу, и снем Его, обвит плащаницею, и положи Его во гроб, иже бе иссечен от камене: и привали камень над двери гроба. Мариа же Магдалина и Мариа Иосиева зрясте, где Его полагаху. Блаженный Иосиф, еще служа закону, признал Христа Богом, почему и дерзнул на похвальный подвиг. Не стал он размышлять: вот я богат, и могу потерять богатство, если буду просить тело того, кто осужден за присвоение себе царской власти, и сделаюсь ненавистным у Иудеев, — так ни о чем подобном не размышлял сам с собою: но оставив все, как менее важное, просил одного — предать погребению тело осужденного. *Пилат же дивися, аще уже умре:* ибо думал, что Христос долгое время будет выдерживать страдания, как и разбойники: почему и спросил сотника: *аще уже умре?* то есть, неужели умер прежде времени? Получив тело, Иосиф купил плащаницу, и, сняв тело, обвинил ею, честное честно предавая погребению. Ибо он был и сам ученик Христов, и знал, как почтить Владыку. Он был *благообразен*, то есть, человек почтенный, благочестивый, безукоризненный. Что касается до звания *советника*, то это было некоторое достоинство, или, лучше, служение и должность гражданская, которую имеющие должны были заведовать делами судилища, и здесь часто подвергались опасностям от злоупотреблений, свойственных сему месту. Пусть слышат богатые и занимающиеся делами общественными, как достоинство советника нисколько не препятствовало добродетели Иосифа. Имя “Иосиф” значит *приношение*, а “Аримафей” — *возьми оно*. Будем же и мы, по примеру Иосифа, всегда прилагать усердие к добродетели и взимать оно, то есть, истинное благо. Да сподобимся принять и тело Иисусово посредством причащения, и положить оно в гробе, иссеченном из камня, то есть, в душе, твердо памятующей и забывающей Бога. Да будет душа наша иссеченною из камня, то есть, имеющею свое утверждение во Христе, который есть Камень. Да обвиним сие тело плащаницею, то есть, примем его в чистое тело (ибо тело есть как бы плащаница души). Божественное тело должно принимать не только в чистую душу, но и в чистое тело. Должно же именно обвинить оно, то есть, покрыть, а не раскрывать. Ибо таинство должно быть покрыто, сокровенно, а не раскрываемо.

Блаж. Феофилакт.

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

И минувшей субботе, Мариа Магдалина и Мариа Иаковля и Саломиа купиша ароматы, да пришедше помажут Иисуса. И зело заутра во едину от суббот приидоша на гроб, возсиявшу солнцу. И глаголаху к себе: кто отвалит нам камень от дверей гроба? И воззревше видеша, яко отвален бе камень: бе бо велий зело. И вшедше во гроб, видеша юношу седяща в десных, одяна во одежду белу: и ужасошася. Он же глагола им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина распятого: воста, несть zde: се место, идеже положиша Его. Но идите, рцйте учеником Его и Петрови, яко варяет вы в Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вам. И изшедше бежаша от гроба: имяше же их трепет и ужас: и никомуже ничтоже реша, бояхубося. Ничего великого и достойного Божества Иисусова не помышляют жены, когда сидят при гробе и покупают миро с тем, чтобы, по Иудейскому обычаю, помазать тело, дабы оно было благоухающим, а не издавало неприятного запаха от тления, и дабы силою мира, иссушающею и поглощающею влагу тела, сохранялось невредимым. Вот о чем думали жены. *И зело заутра* (то же, что у Матфея — *в вечер субботный*, а у Луки — *утру глубоку*), *во едину от суббот*, то есть, в первый день седмицы (ибо суббота́ми называли дни седмицы, а единою — день первый), восстав, идут ко гробу и размышляют: кто отвалит им камень? Но между тем как они размышляли о сем, ангел отвалил камень, хотя жены не чувствовали того. Так и Матфей говорит, что ангел отвалил камень после того, как жены пришли. Но Марк умолчал об этом, потому что Матфей уже сказал, кем отвален был камень. Если же Матфей говорит, что ангел сидел на камне, а Марк, что жены, вошедши во гроб, увидели его сидящим внутри: то сим не должно смущаться. Ибо могли они видеть ангела, сидящего вне на камне, как сказано у Матфея: могли видеть опять его же внутри гроба, как упредившего их и вошедшего туда. Впрочем некоторые говорят, что одни жены были упоминаемые у Матфея, — другие — у Марка, а Магдалина была спутницею всех, как самая усердная и ревностная. Явившийся ангел сказал женам: *не ужасайтесь*. Сначала он освобождает их от страха, а потом благовествует о воскресении. Он называет Иисуса Христа *распятым*: ибо не стыдится креста, который есть спасение человеков и основание всех благ. *Воста*: из чего это видно? из того, что *несть zde*. И хотите ли увериться? *Се место, идеже положиша Его*. Для того и отвалил он камень, чтобы показать это место. *Но идите рцйте учеником его и Петрови*. Петра отделяет от учеников, или как верховного, именуя его особо от тех, по преимуществу, или вот почему: так как Петр отрекся, то, если бы жены сказали, что им велено возвестить только ученикам, он сказал бы: я отрекся, следовательно уже не ученик Его, а потому Господь отверг меня и возгнушался мною: поэтому ангел и присовокупил: *и Петрови*, дабы, то есть, не смутился Петр тою мыслию, что будто он не достоин и слова, как отрекшийся, и потому уже недостойный быть в числе учеников. Посылает же их *в Галилею*, отводя их от смятения и великого страха со стороны Иудеев. Тогда объял жен *трепет и ужас*, то есть, они поражены были и видением ангела и страхом

воскресения, и потому никому же ничто же реша, бояхубося. Или боялись они иудеев, или одержимы были страхом от видения, до того, что как бы потеряли разум. Потому и ничего никому не сказали, забыв все, что слышали.

Воскрес же Иисус заутра в первую субботу явися прежде Марии Магдалини, из неяже изгна семь бесов. Она же шедши возвести с Ним бывшим плачущимся и рыдающим. И они слышавше, яко жив есть и виден бысть от нея, не яша веры. По сих же двема от них грядущема явися инем образом, идущема на село. И та шедша возвестиста прочым: и ни тема веры яша. Последи же возлежащим им единомунадесяте явися, и поноси неверствию их и жестокосердию, яко видевшим Его воставша не яша веры — Воскрес же Иисус. Здесь останись, потом читай: *заутра в первую субботу явися Марии Магдалини.* Ибо не — воскрес заутра (кто видел, когда Он воскрес?), но явился заутра, в день воскресный (так как этот день есть первый день субботы, то есть седмицы), который выше назван единою от суббот. *Марии Магдалини, из неяже изгна семь бесов,* то есть, многих (ибо Св. Писание принимает иногда число *семь* в смысле множества, напр.: неплоды роди *семь*), или семь бесов, противоположных семи духам добродетели, как то: дух бесстрадания (небогобоязливости), дух неразумия, дух неведения, дух лжи и прочие, противоположные дарованиям Св. Духа. *По сих же двема от них грядущема явися инем образом.* Об этих двоих и Лука говорит (24, 13-35). *И та возвестиста прочым: и ни тема веры яша.* Как же Лука говорит, что они, возвратившись, *обретоста совокупленных единагонадесяте, глаголющих, яко воста Господь* (Лук. 24, 33. 34), тогда как по свидетельству Марка, не поверили и тем, кои пришли из села? Отвечаем: когда евангелист говорит, что *возвестиста прочым,* то понимает не одиннадцать апостолов, но некоторых других. Этих и назвал он прочими, поелику одиннадцать видели Его (Христа) в тот же день, в который и возвратившиеся из села нашли их *глаголющих, яко воста Господь.*

И рече им: шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет. Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы ижденут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит их: на недужныя руки возложат, и здрави будут. Господь же убо, по глаголанию Его к ним, вознесеса на небо, и седе одесную Бога. Они же изшедше проповедаша всюду, Господу поспешствующу, и слово утверждающе последствующими знаменми. Аминь. Заметь заповедь Господа: *проповедите всей твари.* Не сказал: проповедуйте только послушным, но — *всей твари,* будут ли слушать, или нет. *Иже веру имет:* и не довольно сего, но — *и крестится:* ибо, кто уверовал, но не крестился, а остается еще оглашенным, тот не есть уже и спасен. Верующих, говорит, будут сопровождать знамения, — изгнание бесов, глаголение новыми языками, взимание змей, то есть истребление змей, и чувственных и мысленных, как в другом месте сказано: *наступайте на змию и на скорпию,* очевидно, мысленных (Лук. 10, 19). Впрочем выражение:

змия возмут — можно разуместь и буквально, так как напр. Павел взял в руку змею без всякого для себя вреда (Деян. 28, 3-5). *Аще и что смертно испиют, не вредит их.* Это случалось много раз, как находим в повествованиях. Ибо многие, выпивая яд, силою крестного знамения сохранялись невредимыми. *По глаголании же к ним (Господь) вознесся на небо и седе одесную Бога: они же проповедаша всюду, Господу поспешствующу и слово утверждающе последствующими знаменми.* Видишь ли? Везде сначала наше (действие), а потом уже Божие содействие. Ибо Бог содействует нам тогда, когда мы действуем и полагаем начало: а когда мы не действуем, Он не содействует. Заметь и то, что за словами следуют дела, и слово утверждается делами, как и у апостолов тогда слово утверждали последующие дела и знамения. О если бы, Христе Слово, и наши слова, которые мы говорим о добродетели, утверждались делами и поступками, так чтобы мы совершенными предстали Тебе, содействующему нам во всех делах и словах! Ибо Тебе подобает слава и в словах и делах наших. Аминь.